

АЛЬФА И ОМЕГА МАРИНЫ ЖУРИНСКОЙ

ЭССЕ, СТАТЬИ, ИНТЕРВЬЮ

**Марина Андреевна Журинская
Анна Александровна Данилова
Альфа и Омега Марины
Журиной. Эссе, статьи, интервью**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11828464

Журиная М. А. Альфа и Омега Марины Журиной : эссе, статьи, интервью: PRAVMIR.RU ;

ДАРЪ; Москва; 2015

ISBN 978-5-485-00504-7

Аннотация

Книга М. А. Журиной (1941–2013), бессменного редактора православного журнала «Альфа и Омега», готовилась к годовщине смерти автора. В этот сборник вошли статьи, эссе, интервью разных лет. Марина Андреевна, искренний и открытый человек, рассуждает в них обо всем на свете: о вере православной, о жизни общественной и семейной, об искусстве и природе. Взгляды автора часто оригинальны. Книга будет интересна всем думающим людям.

Содержание

Письма Диотимы	6
Вместо предисловия	9
Без московской ругани	9
Свидетельствовать	9
Туда, куда поведут 300 человек	10
Господь бдит	11
Обустроить Церковь?	11
«Альфа и Омега»[4]	13
До дыр	14
Без московской ругани	14
Какие издания убьет Интернет	16
На голубом глазу	18
Блицопрос	19
Вот мы такие...	20
О жизни и смерти	21
Неотвратимая трагичность бытия	21
Желание смерти и воля к жизни	23
Пожелания добра и пожелания зла	26
О вере и неверии	29
Кое-кто говорит, что Бога нет...	29
А хорошо ли это?	29
Волнение базаровского лопуха	29
Простые радости таксиста	30
Не быть «коротким гедонистом»	32
Будьте как дети	33
Насущная необходимость	34
Природа и Бог	35
Времена и нравы	37
Дерзай, дочь! Девица! Встань, или О христианках и феминистках	37
Про главное	38
Про равенство	39
Исцеление женщины от одежд Христа	40
Воскрешение дочери Иаира	40
Бессмыслица, или гражданский брак	42
Немного истории	42
Злодейства старого мира	43
Акты гражданского состояния	44
Эпидемия продолжается	44
Уж замуж невтерпёж, или А зачем жениться-то?	47
«Выдь замуж, голубушка!»	47
Контраргументы и их разоблачение (по Булгакову)	47
Жена как феномен	48
Дальнейшие контраргументы	48
Дары в супружестве	49
Тайна христианского брака	50

Дефект критики	51
Как жить в Содоме?	55
Мы – заложники	57
Голос Божий и общественный транспорт	61
О хамско-холуйском синдроме	63
Как же нам нужны бабушки!	65
Я не терплю...	68
Ведение – вежество – вежливость	71
Повседневное христианство	80
Дни лукавы	80
О подготовке к посту и битве на поварешках	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Марина Журинская Альфа и омега Марины Журинской. Эссе, статьи, интервью

Допущено к распространению Издательским Советом Русской
Православной Церкви

ИС Р14-416-1466

© Тестелец Я.Г., текст, 2015

© Данилова А.А., составитель, 2015

© PRAVMIR.RU, интернет-портал «Православие и мир», 2015

© Издательство «ДАРЪ», 2015

Письма Диотимы

Как известно, Герцена разбудили декабристы. Безвременно разбуженный пытливо осмотрелся и принялся будить разночинцев, которых было много, и никто не брался предсказать, какое количество спящего народу растолкает неистово-сознательная молодежь. У нас, православной молодежи девяностых, были свои будильники и вдохновители, герцены и декабристы. В Церкви мы были дикарями, но наши глаза еще не растеряли своего огня, а сердце умело пылко и взволнованно биться от неожиданных встреч и таинственных известий. Россия тогда была перед Вторым пришествием, а молитва в церковных руинах вдохновляла больше кафедрального великолепия.

Потом появился Кураев, лекции Осипова, из громокипящего кубка Москвы доходили неясные слухи то об открывшемся богословском институте, то об необычайно содержательном журнале или посмертных вещаниях старцев. Из столицы к нам, в провинцию, спешили пыльные курьеры, или, как их тогда называли, «книжники», – вестники церковных издательств, и мы жадно набрасывались на обрывки столичного великолепия, на разрозненные номера журналов, на отдельные тома книг. Москву я чувствовал руками – они просто обрывались от бесчисленных сумок, чреватых книгами, и так после каждой поездки. И я, и мои новые церковные товарищи, большинство из них, из тех, кто сейчас преподает, пишет книги, возглавляет архиерейские кафедры и монастыри, прошли один путь, отправной точкой которого было иподиаконство – послушание прислуживать епископу во время богослужения.

Среди нас были школьники, студенты, иногда молодые ученые. Просто – прибившаяся к Церкви молодежь. Ничего серьезного и отрадного. Я встретил только одного человека, который на эту молодежь смотрел с вдохновляющей надеждой, взглядом, ободряющим к жизни и творчеству. Марина Андреевна Журинская. Человек, умевший правильно будить. Вы спросите, и вполне справедливо: как же она «будила», многие тогда и имени ее не знали? Имени не знали, это верно. Но ее легендарный журнал «Альфа и Омега» читался всеми моими приятелями, читался порой жестоко и безжалостно, его зачитывали, копировали, забывали вернуть. Как-то Марина Андреевна призналась, что издает этот журнал для иподиаконов, которые потом станут епископами, священниками и богословами, и то, что они вычитывали в ее журнале, прорастет, хотят они того или нет. Так далеко она смотрела, разглядев в нас, в мальчишках, будущий лик и голос Церкви. Тогда я не обратил внимания на эти слова (как много слов, на которые я не обращал тогда внимания!), и лишь теперь понимаю, как мало людей, способных так смотреть и так видеть.

Однажды я спросил у Марины Андреевны:

– Можно мне называть вас Диотимой? Вы не обидитесь?

– Ах, отче, не вы первый называете меня так.

У Сократа была Диотима. Об этой удивительной женщине рассказывает платоновский «Пир». Сократу повезло – он встретил человека, который научил его не просто смотреть, но видеть. Случается, что одаренный быть Сократом так и не встретит свою Диотиму. А бывает, наоборот, – Диотиме не везет с сократами. У Марины Андреевны случались сократы, но я не боюсь, что не принадлежу к их числу. Но я видел настоящую Диотиму. Она учила видеть и обладала удивительным даром отрезвляющей мысли.

Чудом было то, что мы вообще встретились. Какие были шансы на эту встречу? Марина Андреевна – блестящий ученый, автор научных трудов, редактор серьезного журнала, кроме того, – живет в Москве и старше меня значительно. А в белорусском городе Гомеле неприлично молодой монах в только что открытом монастыре случайно добыл несколько номеров «Альфы и Омеги», оставленных очередными заезжими «книжниками»

на дне пустых коробок. Открыл журнал и – возблагодарил! Аверинцев, Флоровский, Мейендор, Лосский – и ничего лишнего и пустого. Это было событие!

Такой литературы мне еще не встречалось, и я решил узнать больше об этом удивительном издании. Обнаружил номер телефона. Дозвонился. И со мной стали разговаривать! На другом конце провода в далекой Москве весело и доброжелательно, долго и вдумчиво со мной говорила самая мудрая женщина на свете. Это было в 1995 году. И мы стали беседовать регулярно, и я узнал, что не такие уж мы и чужие: легендарный журнал – ровесник нашего монастыря, а мама Марины Андреевны происходит из Гомеля. Очень волнительно было мне встретиться лично. У нашего настоятеля, архимандрита Антония (Кузнецова), хранились письма владыки Варфоломея (Ремова), и мы предложили их опубликовать в родном для нас журнале. Мне выпала честь отвезти их в Москву. Я, как это водится, ошибся квартирой, но в конце концов добрался по адресу. Две пожилые, но очень внимательные и добрые женщины, какой-то старинный компьютер, шкафы с книгами. Мне бы хотелось подробно описать эту первую встречу, но я тогда был слишком молод и страшно волновался. Это была старая квартира Марины Андреевны, и я бывал там еще раз, и чудесный, теперь уже ставший легендарным кот Мишка позволил себя погладить.

А потом как-то неожиданно у нас завязалась переписка, длившаяся почти десять лет. О чем мы там переписывались, перешептывались на письме? Сейчас это важно только для меня. У нее было какое-то врожденное здравомыслие и дар трезвости, которым она делилась щедро, одной фразой, взглядом, жестом внося ясность в, казалось, безнадежно запутанный вопрос. Марина Андреевна через письма хорошо знала нашу жизнь и добрую (и даже худую) половину братии, ни разу не видел никого из них. И еще она имела дар убеждения. Довольно долго она уговаривала меня что-нибудь написать для журнала, и я поддался уговорам. С тех пор не могу остановиться.

Только не подумайте, что мы отсылали друг другу философские трактаты. Все было просто, человечно, сердечно. У Марины Андреевны было уникальное чувство юмора, и она умела даже свои проблемы со здоровьем обратить в изящную шутку. Вот она пишет:

«Молитвенник из меня никакой, но мне ли не знать, что такое ноги! При чтении беллетристики (грешна!) я обращаю внимание на то, что герои ходят, идут куда-то пешком, прогуливаются, – и какое же это блаженство. Одно утешение: даже при желании я никак не могу идти на совет нечестивых». Люди, близко знавшие Марину Андреевну, ее проблемы со здоровьем знают цену этой улыбки, как тяжело ей давался этот чудесный юмор, это очаровательное озорство.

Много лет Марина Андреевна хотела написать текст о христианском прочтении «Левконой». Это знаменитое стихотворение Горация, которое мало кто читал целиком, но многие помнят знаменитое *carpe diem* – «лови момент», «хватай мгновение». У нее был дар радоваться жизни, ее простым дарам, ее детским тайнам и утешениям. Она любила людей, кошек, цветы, музыку, просто жить – ей очень нравилось, и так надеешься, что на Пасху снова получишь от нее «букет восторгов»:

«А как растут у меня кактусы! А сколько их и какие есть неожиданные! А какие фиалки расцветают небывалые! А как пышно растет мое кошачье собрание на пианино! К Вашему дракончику присоединился такой же стеклянный крокодилчик, и как же им хорошо! А какую пасху я сделала!» А в конце непременно будет какая-нибудь святая и дурашливая подпись:

«Остаюсь, добрейший и проникновеннейший отче...

От души любящая Ваше Высокопреподобие...

Ныне дающая волю своему неугасимому стремлению к непрестанной радости и держащая считать себя близкой Вам по умунастроению и душевному устройству раба Божия Анна».

Однажды она написала: «Вот уж и праздник наступил. Поздравляю, поздравляю, поздравляю, и радуйтесь без конца и края, потому что с нами Бог и Его Пречистая Матерь. И этого у нас не отнять». Моя дорогая Диотима сейчас на руках у Бога. Она любила жить, и сейчас более жива, чем мы, и этого у нее уже никому не отнять. А от чего же так грустно? От разлуки, конечно. Но это все пройдет. Как говаривала Марина Андреевна, «ужо там наобщаемся».

Архимандрит Савва (Мажуко)

Вместо предисловия

Без московской ругани

«Альфа и Омега» – 20 лет изданию, более 60 толстых номеров – в квартире Марины Андреевны Журинской под журнал отведена целая полка. В открытое окно первого этажа шумит весенняя улица, на стенах картины Елены Черкасовой, на столике коллекционные кошки. Разговор начинается без предисловия и долгого подступа к теме.

Беседовала Анна Данилова

Свидетельствовать

Марина Журинская: Масс-медиа должно иметь одно свойство: оно должно быть средообразующим. Вокруг него должны собираться единомышленники.

Конечно, СМИ может добиться временного успеха, если будет искать себе аудиторию такую, чтобы ей потрафить, но это дело в перспективе обреченное, тем более когда мы говорим о христианской журналистике. Христианская журналистика – это не пропаганда, это – свидетельство.

Нам никто не сулил успеха, нам говорили: в мире будете иметь скорбь. А дальше сказано, *но мужайтесь, Я победил мир*¹. Не сказано: Я вам дам победу над миром, – нет. *Я победил мир*. Мы живем в спасенном мире.

Когда еще не было политкорректности, в Америке в XIX веке, когда давали объявление о приеме на работу, оскорбительным образом писали «ирландцев просим не беспокоиться». Если абстрагироваться от политкорректности, то условных ирландцев просят не беспокоиться – спасать мир не надо, он спасен. А надо свидетельствовать, что он спасен.

Мы должны сами этим жить, должны испытывать радость о Господе и о радости свидетельствовать. Это, конечно, очень трудно, но идеальное православное СМИ будет руководствоваться тезисом апостола Павла: *Непрестанно молитесь, всегда радуйтесь, за все благодарите*². Вы это часто встречаете в православных СМИ? А «слава Богу за все» святителя Иоанна Златоуста – часто?

Анна Данилова: *Свидетельство – для журналистики необычное понятие. О религиозной журналистике говорят в самых разных словах – проповедь, пиар, аналитика...*

М. Ж.: Нормальным православным издательством руководят, простите меня, миряне (при всем моем уважении к носителям священного сана, они обязательно должны в этом деле присутствовать, но **работают** миряне). Следовательно, это частный случай апостолата мирян.

А что такое апостолат мирян? Очень простая вещь. Мы должны свидетельствовать о Христе **своей жизнью во Христе**. Если мы своей жизнью не свидетельствуем, то Господь не даст никакого процветания – будь хоть средства, хоть административный ресурс, хоть что. Не даст, и все. Потому что свидетельство о Христе исключает лжесвидетельство. А когда мы говорим одно, а делаем другое – это и есть лжесвидетельство.

Только так СМИ может стать средообразующим. Наше дело, чтобы свидетельство было максимально адекватным.

---

¹ См. Ин. 16, 33. – *Ред.*

² Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите (1 Фес. 5, 16–18). – *Ред.*

Туда, куда поведут 300 человек

А. Д.: Если посмотреть на самые обсуждаемые в религиозной и околорелигиозной журналистике темы, то это будет доход священства, дресс-код...

М. Ж.: Тут в Интернете возник совершенно дивный анекдот, который я не могу не одобрить. Я большой любитель острословия. «Жила-была девушка, тем и виновата». Дело было не в дресс-коде, а в идее о том, что всякий человек может пожелать изнасиловать женщину, которая неправильно одета. Вот это было главное безобразие, а не дресс-код.

Мы должны свидетельствовать не недопустимость дамских штанов. (Кстати, Святейший Патриарх Алексей как-то спросил на епархиальном собрании, когда один батюшка это дело обличал: «Ну хорошо, а когда юбки совсем переведутся, что делать будете?»)

Мы исповедуем Христа Распятого. Для иудеев, как известно, соблазн, для эллинов – безумие³. Потрафлять вкусам, идти за людьми нельзя, потому что тот же апостол Павел говорил о том, что и как следует утверждать: вопреки общепринятым заблуждениям и нашим собственным «слишком человеческим» опасениям.

Об успешности православного СМИ очень трудно говорить. Это Бог дает. А что Бог дает? – спасение, но не обязательно успех; не будем придерживаться «теологии процветания», это в конце концов неправославно. Кому Бог дает? Тем, кто Ему верен. Такие общепринятые вещи, как массовость тиража и так далее, – это не так важно.

А. Д.: Но разве издатели православной литературы и СМИ не хотят донести Слово до максимально широкой аудитории?

М. Ж.: Есть такая поговорка: «Франция пойдет туда, куда ее поведут 300 человек». Мир пошел туда, куда его повели 12 апостолов. Дело не в массовости, а в стоянии перед Христом. В свое время отец Глеб Каледа говорил: за что мы почитаем святых? Не за их учение (они ошибались, у них были богословские ошибки), не за их жизнь (все они были люди грешные, а некоторые грешили тяжко), а за их стояние перед Господом. За их позицию, которая была безупречно сформулирована в свое время Авраамом. Господь позвал Авраама. «Вот я!» – сказал Авраам. Все. Это первичная форма веры, первая ее позиция: «Вот я!» Вот я перед Тобой, Господь мой и Бог мой. От этого уже все идет.

А. Д.: Получается, что нужно свести все к одной теме, к одному направлению?

М. Ж.: Мы знаем про соль земли, и мы помним продолжение, что если соль испортится, то с ней уже ничего не поделаешь, ее можно только выбросить. Но есть у соли земли и вторая сторона. Должно быть тесто, в которое сыплется соль; соль – это не еда, соль – это приправа. Никто не говорил, что все сделайте солью, и тогда все будет хорошо. Если все сделается солью, то хорошо не будет. Это жена Лота сделалась солью...

А. Д.: Но многих ли людей может заинтересовать свидетельство? Ведь православные СМИ существуют не в вакууме, рядом с ними сотни намного более увлекательных изданий...

М. Ж.: Естественно, может заинтересовать, – ведь люди на самом деле любят недоступное, интересное, необычное. И вот это, что для иудеев соблазн, а для эллинов – безумие, надо подать необычно. Это действительно интересно. Как говорил в свое время С. С. Аверинцев: «Почему бы не призвать молодежь к увлекательной авантюре целомудренной жизни». Это действительно увлекательная авантюра. Почему бы это так не показать? Почему это обязательно должны быть какие-то серо-буро-малиновые юбки с висячими подолами?

---

³ См. 1 Кор. 1, 23. – *Ред.*

А. Д.: *Это очень трудно понять и реализовать. Писать о жизни во Христе, но так, чтобы это цепляло читателя, – это колоссально сложная, нереализуемая задача. А ведь нам надо как-то менять общество...*

М. Ж.: Православным СМИ формировать общественное мнение? Доформировались. Когда вышла моя книжка про кота Мишку, на одном кошачьем сайте появилось: и хотя книга христианская, читать можно. Понимаете, какую репутацию надо заслужить всеми этими дресс-кодами и прочим, чтобы люди так писали?

Вот я сейчас написала статью, которая пойдет в 60-й номер «Альфы и Омеги». Она называется «Поворот оверкиль». Это когда вверх дном корабль переворачивается, – это конец. Я пишу об историческом корабле и начинаю с того, что все мы любим говорить о том, что мир меняется к худшему, а когда доходит до дела, то единственное, о чем мы можем говорить, так это о том, что молодежь одевается безумно вызывающе. Но простите, это признак стабильности. Это было всегда. А признаки ухудшения другие. Нежелание жить, нежелание жить с Богом, нежелание вечности, пресыщенность, страх. Все живут в страхе. И лжесвидетельства и лжепроповедники, которые людей запугивают адскими муками.

Господь бдит

Когда только-только началась разрядка в обществе и зарубежные поездки, известный советский лингвист Ольга Сергеевна Ахманова с группой студентов и преподавателей поехала в Англию. Английский ее был хорош, она была красавица: высокая, стройная, длинноногая блондинка, с голубыми глазами и ямочками на щеках. В Англии она произвела фурор, о ней писали в светской хронике.

Естественно, когда она приехала назад, то попала на партбюро. Евдокия Михайловна Галкина-Федорук, которую можно было обвинить во всем, кроме красоты, сказала: «Ольга Сергеевна, как вы могли забыть, что советская женщина должна внушать капиталистам отвращение?!»

Так вот, когда я смотрю на наших эталонно-православных девиц, я вспоминаю этот случай на партбюро. Православная девушка должна внушать отвращение всем, в том числе и своему мужу. Православный молодой человек – то же самое. Когда в храме вы видите особо грязную и лохматую голову, вы должны сделать вывод, что ее обладатель особенно набожен. Что за безобразие? Кого это может привлечь, кроме извращенцев?

Владыку Антония спросили, какой должна быть православная семья, он ответил одним словом: «Счастливой». А какое такое счастье написано на этих перекошенных от злобы физиономиях? И лицо наших СМИ по большей части такое же: убогое и перекошенное. А мы жалуемся, что не можем атмосферу в обществе изменить. Так и слава Богу, что мы не можем ее вот таким образом переменить. Это же Господь бдит.

Обустроить Церковь?

А. Д.: *Сегодня вокруг Церкви вспыхивает медийный конфликт за медийным конфликтом. Многие из них разжигаем мы сами. Растут антиклерикальные настроения, и уж точно – не меньше становится старых упреков, тиражируемых новыми медиа...*

М. Ж.: Недавно, отвечая на замечания «Русского репортера» о том, «как нам обустроить Церковь», я вспомнила Вертинского: «Будет это пророк или просто обманщик, но в какой только рай нас погонят тогда?» Мне такие вопросы очень напоминают проект соловьевского антихриста: у нас должны быть культурные православные, просвещенные мусульмане и так далее. После Вертинского высказался Галич: «Бойтесь единственно только того, кто скажет: “Я знаю как надо”».

Нам говорят, как надо, а мы боимся и правильно делаем, что боимся. А закончила я цитатой из песни, которую поет Слава Бутусов; это триумф личного свидетельства: «**Может быть, я не прав, может быть, ты права, но я видел своими глазами, как тянется к небу трава**».

Мы своими глазами видим, что Господь — в нашей Церкви, что Он нас не оставил. И о Нем мы свидетельствуем. Мы не должны быть все пионерами и комсомольцами. Кто сказал, что все наши епископы должны быть кандидатами в патерик? Это при советской власти были кандидаты в ЦК. У нас кандидатов в святые нет. Господь выбирает святых среди грешных людей. Вот что мы обязательно должны сказать — мы не претендуем на святость. Господь пришел не к праведникам, а к грешным. И Он остается в нашей Церкви. Мы это осознаем, и это сильно нас отличает от тех, которые не осознают себя грешниками. Нам лучше в этом смысле, потому что мы с Господом, Он с нами.

Есть совершенно замечательное стихотворение у Тимура Кибирова о том, как праведные граждане будут шокированы, если они попадут в рай. Кто там будет? — «Мотя из налоговой полиции, Магда из массажного салона».

Как же было нам не обозлиться?!
Рядом с Ним расселись беспардонно
Мотя из налоговой полиции,
Магда из массажного салона!
Как же нам не предпочесть Денницу
Плотницкой компании хваленой
Мотьке из налоговой полиции,
Машке из массажного салона?!
Ведь и в этой чертовой провинции
Мог бы выбрать Флавия, Филона,
Хоть Варавву — все ж не из полиции
И не из массажного салона!..
Я воображаю наши лица
В судный день, когда, поправ законы,
Рыболов, и мытарь, и блудница
Воссияют у Господня трона.

А помните Гумилева?

Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: вставай!

Мы верим в Такого Бога, Который не ставит пятерки отличникам, а смывает грехи у тех, кто к Нему за этим обращается. Он настолько велик, могуч и добр, что стоит нам к Нему обратиться, и наши грехи исчезают.

А. Д.: *Да, но люди ждут от нас плодов веры, о них рассказать трудно. В результате многие сюжеты в СМИ связаны с неприглядным поведением верующих, что отталкивает людей от Православия. Как выбрать здесь и правильный стиль, да и свое отношение ко всему этому негативу?*

М. Ж.: Однажды ко мне пришла пятидесятница и стала прохаживаться насчет личных грехов православного духовенства. И тут я разозлилась и сказала: «Вы не понимаете одну

вещь. Даже если куда-то денется Русская Православная Церковь, – что невозможно, но даже если она куда-то денется и в ней останется один священник – горький пьяница и заведомый стукач, – я останусь его последней прихожанкой и мы вместе будем оплакивать наши грехи».

И ведь православные тоже считают, что все наши батюшки должны быть юными пионерами, все епископы Серафимами Саровскими. Причем на самом деле ни о жизни батюшек, ни о жизни епископов никто ничего не знает. Вернее, все знают, что весь епископат в золоте, а какие диагнозы у них – никто не знает. Помните чеховский рассказ «Архиерей», о том, что владыка не дожил до Пасхи, умер от кровотечения, от брюшного тифа. И тогда выяснилось, что он служил с брюшным тифом. Чехов был врач и знал, что с брюшным тифом быть на ногах невозможно. Но в его рассказе владыка с брюшным тифом был на ногах и служил, и свалился буквально за сутки до смерти. Вот таких вещей никто не знает.

Какие скорби несут наши батюшки. Себя-то мы знаем, знаем, что мы не сокровища. А всю эту свою несокровищность мы же сваливаем на наших священников, поедом их едим.

Отец Глеб Каледа очень тяжело умирал. И он, умирая, говорил: «Иначе нельзя, я убийц исповедовал». Про это же никто не думает, и мы их рассматриваем потребительски: мы там что-нибудь вякнем, батюшка махнет епитрахилью, и у меня будет право причаститься, «чтобы не болеть».

Так что на Христа и на свое стояние перед Христом должна ориентироваться православная журналистика. И на то, что врать нельзя. Вот это главное.

«Альфа и Омега»⁴

А. Д.: *Марина Андреевна, расскажите, как создавался «Альфа и Омега»? Это было такое интересное время синхронного всплеска – одновременно возникло сразу несколько православных изданий – «Фома», «Встреча»...*

М. Ж.: У меня было желание издавать православный журнал. Я посмотрела, что тогда стал делать «Вестник РХДД». Он ударился в ностальгию по России, а я видела потребность удариться в ностальгию именно по диаспоре. Вначале мы очень много публиковали Шмемана, Мейендорфа, Флоровского – хотели донести до читателя России, который ничего этого не знал, подвиг православной диаспоры.

Это были великие люди, они были велики именно в своем стоянии. Свет миру. Они при этом были лишены родины, им было горько от этого всегда, но на их стоянии это никак не отражалось. Совершенно чудом я получила какие-то глупые деньги, я не понимаю, как их на что-то хватило, но вот стала я издавать, и все.

А. Д.: *У вас большой редсовет, но велика ли сама редакция?*

М. Ж.: Было нас двое: я и моя крестница. И до сих пор две хворые старухи этим занимаются.

А. Д.: *Как собирали авторов?*

М. Ж.: Кто приходил, кого приглашали. Вот, например, я как-то «положила глаз» на совсем молодого, но умного, мыслящего и красивого отца Алексия Уминского и сказала, что сам Бог ему велел что-то писать про воспитание. Он очень взволновался и сказал: «Марина Андреевна, я должен вас предупредить, я не профессиональный педагог». На что я ему ответила, что это очень хорошо, что профессионального педагога я бы и не пригласила.

Совсем умирающему отцу Глебу Каледке я как-то предложила из его статей о Туринской плащанице сделать обобщающую. Он благословил нас сделать суммирующий текст,

---

⁴ Журнал «Альфа и Омега» был основан весной 1994 г. 400-страничный журнал-ежеквартальник, издающийся тиражом 2500 экз. и распространяющийся на территории всех стран СНГ. Его читателями стали священники и активные миряне, работающие ради формирования подлинно церковного сознания у того поколения российских христиан, которое пришло в Церковь в последние десятилетия.

лежа в больнице, где его и дорабатывал. Он умирал, номер еще не вышел, и мы просили в типографии, чтобы нам сделали отдельные оттиски, и батюшка их подписывал: «детям», «друзьям». Потом эта статья вышла невероятным совокупным тиражом (отдельными изданиями, републикациями), кажется, около 200 000 экземпляров. А потом мы стали всего отца Глеба печатать – главы «Домашней церкви», проповеди и прочее. И подготовили к печати все его труды.

Еще с владыкой Антонием получилось – как-то мы столкнулись с Еленой Львовной Майданович, и она нас полюбила. С тех пор у нас нет ни одного номера, в котором не было бы владыки Антония.

До дыр

А. Д.: *Помните первый номер?*

М. Ж.: Первый номер... Первый номер надо еще увидеть. Он был тоненький, нелепо сверстаный, в какой-то дурацкой бумажной обложке. Это же постепенно у нас обложка стала не совсем бумажная, а потом мы завели на ней какую-то красоту, потом она стала цветная. За эту красоту нас дико ругали, шли шепоты, что журнал не православный, потому что изображена Троица в четырех лицах. А там изображена всемирно известная миниатюра «Епифаний Премудрый с братией пишет житие преподобного Сергия».

У нас никогда не было большого тиража, но я знаю, что каждый экземпляр зачитывают до дыр. В библиотеке Троице-Сергиевой Академии и семинарии у нас просили два экземпляра вместо одного, потому что один моментально занашивают, и на него очередь.

Однажды ко мне приехал один наш немосковский автор, стал рассказывать о каких-то нестроениях епархиальных, а потом как-то замолчал, смотря на полку, где была вся «Альфа и Омега», и сказал: вот, через 200 лет это и останется. Все забудут про наши дразги.

Тем и живем.

А. Д.: *Было желание все бросить и жить спокойно?*

М. Ж.: Многократно. Много лет назад у меня был разговор с отцом Алексием Уминским. Я подошла издали, говорю: «Отец Алексей, а ведь это правда, что для священника превыше всего спасение человеческих душ?» – «Правда», – говорит отец Алексей. Я говорю: «Отец Алексей, благословите бросить всю эту чрезвычайно душевредную тяготину и заняться спасением души». – «Еще чего!» – сказал отец Алексей, вот именно этими самыми словами. «А еще интеллигентный человек», – горько подумала я... и продолжала свою деятельность.

Я смирилась с тем, что редактирование – это крайне душевредная работа. Правда, хуже всего – это редактирование перевода. Потому что редактор между двумя языковыми системами и между двумя сознаниями: автора и переводчика. Такая чудовищная нагрузка, что как-то с ней справиться можно, только раскалившись до состояния берсерка⁵. Рубить направо и налево. А это состояние душевредное.

Без московской ругани

А. Д.: *А самые памятные истории из жизни журнала расскажете?*

М. Ж.: Журнал ведь и стал средообразующим. Пришли люди, постепенно выяснилось, что нам не так уже нужно публиковать диаспору, у нас уже свои есть.

---

⁵ Берсерк – в древнескандинавском обществе воин, посвятивший себя богу Одину. Перед битвой берсерк приводил себя в ярость. – *Ред.*

После того как вышел первый номер, раздался звонок в дверь и на пороге возник один из моих студентов, ему было тогда лет 18. А ко мне не приходили без предварительного звонка. Мальчик пришел, прислонился к притолоке, потому что на ногах стоял плохо, и сказал: «Марина Андреевна, я вчера вот купил “Альфу и Омегу”, читал до 4-х часов утра, а потом я вышел и пошел, пришел к вам». Я жила в самом центре, а он на далеком юго-западе. Вот, понимаете, он с 4-х часов утра много часов шел по Москве, обуреваемый чувствами и мыслями, чтобы сказать, что это его журнал. Сейчас он иеромонах.

А один раз ко мне приехал совершенно фантастический человек, батюшка из Восточной Сибири. Чудом добрался до Москвы, потому что это же дико дорого. Такой громадный богатырь, с невероятной копной русых волос, с невероятно чистыми серыми русскими глазами, очень серьезный. Он решил, что раз он придет в Москву, то купит как можно больше литературы, чтобы везти на себе, а не платить за пересылку, потому что пересылка в Восточную Сибирь – это нечто. Так он и ко мне попал, решив, что лучше добраться до редакции, чтобы купить журнал без всяких наценок. Он мне сказал фразу, которую помирать буду – буду вспоминать с благодарностью. «Мне почему ваш журнал нравится? Потому что в нем очень много полезного и нет никакой этой вашей московской ругани».

А. Д.: *И как удастся избежать всех этих острых тем, «ругани»?*

М. Ж.: У нас нет «московской ругани», потому что мы про Христа. С самого начала журнал был христоцентричен и еклесиоцентричен, поскольку главное из того, что есть в мире, – это Церковь, которая пребудет и плавно въедет в вечность. А Церковь существует, поскольку она христоцентрична. Вот и все, вот вам Альфа и Омега, начало и конец.

Однажды сын моей крестницы, когда ему было лет 12, в храме ко мне подходит и говорит: «Марина, там продается книга про антихриста». Я ему говорю: «Алеша, никогда не читай про антихриста, всегда читай про Христа». Запомнил на всю жизнь.

А. Д.: *Есть ли темы, которые вы принципиально не поднимаете?*

М. Ж.: То, что ничего не может дать для спасения души, – ту самую «московскую ругань». То, что может что-то дать, – достойно рассмотрения. То есть вот тут вот к этим двум моментам (екклесиоцентричность и христоцентричность) добавляется еще и антропоцентричность. Точнее, психоцентричность. То, что для души полезно. А для души полезны Христос и Церковь Его. Вот так оно и смыкается.

А. Д.: *Проблема поиска авторов и выпрашивания текстов знакома?*

М. Ж.: Да, приходится вынимать из автора уже обещанную статью. Вот тут все средства хороши. Понимаете, в американском судопроизводстве, как известно, суммируются сроки. И там поэтому спокойно могут приговорить человека к двум векам тюремного заключения. А я как-то стала суммировать время, которое у меня при подготовке номера уходит на разговоры с авторами. 48 месяцев, если все суммировать.

Не все же авторы такие, как Василий Глебович Каледа, который сам может быть для измученного редактора психотерапевтом. Я рецензировала его выступление на Правмире. Он тогда очень был рад. Прошу отметить, что для такого журнала не совсем тривиальная форма: рецензия на интернет-публикацию.

А. Д.: *Ваши любимые современные публицисты?*

М. Ж.: Очень люблю печатать Володю Легойду. Вот это очень странно, но его колонки в «Фоме» люди не разглядывают, а в «Альфе и Омеге» разглядывают. Вот что это такое? Так получается.

Назову отца Алексия Уминского, я считаю, что он замечательный автор. Но у нас есть еще один замечательный автор – игумен Савва (Мажуко) из Белоруссии. Его публикации всегда вызывают глубокий отклик. Он пишет прекрасно и как-то задевает людей за самое живое. У нас была его статья о девстве, ее вот читают и балдеют. Другого слова просто нет.

И я очень люблю его проповеди. Он молодой, образованный, настоящий тихий монах, тихо сидящий в маленьком монастыре. Еще и регент к тому же.

Отец Илья Шапиро оказался потрясающим знатоком и любителем богослужения – очень тонко его чувствует. В текущем номере у нас его статья про царские часы – согласитесь, что про это никто не пишет.

Жаль, очень мало пишет владыка Лонгин (Корчагин), потому что он весь на разрыв. Кстати, у него вышла очень хорошая книга, и особенно надо отметить, что очень большую ее часть занимают вопросы-ответы в Интернете. И ни разу во всех его ответах не звучит «а вы смиряйтесь». Согласитесь, ценно.

Еще из любимых авторов – Сергей Худиев, которого иначе как блестящим апологетом не назовешь, и Андрей Десницкий, очень глубоко образованный и мыслящий библеист и абсолютно разумный человек при этом. А это не так часто сочетается, как хотелось бы. Прочих можно найти на страницах журнала.

А. Д.: *Нет ли проблемы «перерасхода» себя? Когда кажется, что все уже сказал, исчерпал себя до крайности и надо срочно восполнять, возобновлять исчерпанные ресурсы?*

М. Ж.: Я этого не знаю, для меня это совершенно не проблема. Во-первых, я совершенно не могу читать и слушать больше, чем читаю и слушаю. Я говорю, что чукча не писатель, да и не читатель. Чукча редактор. Это совершенно другое. Но когда хочется – читаю, и когда хочется – пишу. У меня почему-то нет никакой необходимости компенсировать. Может быть, потому, что у меня вообще жизнь очень интересная. Мне, дай Бог, успеть бы все написать... и еще много чего (и кого) прочитать. Я вот в последней статье сделала совершенно хамское примечание для своего возраста, что увлекательнейшую тему радости у апостола Павла оставляю за собой на потом. И действительно, оставляю.

Вот работа у меня такая: я человек совершенно свободный и поэтому на 70-м году жизни обратилась к теме рок-культуры, написала громадную статью о Цое на два с половиной печатных листа. Из нее, может быть, будет делаться книга. Эту статью прочел Бутусов, и она ему понравилась, а мне это тоже понравилось. Тем более что я редактирую очередную его книгу прозы. И он меня позвал на свой концерт, я впервые в жизни была на рок-концерте.

Причем мы долго беседовали в артистической, а потом он совершил невероятное, сказал, что для меня и сопровождающих какие-то места хорошие оставил и хочет меня проводить. Охрана абсолютно окаменела. Дошли туда, там еще посидели, поболтали – и только через 20 минут люди стали соображать, что среди них живой Бутусов. Тут он раздал какое-то количество автографов и стремительно убежал, потому что пора было на сцену.

А вы говорите – компенсация. А у меня вот такая работа. И чего мне еще компенсировать, спрашивается? Конечно, не на таком экстравагантном уровне, но для меня каждая встреча с автором – праздник, поскольку все уже давно поняли, что скандалить со мной не из-за чего.

И читателей я тоже люблю, не часто, но иногда они ко мне добиваются, бывает, что и зарубежные. Это ценно не потому, что они заграничные люди, а потому, что взяли на себя труд.

Какие издания убьет Интернет

А. Д.: *Сегодня все и все уходит в Интернет...*

М. Ж.: Я терпеть не могу рассуждения, что все изобретения двадцатого, а тем более двадцать первого века несут нам смерть и гибель духовную. Потому что ровно то же самое можно было в свое время сказать про бумагу. А уж про печатный станок! Все, что есть в жизни людей, имеет обоюдное измерение: нет в падшем мире такой вещи, которой нельзя было бы злоупотребить.

Что всякие изобретения – на благо и на пользу, – я в этом более чем уверена. Опиаты – это великое средство уменьшения человеческих страданий и страшное оружие гибели человеческой. В основе наркомании – лекарственные препараты! То же самое и со всеми человеческими изобретениями, в том числе и с Интернетом. Не надо мне говорить про порносайты по простой причине – существует большое количество порнолитературы, я ее не читаю. То же самое с порносайтами: они меня не волнуют, потому что я совершенно не знаю, что это такое. И знать не хочу. Это факт биографии не Интернета, это факт биографии меня.

Я терпеть не могу, когда студенты скачивают из Интернета рефераты. А познается это на пальцах – нет выходных данных. И когда я юному существу говорю – откуда, а существо отвечает: «Не знаю, брал из Интернета», – он у меня вылетает со скоростью пороссячьего визга, как говорил О’Генри.

Но в то же время Интернетом можно виртуозно пользоваться для получения и проверки информации – я, конечно, могу встать из-за стола, взять энциклопедию и в нее заткнуться, но проще это сделать при наличии трех кнопок. Для чистой информации Интернету нет цены. Говорю это как человек слегка пишущий.

Электронные библиотеки могут заменить бумажные. Ридер – электронная книжка – удобная система: можешь себе что-то скачать и уйти гулять с маленькой книжкой. Но ничто не заменит удовольствия быть с книгой бумажной. Я недавно послала одному знакомому текст в электронном виде, а потом сказала: «Скорее бы вышла книга, потому что мне хочется подарить вам этот текст в виде книги. Чтобы вы ее где-то потеряли!»

А. Д.: *Чтобы потеряли?!*

М. Ж.: Это ж такое удовольствие! Это часть нашей жизни – мы всегда где-то теряли книжки. Иногда это было невосстановимо, и это было не удовольствие, а трагедия, но это же все равно адреналин.

Интернету нет цены, когда мы можем переписываться. Есть граждане, как правило, молодого возраста, которые сделали себе наркотическую привычку – сидят часами в аське и обмениваются абсолютно бессмысленными репликами. И получают удовольствие... Я очень люблю писать письма. Письма я как писала содержательные, так и пишу, получаю содержательные ответы. Особо выдающиеся письма я распечатываю. У меня целые папки переписки с разными людьми – я храню письма, которые имеют ценность – дружественную, душевную, интеллектуальную. Благодаря электронной почте я могу освободить себя от того, чтобы покупать конверты, марки, отправлять на почту, ждать – дойдет – не дойдет. Читаешь в романах XIX века: сутки шло письмо из Москвы в Петербург и обратно, а у нас – две недели! А в Интернете все доходит.

Терпеть не могу в Интернете обсуждения – они бессмысленны. Я их редко читаю, но каждый раз, когда читаю, думаю: слава цензуре! Слава этому громоздкому механизму редакции! Свободный обмен мнениями – просто бессодержательный. Обсуждения на форуме через три шага уходят в сторону. Вместо того чтобы обсуждать по существу, кто-то прицепился к слову, кто-то прицепился к тому, что прицепился к слову, – в результате получается бессмысленная ругань, которая не имеет никакого отношения к теме. Для меня идеально, если я вижу, что кто-то написал что-то интересное, я пойду и позвоню! Вырвавшись из паутины!

А. Д.: *Убьет Интернет печатные издания?*

М. Ж.: Какие убьет – тем туда и дорога. Если вы хотите существовать в бумажном виде – выпускайте так, чтобы люди хотели это хранить. Вот «Альфу и Омегу» люди хранят – все спокойно в этом отношении.

На голубом глазу

А. Д.: *Вы всю жизнь работали в науке, закончили филологический факультет МГУ...*

М. Ж.: Кафедра была немецкая, а диплом у меня был по хеттологии. Потом я попала в Институт языкознания стажером, меня бросили на лингвистическую типологию, что было полным кошмаром.

А. Д.: *Почему?!*

М. Ж.: Потому что обычно типологией занимаются за выслугой лет, а я была девчонкой. И так получилось, что тогда издавался трехтомник по общему языкознанию, глава «Типология» была моя. Вообще меня никто не жалел. Например, как-то позвали в иняз прочесть лекцию аспирантам, 19 девчонок. Прихожу, а мне говорят, вот в эту аудиторию (громкая аудитория, со сценой, с кафедрой), и сидят тетки – в английских костюмах, в джерси, с прическами. Я спрашиваю, что это такое? А мне говорят, что заодно пригласили и ФПК⁶. Двести заведующих кафедрами иностранных языков со всего Советского Союза. А я два года как университет окончила. И они-то все в английских костюмах, а на мне такое продвинутое платье с единым рисунком на все платье, в стиле Хокуса, и индейские косы в качестве прически – прямой пробор и два длинных хвоста над ушами. Я воздвиглась на кафедру на совершенно ватных ногах.

И тут все эти тетки достают тетрадки и смотрят на меня. Я подавила в себе вопль: «Подождите записывать, может, я все еще навру». И тут я увидела путь к спасению – особняком сидят два человека мужского рода, относительно молодых и узбеки. Поэтому я быстренько пробарабанила вступление и сказала, что мы начнем с агглютинативных языков. Написала узбекский пример из Поливанова. Правильно? – спрашиваю я узбеков. Они просияли, закивали головой, потому что правильно, действительно по-узбекски.

А. Д.: *Все прошло в результате благополучно?*

М. Ж.: Эти узбеки меня сразу окружили таким почитанием на расстоянии. А тетки – народ трусливый, если они видят, что имеет место лекторша, странная, конечно, но вот сидят двое мужчин и уважают, значит надо уважать.

А. Д.: *Долго вы работали в Институте языкознания?*

М. Ж.: Без малого 20 лет, занималась уже какими-то общими семантико-грамматическими делами.

Я перестала вести список своих научных трудов, когда он перешагнул за сто, потому что стало скучно. А потом меня взяли и бросили на энциклопедию «Языки мира». А потом, несколько лет назад звонит мне мой любимый Легойда и говорит: «Марина Андреевна, у вас есть двойная тетка. В журнале “Итоги” статья, посвященная 20-летию проекта “Языки мира”, а там сказано, что Марина Журинская сломала советскую академическую бюрократическую систему».

А. Д.: *Как сломали?*

М. Ж.: А не знаю. На голубом глазу. Я просто сказала, что мне нужен Витя Порхо-мовский (совершенно замечательный африканист), Витя Виноградов (он сейчас директор института), Андрей Королев (выдающийся кельтолог) и две недели. И мы сидели у меня и писали исходную программу этих «Языков мира». И написали. Я их делала очень долго, эти «Языки мира». И довольно много сделала.

А потом у меня очень болела мама... И я как-то услышала мимоходом: «Представляете, мы приходим из театра, а мама лежит в коридоре». И тут я поняла, что я не допущу такого. Я

---

⁶ ФПК – факультет повышения квалификации. – Ред.

ушла с работы и стала ухаживать за мамой. 4 года я с ней сидела. Все. Там мне светила какая-то карьера, но ничего, ушла. Но мама у меня умерла, как человек. Христианская кончина...

А. Д.: *Вот так вот отказались от всей научной работы и карьеры... А как вы пришли в Церковь?*

М. Ж.: Я в 1975 году крестилась.

Первый раз с церковью была встреча, когда я была совсем маленькая, в Москве жила папина сестра, у которой был рак, и ее пытались лечить. Мы гуляли. Вот догуляли как-то до ворот Высокопетровского монастыря, и я ее спросила: а что это за дом? Она сказала – это церковь.

– А кто здесь живет?

– Здесь живет Бог.

– А кто это такой?

Она мне рассказала как могла. Тогда я сказала, что же это такое, я так и буду жить некрещеная? Тетя прибежала домой и сказала, что дите выражает желание креститься. Родители это дело встретили совершенно кислыми мордами и больше не пускали ее со мной гулять. Ничего, мама у меня крестилась в довольно-таки зрелом возрасте, мягко говоря. Не помню, сколько ей было, 75, по-моему. А потом в этот самый странный дом, где живет Бог, какое-то время мы ходили молиться; там был отец Глеб Каледа, который умер в 1994 году. Потом я стала невыходная, тут уже батюшки ездили ко мне домой, пока не утвердился один. Причем не по принципу сановитости и знаменитости, а просто однажды я ему про некоторое свое состояние сказала: «А я не знаю, грех это или не грех». А батюшка сказал: «А надо подумать». Вот так вот. Так с тех пор и живем. В задумчивости и в размышлениях.

На самом деле жить просто и радостно, – и издавая православные СМИ, и занимаясь общим языкознанием. Если хочешь быть счастливым – будь им. Что ни говори, а идеальное состояние человека было идеально выражено апостолом Петром: «Господи, хорошо нам здесь быть».

Блицопрос

А. Д.: *Какие шаги и вехи религиозной журналистики можно выделить?*

М. Ж.: Ответ довольно прост: от энтузиазма к умению, от умения к профессионализму, от профессионализма к глубине и т. д.

А. Д.: *Имена и тексты, за которые не стыдно?*

М. Ж.: Множество имен назвала, если какие-то опустила, то прошу прощения.

А. Д.: *Самый большой провал в православных СМИ?*

М. Ж.: Их много.

А. Д.: *Как искать, о чем и как писать?*

М. Ж.: Как Господь повелит.

А. Д.: *Каких жанров не хватает, каких слишком много?*

М. Ж.: Не хватает личного свидетельства. Слишком много интервью. Это плохо, потому что интервьюер моделирует опрашиваемого по своему образу и подобию. Не всякий может устоять.

Опубликовано: Православие и мир [Электронный ресурс]. – <http://www.pravmir.ru/marina-zhurniskaya-bez-moskovskoj-rugani/>. 4 октября 2013 г.

Вот мы такие...

Отцовская семья жила на Южном Урале, в предгорьях. Насколько можно проследить, родом они были из Сибири и после отмены крепостного права подались потихоньку на запад со скоростью один переезд на поколение. А близ горы Магнитной их и застала советская власть.

Папа был первым грамотным в семье и к моменту раскулачивания давно работал в городе. А тут ему и говорят: «В Селивановке (это где родительский дом был) раскулачивают, и твоих уже увели за проволоку». А делалось просто: кусок степи огораживали, оставляя проход, у прохода стоял красноармеец, а комбед ходил по домам, растаскивая что у кого приглянулось, а владельцев растасканного – за проволоку в ожидании транспорта. Ни еды, ни питья. Из папиной семьи там оказались родители и младший брат с сыном и беременной женой.

Папа спрыгнул с коня у входа за проволоку и пошел внутрь. Красноармеец говорит: «нельзя», а папа ответил «можно». Вошел, нашел своих и тактически правильно выстроил цепь: взял за руки родителей, брату велел держаться за отца, а невестке – за мать. А малыш, естественно, за мамкину юбку ухватился. И пошли такой вот развернутой цепью. Красноармеец снова сказал «нельзя», а папа снова ответил «можно». Вышли, привел он их в их двор и громко сказал: «Живите, и никто вас не тронет».

Потом вернулся за лошадей и уехал. И никто не тронул. Очень тяжелый характер. И я в него.

Опубликовано: Православие и мир [Электронный ресурс]. – <http://www.pravmir.ru/vot-my-takie/>. 31 октября 2012 г.

О жизни и смерти

Неотвратимая трагичность бытия

Наверняка найдется кто-нибудь, кто с негодованием воскликнет: «Ну разве это христианская точка зрения! Мы хорошо знаем, что за смертью следует воскресение, так что ничего страшного, да и к тому же трагедия – это вообще из театра и тем самым недостойно христиан».

Однако опыт человечества, в том числе и человечества, просвещенного светом Евангелия, в том числе и ныне живущих нас и наших ближних, показывает, что смерть – это очень серьезно и страшно. И смертные муки – это всерьез; это боль, которую нельзя вынести, оставшись в живых. И трудно душе расстаться с телом. И *страшно впасть в руки Бога живаго* (Евр. 10, 31), о чем еще необходимо будет сказать. Пожалуй, христианину, лишенному твердой веры и упования (увы, это нередко бывает), умирать труднее, чем атеисту, придерживающемуся своих воззрений. Правда, что мы знаем о последних минутах и даже секундах человеческой жизни?

Те, кому выпало присутствовать при исходе души из тела, знают, что некая тайна скрывает сам момент перехода – да так, что и гадательно об этом рассуждать не следует.

Мы ведь недаром молимся о «христианской кончине, безболезненной, непостыдной, мирной», и недаром отмечаем, что таковой удостаиваются праведники. Задумывались бы о смертном часе (есть ведь и молитвенные слова о даровании памяти смертной) – усерднее бы молились.

А что касается того, что трагедия – это из театра, то не на пустом же месте. Люди смотрят трагедии, сопереживают, плачут – ради утешения, ради смягчения чувства трагичности бытия. В свое время Аристотель создал понятие *катарсиса*, очищения, которое испытывают люди, посмотревшие правильно написанную трагедию. А правильная – это та, которая и вызывает катарсис; в этом смысле современные боевики с морями крови и горами трупов – не что иное, как профанация темы смерти, способная лишь притупить, заглушить, исказить человеческое ее переживание. Да, нам даровано утешаться в молитве, но бесспорно и то, что утешение нам необходимо. И даже если принять во внимание, что для почившего смерть означает новую, лучшую жизнь, для близких это, тем не менее, утрата. А для дела, которому покойный служил, его смерть может оказаться губительной.

...Тема трагичности бытия с особой силой звучит в Евангелии от Луки. Рассмотрим соответствующее место (главы 12–13). После череды притч, завершающихся притчей о том, что *кому много вверено, с того больше взыщут* (Лк. 12, 48), – в совокупности их можно определить как притчи об ответственности – Господь с силой восклицает (ст. 49–50): *Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!* Огонь здесь – очищающая благодать Нового Завета, – но огонь устрашает, и это находит отклик в другом месте новозаветного Писания: *Страшно впасть в руки Бога живаго!* (Евр. 10, 31). Уже сам глагол «впасть» несет в себе представление об опасности: впадают в грех, в искушение, в погибель – и в руки Господа.

А вот Христос, говоря, что желает, чтобы возгорелся огонь, что Он томится, пока не свершится Его крещение (а свершится оно на Кресте), являет полноту мужества. Однако страшная сила смертных мук такова, что и Сам Господь, совершенный Бог, – но и совершенный человек, – молится о том, чтобы чаша сия по возможности была отвращена от Него; и молится в смертном ужасе, до кровавого пота, трижды приступая к этой молитве (об этой

твоей молитве и сказано трижды – см. Мф. 26, 38–44; Мк. 14, 33–41; Лк. 22, 41–44). Так что боюсь, что «оптимистическое» отношение к смерти является попыткой умаления того подвига, который предпринял Взятый на Себя грехи мира – *«нашего ради спасения»*.

А в начале 13-й главы Спасителю рассказывают о галилеянах, *кровь которых Пилат смешал с жертвами их*. В ответ Он напоминает о тех людях, которые погибли, когда обрушилась башня Силоамская (их было 18), и утверждает, что они вовсе не были грешнее прочих в Иерусалиме, но такая внезапная смерть (ее принято называть трагической кончиной) может постигнуть всякого, кто не покался.

Давайте рассмотрим: обещает ли Христос тем, кто покался, гарантию земного бессмертия? Представляется, что, скорее, Он предостерегает от смерти без покаяния, поскольку она может самым трагическим образом сказаться на посмертной участи, от того, что в высокой поэзии православной молитвы называется «*уснуть в смерть*».

В христианской культуре принято различать, покаялся ли человек перед смертью (это и называлось христианской кончиной) или же не успел; за таких следует молиться сугубо. В «Божественной комедии», выстроенной чрезвычайно искусно, так что круги ада имеют некоторые параллели в кругах чистилища и даже рая, противопоставляются два наемника-кондотьера. Оба вели довольно-таки неправедный, мягко говоря, образ жизни, и оба нашли смерть в бою, но один из них – в аду, а другой, воскликнувший в минуту смерти «Господи, помилуй», – в чистилище. Да что кондотьеры, когда пример благотворности предсмертного покаяния являет нам благоразумный разбойник (см. Лк. 23, 40–43). И поскольку покаяние его было полным, то попал он в рай. А в русском обиходе одной из самых страшных клятв было: «Да чтоб мне умереть без покаяния!» А что теперь? А теперь чрезвычайно ценится смерть внезапная (*церк. слав.* наглая) – именно за то, что дает возможность избежать покаянных мыслей.

Да даже если и не внезапная... Знаю я страшный случай, когда от неизлечимой болезни умирал старый врач, и прекрасно знал, что умирает, и просил позвать священника. Дочь же его, немолодая женщина и тоже врач, отказалась звать батюшку, мотивировав это тем, что больной потеряет стимул бороться за жизнь и скорее умрет. Чего только не выдумывают люди, чтобы уклониться от лицемерия правды! А правда – это не только то, что Господь создал мир и управляет им, но и то, что всякий человек на пути к Нему должен взглянуть в лицо смерти. И сделать это мужественно. А мужество дает Бог, с Которым надлежит встретиться в последнем Таинстве на земле – с надеждой встретиться с Ним на Небе. Он не отрицает страшного перехода (дерзну предположить, что потому, что желает конечного возрастания души), – Он укрепляет человека в вере и надежде.

Точно так же, как Его Самого укреплял Ангел в Гефсиманском саду (см. Лк. 22, 43).

Опубликовано: Журнал «Фома». – № 12 (80), декабрь 2009 г.;
Православие и мир [Электронный ресурс]. – <http://www.pravmir.ru/neotvratimaya-tragichnost-bytiya/>. 23 января 2010 г.

Желание смерти и воля к жизни

Когда-то очень давно я для себя сформулировала такое нехитрое правило: мы разбираемся в арифметике, иногда очень даже неплохо. А Бог – Он алгебру знает.

Мы очень любим давать ясные определения, категорические оценки, хотя знание наше очень ограничено. А Бог видит весь мир, всю его историю и современность. О будущем умолчу.

Конечно, ясность и определенность полезны, кто бы спорил. Но есть две вещи, ясное определение которых сильно мешает понять их суть. Да и категорические их оценки, можно сказать, зря под ногами путаются.

Вот, например, мы вообще против фрейдизма и готовы его ругать всегда. Но Фрейд хотя и создал неверную модель сознания, был умным человеком и умел людям помогать. Да и среди его последователей встречаются люди как минимум интересные; так, однажды в каких-то материалах конференции я среди километров досадных построений наткнулась на слова о том, что лучшее, что психоаналитик может сделать для пациента, – это послать его на исповедь. Согласитесь, в этом есть резон.

Так вот, Фрейду принадлежит идея о том, что человеку свойственно стремление к смерти. В общем-то это не новость; и Шекспир писал об этом («зову я смерть»), да и мало ли кто еще.

Очень убедительно, кстати, – фантаст Рэй Бредбери в рассказе «Синяя бутылка» о таинственном марсианском сосуде, который исполняет самое сокровенное желание владельца. За ним, естественно, охотятся, но всех, кто его раздобыл, находят мертвыми. Наконец, очень здравомыслящий человек понимает, что бутылка действительно честно выполняет заветное желание, – а это и есть желание умереть, – и перешибает всю ее волнующую магию самым простым способом: твердо определяет, что для него в бутылке всегда должно быть какое-то количество виски. И на этом сравнительно безвредном желании успокаиваются и он, и бутылка.

А теперь попробуем подавить возгласы протеста против виски (виски здесь вообще ни при чем) и против Фрейда и подумаем: а так ли уж ложна эта идея насчет главного стремления человека? Коль скоро мы верим, что человек создан Богом и что душа по природе христианка, мы можем признать справедливость той мысли, что эта душа, страдая от своей падшести в падшем мире (стена и мучаясь, по словам апостола Павла), уповает на милость Божию и на возможность перейти в пакибытие – в Царстве Небесном. Так вот и получается, что Фрейд Фрейдом, а мысль о месте, «идеже несть болезнь, печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная», и стремление туда не просто дозволены для христианина, но дороги ему.

А дальше начинается разноголосица.

Дальше начинается пренебрежение земной жизнью, телесностью, гнушение плотью и браком, рассуждения о том, что тело – темница души и прочие темноватые построения, влекущие за собой бедствия и уклонения в ересь. О дальнейшем и говорить не хочется; остается только уповать на то, что Господь милостив даже к тем, кто пренебрегает Его Промышлением о человечестве.

Или же совсем печальные вещи: самовольное пресечение жизни. И бывает, что не только своей. Причем из лучших побуждений.

...Давайте сделаем поэтический антракт. Осип Мандельштам:

Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.
На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.

Запечатлеется на них узор,
Неузнаваемый с недавних пор.
Пускай мгновения стекает муть —
Узора милого не зачеркнуть.

(Кстати, не могу не поворчать: в самиздатовском Мандельштаме было «в теплице», что представляется более осмысленным как из-за того, что «цветок», так и из-за «стекол», которыми теплица изобилует, а темница – совсем наоборот.)

В этом небольшом стихотворении – ключ к пониманию того, в каком смысле мы можем считаться соработниками у Бога (см. 1 Кор. 3, 9). Апостол Павел говорит это о себе (ну и о других апостолах) как о делателе дела Христова, о благовестнике и просветителе народов. Но он же сказал: *Подражайте мне, как я Христу* (1 Кор. 4, 16, ср. Флп. 3, 17). И вот тут вопрос: нам что же, всем становиться апостолами и просвещать народы? Иногда это так и понимается – и результат не вдохновляет. Потому что наш апостолат – иной: мы сами должны стать свидетельством благодати Христовой: радостными, любящими и дружелюбными, лишенными зависти, подозрительности и злобы.

Не так это просто и в общем-то людям невозможно. Но не Богу. Поэтому наше «соработничество» – познавать волю Божию о себе и исполнять ее. А воля эта – благо.

Если вернуться к печальной теме самовольного оставления жизни, то сейчас очень распространено рассуждение о том, что Бог дает человеку жизнь и тот не вправе ее самостоятельно пресекать. Честно говоря, это рассуждение привносит в отношения Бога и человека момент уже не просто юридический, но прямо-таки коммерческий: нельзя нарушать правила сделки.

Иное дело – если взглянуть на проблему с точки зрения живого и доброго отношения. Бог сотворил человека (данного) с какой-то целью. У Него было для этого человека задание. И нехорошо уваливать от выполнения этого задания. Человек чаще всего не знает о своей задаче, поэтому нужно следовать совету Павла: всегда радоваться, непрестанно молиться и за все благодарить (см. 1 Фес. 5, 16–18). И так познавать волю Божию о себе. А иногда Господь приоткрывает человеку фрагмент Своего замысла о нем, и с этой радостью не сравнится никакая другая, потому что это – плод соработничества и его осмысление.

И еще есть одна причина для того, чтобы не складывать лапки, не махать на все рукой, не идти ко дну и тем более – не спрыгивать на ходу. Господь хочет, чтобы все спаслись, и Сам забирает в Свое Царство тех, кого спасает. Правила добродетельной жизни известны достаточно хорошо, но так же хорошо известно, что нет человека, который бы не согрешил.

Мне всегда очень жалко тех людей, которые убиваются из-за того, что все еще не расстались с грехами. Очень хочется от души пожелать им вслушаться в Воскресную песнь по Евангелии: «...поклонимся святому Господу Иисусу, Единому безгрешному». Не за мнимую безгрешность Христос оправдывает людей (не в юридическом опять-таки смысле, а в смысле – принимает в сонм праведников), а за их стояние в истине.

За честное, искреннее, горячее стремление к Нему. За то, что человек слушает слово Божие и по мере сил, весь в надежде на Его помощь, старается это слово исполнять. Иными словами – восходит к себе, как это говорится, приближается к тому образу, в котором был задуман.

А это очень длительный процесс и подчас довольно-таки мучительный. И для того чтобы пройти свой жизненный путь в правильном направлении, нужна чуткость – и воля.

Здесь, как и в случае со стремлением к смерти, возводимым к злокозненному Фрейду (хотя если поразмыслить спокойно, то ничего подобного), мы сталкиваемся с еще одним понятийным клише: воля к жизни. Вроде бы ее придумали Шопенгауэр и Ницше, нам чуждые и в определенной степени враждебные, и развивают это понятие тоже деятели не сказать чтобы православные. Так из-за этого что, от жизни отказываться?

Не хочется называть это волей к жизни – не надо, лишь бы нам твердо придерживаться понимания того, для чего она нам дана: для возрастания. Поэтому жить нужно упорно и прилежно, если позволительно так говорить.

И если настроиться в соответствии с волей Божией на жизнь, то она – и весь Божий мир – предстает настолько привлекательной, что решающим образом ее не омрачает ничто. Это не значит, что нужно закрывать глаза на текущие безобразия, отнюдь нет. Но правильно, «по-божески» к ним относиться, ничего не преуменьшая и не преувеличивая, – входит в задачу человека на земле.

...А со словами нужно что-то делать, чтобы они служили средством выражения мысли и средством общения, а не камнем преткновения. Так, меня очень огорчает такой нюанс. Известно, что Церковь – богочеловеческий организм. Организм по определению живой и должен быть живым. Так надо же случиться такой беде, что термин «живая Церковь» застолбили граждане, не имеющие к тому никаких оснований! История расставила все по местам: от них и от их искусственных построений и следа не осталось. Да только мы боимся сказать, что наша Церковь – живая. Да что сказать, думать опасаемся. А как бы было хорошо, если бы этот страх ушел! Он и уйдет со временем, конечно, а пока будем утешаться тем, что наше пребывание в Церкви являет нам полноту жизни. И вот, Христос рождается – и мы рождаемся водою и Духом. Христос воскресает – и мы получаем от Него жизнь с избытком.

И нет ничего в мире, чего Он не мог бы врачевать.

Опубликовано: Православие и мир [Электронный ресурс]. – <http://www.pravmir.ru/zhelanie-smerti-i-volya-k-zhizni/>. 24 января 2013 г.

Пожелания добра и пожелания зла

Отгремели-отзвенели праздники. Мы в который раз остались лицом к лицу с буднями. Самое время подумать, чем обогатит наши будни наследие прошедших праздников.

Мы радуемся приходу в мир Богочеловека Христа, потому что для нас это знаменует победу над смертью. А для Него с самого Рождества начинается путь к Голгофе. Так мало верных вокруг Него, так много непонимающих, – тех, кто хочет каких-то преходящих благ, – а то и ненавидящих.

Приход Христа в мир ставит нас перед вопросом: мы с Ним или мы против Него? Про говорящих «Господи, Господи» и не поступающих по Его словам Он Сам все сказал. Мы услышали?..

А ведь церковный год устроен так, что мы можем следовать за Христом от Вифлеема до Голгофы. И на этом нашем пути нас поддерживает Священное Писание. И смысл годового круга – в восхождении. Поэтому каждое событие года – для интенсивного обдумывания, потому что нам ведь ежегодно дается шанс по-новому пережить то, что вроде бы уже было.

Замечательный образ покаяния преподавал своим духовным чадам митрополит Антоний Сурожский. Все мы знаем такое жуткое состояние, когда воспоминание о грехе терзает долго и не уходит даже после исповеди. И в таких случаях владыка говорил: «Но ведь сейчас ты бы так не поступил?» И весь ужас уходил. Поистине Бог более милостив, чем мы это себе представляем, и отпускает нам грехи даже тогда, когда мы сами их себе не отпускаем. Потому что Он так дивно устроил, что при соответствующей нашей направленности время лечит.

И каждое Рождество в нашей жизни призвано быть вехой на нашем пути.

Вот, казалось бы, мелкая деталь. Давайте вернемся во времени на пару недель – к тому, что мы друг другу желаем. Христиане древних времен при встрече говорили друг другу «хайре!», то есть «радуйся!», потому что получили Благою Весть о пришедшем в мир Спасителе, преодолевшем смерть и ад, и это было им в радость. Очень жизненно звучат слова апостола Павла: «Всегда радуйтесь». Только мы, похоже, разучились. Может быть, поэтому так приободряюще действуют церковные праздники, что в них – та самая радость? Между прочим, ею же пронизаны и акафисты, и уныло воспевать «радуйся...» как-то не очень в духе этих прекрасных произведений церковной поэзии.

А мы по большей части желаем здоровья. Так и говорим: «Здравствуйте!» Конечно, проходить земной путь в здоровом виде приятнее, нежели в больном. Но это ли главное на этом пути?..

Заметим, насколько различаются поздравления с Новым годом и с Рождеством Христовым. На Новый год обычно желают счастья (как правило, нового, – можно подумать, что все мы бедолаги и неудачники и остро нуждаемся в изменении жизненных обстоятельств). Ну и здоровья, успехов, благополучия, то есть вещей абсолютно посторонних. Ничего плохого в этом нет, потому что в некотором смысле действительно лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным (насколько душеполезнее – другой вопрос, на который, кстати, не следует отвечать однозначно отрицательно), но эти поздравления страдают некоторой неполнотой.

А вот на Рождество желают света, тепла, душевного устройства, радости, Божией помощи – одним словом, всего того, что может быть востребовано на пути к Вечности. То есть это разные праздники, и желание их соединить свидетельствует о размахе, при котором теряются детали. А эти детали, между прочим, составляют важную основу человеческой жизни.

Но все эти различия, хотя сами по себе и существенные, меркнут в сравнении с пожеланиями другого сорта. Да, пожелания как здоровья и т. п., так и спасения со всеми ведущими к нему обстоятельствами объединяются тем, что это – пожелания добра. Что уже само по себе хорошо и заслуживает признательности.

Но есть и пожелания другого сорта, – пожелания зла. Не то чтобы неуклюжие какие-то словеса, а целенаправленные, продиктованные злобой. И они хуже любой ругани.

Два недавних примера. Очень «уместно» звучало в канун Нового года пожелание сгореть в аду. Тут и рифма была (году – аду), что придавало этому, с позволения сказать, тексту дополнительную бойкость. И вообще, было похоже, что детсадовская группа, узнав новые «плохие слова», с воодушевлением скачет вокруг кого-то нелюбимого и с хохотом их выкрикивает. Для углубления темы детской непорочности и детского коллектива очень рекомендуется рассказ Рэя Брэдбери «Детская площадка» (крайне редко перепечатывается, потому что это действительно страшно), а пока обратимся к сюжету.

Что еще, кроме резвости, роднит это пожелание с другими инфантильными проявлениями? Пожалуй, его всепоглощающая наивность, граничащая с глупостью, а то и пересекающая границу. Изобретатели и потребители этого выражения явно знакомы с мистическими практиками в основном по кинематографу.

Теперь подробнее.

Вообще-то существует Тот, Кто может отказать человеку в спасении. И это – Бог. И Он не нуждается в предложениях общественности. Более того, Он хочет, чтобы все спаслись и постигли истину. Так что такого рода «прошения» действия не возымеют. Более того, немало возмущения вызывает то, что некоторые из известных злодеев и кровопийц на склоне дней прожили долгие и спокойные годы. А для меня это всегда было знаком того, что Господь ждет человека...

Конечно, кто-нибудь может в азарте воскликнуть, что в таком деле, как установление справедливого воздаяния, он не склонен гнущаться содействием противной стороны. Но тут снова нестыковка, потому что противная сторона может, конечно, вредить людям, чем и занимается. Но лишение человека вечного спасения в ее компетенцию не входит. А вот приветствовать добровольных помощников – это всегда пожалуйста. При этом способ приветствия у хвостатых один: сделать гадость и выставить на посмеище. Больше никаких средств поощрения в их арсенале нет.

Так что зря потрачена энергия. Ее бы в мирных целях – конфетки дарить, печеньки, мандаринки... Ну пусть не тем, кому провозглашается огненная гибель, но разве никого нет, кто приятен и достоин подарка?..

Но бывает гораздо хуже. Бывает, что некто, полагаящий себя человеком церковным, угрожает тем, что будет молиться о том, чтобы кто-то заболел или умер. И такое впечатление, будто полагает, что это остроумно. Это в общем-то похоже на картину, которая с детства вселяла в меня ужас: «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу». Там молодые, сидящие в красном углу под иконами, с трепетом встают навстречу старику с безумными глазами: как же иначе, а вдруг проклянет...

Объяснять, что о причинении зла не молятся, излишне: кому-то подобное просто в голову не придет, а кому уже пришлось – говорить бесполезно. Но бесполезно попытаться понять, что же при этом происходит.

А происходит следующее: такого рода пожелания действительно подчас могут произвести свое действие. Но значит ли это, что Бог внял прошению и сделал, как Ему велели? Да вовсе нет. Такая, с позволения сказать, «молитва» перехватывается в пути духами злобы поднебесной и дает им возможность действовать с поистине дьявольским ликованием.

А тем самым «усердный молитвенник» служит... понятно кому.

Знаю я одну замечательную женщину из уходящего (надеюсь, не окончательно) слоя образованных верующих, переживших гонения. Человек она строго церковный, и если узнает о том, кто не в меру... резвится, можно это так назвать, то говорит с заботой в голосе: «Значит, о нем нужно особенно молиться». О том, чтобы Господь вразумил. Чтобы вывел на Свой путь.

Различие очевидно, не правда ли?

Так вот, за зложелателей нужно опять-таки особенно молиться и сугубо – потому что сами они себя грешными не считают. А между тем... между тем не раз и не два можно было наблюдать, что их пожелания оборачиваются против них же. И это в общем понятно; выше уже было сказано о том, как вознаграждает хвостатый тех, кто на его стороне. Плохо он их вознаграждает.

Поэтому давайте уж лучше вне зависимости от календарных событий желать друг другу света и мира, чистого сердца, доброй души и благодатного просветления. И помощи Божией во всех благих делах. А в не-благих просить о ней бесполезно: ничего не получится.

Опубликовано: Православие и мир [Электронный ресурс]. – <http://www.pravmir.ru/pozhelaniya/>. 16 января 2013 г.

О вере и неверии

Кое-кто говорит, что Бога нет...

А хорошо ли это?

Поводом для беседы в редакции журнала «Фома» послужила фотография молодого человека с выразительной надписью на нем. История ее такова: в Екатеринбурге проводилась акция, имевшая по сути политический характер, но облаченная в антирелигиозную форму. Там и раздавались эти футболки с надписью: «Бога нет. Больше не волнуйтесь и наслаждайтесь жизнью». Не вдаваясь в подробности акции (тем более что мотивы ее проведения для участников, заказчиков и организаторов сильно разнились), нам захотелось обсудить саму надпись, некоторые ее попутные обстоятельства и следствия.

Марина Журинская: Что касается этих футболок, то, по-моему, у надписи «Бога нет. Больше не волнуйтесь и наслаждайтесь жизнью» есть еще какая-то предыстория... Смутно вспоминается какой-то английский автобус, на котором было написано нечто в этом роде, но не совсем так.

Арсений Русак: Да. В 2008 году в Англии проходила атеистическая пиар-кампания. Она была организована в противовес аналогичной протестантской, финансировалась из добровольных пожертвований участников и была поддержана во многих странах мира. Ее слоган – «По всей вероятности, Бога нет. Перестаньте беспокоиться и наслаждайтесь жизнью»⁷ – и был размещен на лондонских автобусах.

М. Ж.: Значит, в нашем случае никакого творческого начала нет, а есть лихая редакция, так сказать, замена вероятного на очевидное...

А. Р.: И даже более того, в российской акции, на мой взгляд, на самом деле нет даже такой религиозной (а точнее, антирелигиозной) составляющей. Для одних это была пиар-акция или эпизод политических разногласий, а для других – довольно-таки веселое времяпрепровождение. Так что мы, наверное, на этом преамбулу закончим и обратимся непосредственно к слогану: «Бога нет. Больше не волнуйтесь и наслаждайтесь жизнью».

Волнение базаровского лопуха

М. Ж.: Давайте посмотрим, что значит в самом общем виде призыв к человеку не волноваться. Это, простите, призыв к смерти. Живой человек не может не волноваться; живой человек в конце концов боится. К примеру, знаете у скольких людей сегодня канцерофобия?⁸ Почти у 100%! На разных этапах жизни, естественно, и в основном в пожилом возрасте. Но нет практически ни одного человека, который хотя бы раз в жизни не был бы ею затронут. Нет человека, который не надеется на то или иное. Я даже сейчас не хочу говорить о том, что христиане надеются на одно, а нехристиане – на другое. Христианин надеется на Царствие Небесное, а юный Корейко надеялся, что найдет кошелек с деньгами и дальше у него в жизни все будет очень хорошо. Упования у людей могут быть совершенно различными. Но

---

⁷ Англ. There's probably no God. Now stop worrying and enjoy your life. – *Сост.*

⁸ Канцерофобия – психогенно возникающая боязнь заболевания злокачественным новообразованием. Статистика свидетельствует, что канцерофобия является абсолютным лидером среди прочих фобий, связанных с болезнями. – *Сост.*

все равно, любая надежда – это всегда волнение. Как может жить семейной жизнью человек, который не волнуется? За детей он тоже не волнуется? А за родителей?

А. Р.: Да, это как-то странно.

М. Ж.: То есть на самом деле призыв «не волнуйтесь» – это призыв не только не быть человеком, но – не быть живым существом. Потому что, между прочим, и животные тоже волнуются.

А. Р.: Мне кажется, тут несколько иной акцент: **Не волнуйтесь – потому что Бога нет.** То есть не нужно переживать, к примеру, что Он вас за что-то накажет...

М. Ж.: То есть совсем не нужно духовной жизни, – ни страха Божия, ни радости о Господе, вот что это значит. «Бога нет», – это же базаровский лопух: «Умру, из меня лопух будет расти». На самом деле это отрицание не эмоциональной стороны жизни, это отрицание ее нравственной стороны. Говоря возвышенным языком, – кредо проклятых.

А. Р.: То есть на самом деле это значит, что больше нет греха и можно делать все, что хочешь?.. Я думаю, что атеисты с вами не согласятся: они-то себя безнравственными как раз не считают. Просто их нравственность основана на «общественном договоре»: не делай другим того, что не хочешь, чтобы другие делали тебе.

М. Ж.: Честно говоря, мне кажется, что из слогана на майке этого не следует, а из второй его части – *наслаждайтесь жизнью* – этого не следует сугубо. У моей мамы была знакомая, которая говаривала так: «Когда человек ложится в постель и закрывается одеялом с головой – он знает о себе все». Образ действительно замечательный. Отпадает вообще всякая демагогия: жалкий человек лежит, закрывшись одеялом с головой, и трясется от разных, мягко говоря, негативных ощущений себя.

А. Р.: Это совесть?

М. Ж.: Это совесть, да. В более художественной форме об этом же писала Анна Ахматова: *А я всю ночь веду переговоры / С неукротимой совестью моей.*

А. Р.: То есть призыв не волноваться – это на самом деле призыв заглушить в себе голос совести? Призыв быть бессовестным? А может вообще быть такое, что Бога нет, а совесть есть?

М. Ж.: А вот не думаю. В том-то и дело, что если бы не этот текст на майке, тогда то, о чем вы говорите, было бы возможно. Но текст-то свидетельствует о том, что отсутствие какой бы то ни было нравственной жизни вполне справедливо напрямую связывается с отрицанием Бога. А уж коль скоро сказано: *Бога нет – больше не волнуйся*, это значит: как вы будете себя вести – совершенно неважно, согласование поведения с совестью (с сопутствующим волнением) значимо только если Он есть.

Простые радости таксиста

А. Р.: Вполне с вами соглашусь, коль скоро есть такая связка. Однако ради справедливости стоит отметить: несмотря на то что основанием нравственности, без сомнения, является Бог, даже тот, кто никогда не задумывался о Боге, тем не менее может быть нравственным. Происхождение его нравственного чувства – семейное воспитание, культурные нормы и т. п. Другое дело, что нравственность, основанная только на передаче этических и культурных традиций, не имеет глубокого основания, не служит жизненно важной цели – возможно, именно поэтому от нее часто и с легкостью отказываются. И идут против совести, которая, как свидетельствовал апостол Павел, есть закон Божий, написанный в сердце каждого человека (см. Рим. 2, 15). Давайте теперь перейдем к «наслаждению жизнью», тем более что в данном случае наслаждение также напрямую связано с этим чудным открытием: «Бога нет – все можно». Мысль, кстати, для культурного рус-

ского человека совсем не новая... Не очень, правда, понятно, от чего конкретно предлагается получать наслаждение? Что мешал человеку делать Бог, Которого теперь «нет»?

М. Ж.: Чем в Англии добывать такую сомнительную мудрость, лучше знать отечественную культуру. Был такой анекдот. Во времена воинствующего атеизма два деревенских хулигана вышли вечером развлечься – стекла побить. Идут мимо деревенского клуба, а там висит плакат: «Выступает лектор, тема лекции – есть ли Бог». Один из них говорит: «Пойду послушаю, а что, если действительно есть». Уходит он на эту лекцию и через некоторое время бежит довольный обратно, на лице полное счастье и на бегу кричит: «Крой Ванька, Бога нет!» Значит, можно стекла бить.

А. Р.: *Бога нет – можно бить стекла?*

М. Ж.: Ну да! Не надо быть хорошим! Все эти рассуждения о том, что идея Бога сковывает человеческую свободу, – это все полная демагогия. Осознаваемое наличие в мире Бога две вещи тормозит – равнодушие к добру и приверженность ко злу. Все. Больше Бог ни в чем не мешает. Блаженный Августин говорил: «Люби Бога и делай что хочешь». А формула сатанизма в той же системе: люби себя и делай что хочешь. Ни о какой нравственности без Бога речи просто нет! Что касается, так сказать, простых радостей жизни... Я вспоминаю замечательную историю, которую мне рассказывал один таксист. Среди таксистов встречаются философы, во всяком случае, встречались, не знаю, как сейчас, потому что им, наверное, немножко скучно за рулем. И вот, когда они видят человека и у них возникает надежда, что у этого человека есть что-то в голове, они вступают в разговор. Вот этот таксист рассказал один случай, который его однажды совершенно потряс. Останавливает его молодой человек непривычного вида (очень строгий черный костюм, белая рубашка, черный галстук, черная шляпа, портфель в руках, тоже солидного, традиционного, консервативного вида, ну и плюс некоторое выражение лица). Таксист сделал свои выводы и говорит:

– Простите, вы, наверное, священник?

– Да, вы не ошибаетесь, я – священник. Более того, я иеромонах.

Таксист решил, что самое время вступить в интересную беседу, и сказал:

– Ну и как, не жалко было расставаться с радостями жизни?

Иеромонах грустно улыбнулся и спросил:

– И много ты их видел, этих радостей?

Вот тут-то таксиста и стукнуло. Он очень эмоционально об этом рассказывал: «Я подумал: мне 28 лет. А если вспомнить, какие у меня были радости? Было всего, что угодно, навалом, но радостей-то почти что и не было». Если радостей нет, то чем наслаждаться?

А. Р.: *Я думаю, что на самом-то деле настоящие радости у него были, да он мимо проходил. Просто установка на получение радостей во что бы то ни стало и от всего, что происходит с тобой в жизни, девальвирует саму радость. Радость постепенно обесценивается, и люди теряют способность видеть хорошее, радоваться добру. Семья, дети, добрые дела, творчество, – ведь все это не может не радовать. А вот – не радует... Что же до нездорового стремления к наслаждению от всего в жизни, по-моему, это как раз яркое свидетельство того, что жизнь-то на самом деле безрадостная и по-настоящему наслаждения-то в ней и нет.*

М. Ж.: Абсолютно. А безрадостная она почему? Потому что она не творческая. Я сейчас не говорю даже о том, что если верили бы в Бога – все было бы хорошо. Но имели бы какие-то творческие цели, просто представление о том, что можно творить, – было бы совсем другое дело...

Не быть «коротким гедонистом»

М. Ж.: А и впрямь: наслаждаться жизнью – это творческая позиция? Нет, это позиция потребительская. А у потребительства есть такое проклятие: всего мало и все приедается.

А. Р.: В связи с этим мне вспомнилась одна статья Сергея Худиева в «Фоме». В ней говорилось о том, что христиане отличаются от атеистов тем, что атеисты – это «короткие гедонисты», а христиане – «долгие». Конечно, это несколько условно, поскольку гедонист по определению имеет своей конечной целью удовольствие. У христиан же, по единодушному мнению святых отцов, целью является Сам Бог, а вовсе не блага и удовольствия, Им подаваемые. «Долгими гедонистами» христиане могут быть названы лишь в том смысле, что рассчитывают на некоторую перспективу и не размениваются на сиюминутные удовольствия. В своей системе координат они действуют более расчетливо.

М. Ж.: Мне сразу пришло в голову, что именно о коротких гедонистах сказано: «Не плюй в колодец – пригодится водицы напиться». Потому что короткий гедонизм – это вот оно и есть: раз напился – и плюнул в колодец. И между прочим, басня Крылова «Свинья под дубом» – тоже про коротких гедонистов.

А. Р.: Пожалуй. Но ведь эта самая свинья могла бы и не раскапывать корни. Вот у меня рядом с домом Куковский парк. По выходным там обычно на каждом пятачке, на каждой полянке кто-нибудь получает свое «короткое» удовольствие. Гуляешь с ребенком в понедельник – лес буквально завален всякими бутылками, пластиковыми стаканчиками, обертками и т. п. А в следующие выходные все эти «свиньи под дубом» снова придут культурненько отдыхать на природу. И нету там ни малейшего понимания, что если они (или кто-то за них) не уберет, то в следующий раз им придется получать удовольствие уже на помойке.

М. Ж.: Они не будут получать удовольствие. Они будут ворчать по поводу того, что все заплывано и приличному человеку уже и отдохнуть негде.

А. Р.: С одной стороны. А с другой стороны, кто мешает быть коротким гедонистом и все же «корни не подкапывать»?

М. Ж.: А это уже будет не совсем короткий гедонизм. Тот, кто, к примеру, отдохнул на природе, а потом за собой убрал, – у такого человека уже есть ощущение временной дистанции. И у него есть ощущение, что он не одинок в мире.

А. Р.: То есть опять же у такого человека есть совесть.

М. Ж.: Это даже еще не совесть, это некое ощущение мировой соборности. Но такой человек уже не безнадежен, до него уже можно достучаться. Я люблю одно рассуждение, оно встречалось у святого Фомы Аквинского, потом у одного педагога немецкого XIX века и в современной психологии тоже, да и у преподобного аввы Дорофея, между прочим, в определенном смысле оно содержится. Если сформулировать в современных терминах, это будет звучать так: не надо ругаться существительными, можно ругаться только глаголами.

А. Р.: Это потому что существительные «ругают» предмет, а глаголы...

М. Ж.: Временное состояние! У глаголов есть категория времени. Поэтому ежели вы скажете своему ребенку: «Ты – лгун», – это клеймо. Если вы скажете: «Ты соврал», – то это значит только то, что в данный конкретный раз он сказал неправду. Поэтому я бы не говорила окончательно, что тот или иной – «короткий гедонист». Потому что в данный момент он поступает как «короткий», но это не значит, что он обречен. «Короткий гедонист», который убирает за собой мусор после пикника, уже не так «короток», и мы к нему должны относиться не как к некоему завершенному феномену самому по себе, а как к человеку, у которого в данный момент такое вот состояние.

А. Р.: *Как писал блаженный Августин: «Люби грешника и ненавидь грех». Мне кажется, точнее и не сформулируешь...*

Будьте как дети

М. Ж.: «Наличие» Бога фильтрует удовольствия и наслаждения. В Боге удовольствий масса, наслаждения бесконечные. И радость без конца.

А. Р.: *Я думаю, что многие по поводу этого захотят поспорить. Именно имея некоторый опыт жизни в Церкви, радости в Церкви они не видят; ни вокруг, ни внутри себя радости не ощущают. И разговоры о том, что: «Ах, какое наслаждение – быть в Церкви, быть с Богом», – вызывают у них лишь раздражение. Потому что и хочется им, чтобы эта радость была, и в то же время – нет ее, увы.*

М. Ж.: Видите ли, есть ведь и такие «духовные» установки, согласно которым радоваться вообще нечего, радоваться грех. Обойдем молчанием вопрос, как такие набожные граждане представляют себе рай, и ограничимся простой констатацией. Но для других людей это в некотором смысле разговор об упущенных возможностях. Потому что ежели настраиваться на духовные радости в виде отверстого неба, хора Ангелов и полета на незримых крыльях вокруг земного шара, то чем больше человек на это настраивается, тем меньше шансов, что хотя бы что-то в этом роде произойдет. Вообще одна из величайших человеческих радостей, я это очень хорошо помню – в детстве, когда такой хороший летний день, ни жарко, ни холодно, солнышко и ветерок, выходишь из дому, дух захватывает, и бежишь, не чуя ног, бежишь с невероятной легкостью... Это очень высокая радость – радость гармоничного пребывания в прекрасном Божьем мире. Вряд ли большинству взрослых это доступно в той же форме, но вообще-то доступно. Я это ощущала уже без детской «беготни» много раз, выходя со службы, после причастия. Происходил возврат к этому чрезвычайно чистому, мощному ощущению красоты Божьего мира и твоего единства с ним. И еще, хотя и не в такой сильной форме, – после хорошего концерта. Когда человек не в состоянии с благодарностью брать радости, которые Бог посылает ему в мире, а сам изобретает то, чего ему хотелось бы, – он обречен на неудачу и на неудовольствие. Потому что дьявол не вознаграждает.

А. Р.: *Но получается, что большинству взрослых что-то мешает радоваться жизни так, как радуются дети, и можно предположить, что мешает именно вот эта самая гонка за наслаждением, к которой призывает упомянутый нами и многие другие слоганы и императивы нашей жизни.*

М. Ж.: А дети просто радуются. Я как-то спросила свою подругу, что бы подарить ее маленькой дочке на день рождения. Дочке было этак 4 года. Она сказала: «Если ты ей подаришь воздушный шарик – она будет счастлива. Если ты ей подаришь один фломастер – она будет счастлива. Ну а если ты ей подаришь такой набор детский – 6 фломастеров – то счастье ее выйдет из берегов!» На самом деле человеку надо мало, и христианское воспитание этот факт очень явно реализует.

А. Р.: *Раз мы о детях заговорили... Недавно я посмотрел фильм «Малыши». Это документальный фильм о начале жизни младенцев разных народов: маленьких африканца, американца, японца и монгола. Дети разные, условия жизни очень разные, но все эти дети счастливы, потому что мамы у них – любящие. И в этом, наверное, и состоит залог счастья маленького человека (да и большого, в общем-то, тоже): чтобы тебя любили и чтобы ты просто принимал эту любовь. И для радости на самом деле немного нужно. Недавно гуляли с детьми, встретили на детской площадке девочку. Она играла с кучкой перьев и пачкой из-под сигарет. Перья подбирала и подбрасывала вверх, а в пачку насыпала песок и встряхивала; и была в общем-то совершенно счастлива.*

М. Ж.: Это совершенно прекрасные объекты для игры. А можно было бы еще насыпать песку и утыкать перьями, получился бы такой волшебный лес! Маленькой я очень любила на даче собирать вороньи перья. Они такие красивые, если присмотреться. И шишки еловые. А молодые шишки – такие зеленовато-лиловатые. Когда мне читали Чуковского:

Кто злодея не боится
И с чудовищем сразится,
Я тому богатырю
Двух лягушек подарю
И еловую шишку пожалую, —

я слышала не еловую, а лиловую. Потому что еловые шишки хорошие, но вроде бы обыкновенные, а вот лиловые – это по-настоящему ценно! И очень красиво.

Насущная необходимость

М. Ж.: Сказали ли мы, собственно говоря, что-нибудь ослепительно новое? Да в принципе нет. Глупый лозунг на майке. И люди, которые всерьез ему следуют, совершенно не ведают, что творят, и не понимают, чего хотят от жизни. Только не надо говорить, что они не знают, что им на самом деле *нужно*, потому что они в других категориях мыслят. Они не знают, чего им на самом деле *хочется*, это уже другое дело.

А. Р.: *Недавно в Москву приезжал известный богослов Христос Яннарас. Он сказал: «Все изменения в жизни происходят не из долженствования, а из нужды». То есть не то, чего ты хочешь, и не то, что ты себе нафантазировал о своем долге, меняет твою жизнь, а насущная необходимость, осознание того, что без этого, необходимого, твоей жизни просто нет. И мне кажется, что в осознании этой нужды и кроется источник нравственного перерождения человека.*

М. Ж.: Позволю себе воспоминание, оно же – импульс для вдумчивого читателя. Был такой драматург-символист Метерлинк, во времена декаданса бешено знаменитый. Между нами говоря, Художественный театр собрался было ориентироваться на Метерлинка, но тут возник у них на горизонте Чехов, и в результате мы имеем то, что имеем, и занавес с чайкой. Но метерлинковскую «Синюю птицу» они таки поставили на радость бесчисленным детским поколениям. Там речь о детях, о поисках счастья... Очень трогательно. И есть такая страна блаженств, где, в частности, встречается Блаженство Бегать по Росе Босиком, – но есть и Блаженство Быть Невыносимым. Вообще всякие там бывают блаженства: Блаженство есть, когда не чувствуешь голода, и Блаженство пить, когда не чувствуешь жажды, и еще такие блаженства, о которых детям не говорят. Но есть и Великие Радости, и при их появлении сомнительные блаженства становятся агрессивными. Но когда Свет снимает покрывало, их охватывает ужас, и они ищут убежища – и находят его среди Напастей. Оно конечно, символизм есть символизм, но задуматься над этой символикой не мешает.

Опубликовано: Журнал «Фома». – № 9 (89), сентябрь 2010 г.

Природа и Бог

Канон покаянный начинается воспоминанием о грандиозном событии: о том, как Бог при бегстве евреев из Египта повелел Моисею простереть руки – и расступились воды Красного моря, а когда Моисей повторил это по слову Божию, воды вернулись на место и потопили преследователей (Исх. 14, 15–31; 15, 1–22). Об этом мы и поем: «Яко по суху пешествовав Израиль по бездне стопами, гонителя фараона видя потопляема, Богу победную песнь поим...» Это событие Священной истории послужило отправной точкой множества как произведений искусства, так и богословских построений. Но постепенно родилась идея рационального объяснения перехода через воды Красного моря. И при этом наряду, например, со «школой», утверждающей, что вся Священная история просто-напросто выдумана, существует и течение, пытающееся объяснить все библейские чудеса естественно-научными причинами. И если в первом случае говорить особо не о чем, то на второй стоит обратить внимание, потому что это уже вроде бы чуть ли не богословие – правда, без Бога. Больше всего это напоминает официальную версию нападения на Москву бесовской нечисти в «Мастере и Маргарите»: все это – гипноз; ничего не было, а просто «шайка гипнотизеров» морочила советских граждан. Особенно убедительно это выглядит как объяснение того, что Степу Лиходеева перенесли в Ялту: его заставили думать, что он в Ялте, а ялтинцев заставили думать, что он у них. И многочисленных зрителей театра «Варьете» заставили думать, что они переоделись в блистательные наряды, а потом оказались на улице в белье. И сотни свидетелей тоже были под гипнозом. А «на самом деле» ничего не было, потому что быть не могло, потому что противоречит нашим убеждениям. Идея пересмотреть свои убеждения мудрецам в голову не приходит, потому что с чем же они тогда останутся? Ведь вся их картина мира базируется на мощном основании – на собственной правоте! Существует целая система разоблачений библейских чудес, основанная на поиске естественных причин. При этом старательно опускается тот действительно научный факт, что естественные события просто обязаны повторяться. Поэтому теория, например, естественного происхождения манны небесной может быть сколь угодно изощренной, но убедительной она станет только тогда, когда теоретики предъявят нам эту манну, появляющуюся регулярно, хотя, может быть, и редко: уж за столько столетий могла бы и появиться! Но теория есть, а манны нет, следовательно...

Столь же убедительна и теория естественного расступления вод Красного моря. Ее сторонники обращают особое внимание на то, что перед тем, как евреи перешли море, всю ночь дул сильный восточный ветер (см. Исх. 14, 21). Пусть так; но, во-первых, очень он своевременно подул и столь же своевременно перестал, а во-вторых, сами посмотрите на карту и подумайте, куда должен был гнать воду восточный ветер и как это могло получиться, что воды расступились и стали стеной по обе стороны? Конечно, если принять благодетельную концепцию всеобщей глупости, то можно проигнорировать и тот факт, что в 15-й главе книги Исход мы читаем благодарственный гимн Богу, а отнюдь не природным силам. Но если набраться храбрости и от этой концепции отказаться, то можно увидеть, что древние благочестивцы природу отнюдь не игнорировали, а просто твердо знали, что она сотворена, и умели за тварью различать Творца. И радовались ее красотам, и восхваляли Бога за то, что посылает всяческое природное изобилие, и страшились, видя в природных катастрофах знак гнева Божия. И пребывали в мире и с Богом, и с природой, и пели: *Господня земля, и исполнение ея, вселенная и все живущие на ней* (Пс. 23, 1). Сравнив это гармоничное состояние сознания с тем, что творится в головах «современных» людей, мы можем убедиться, что сравнение это – не в пользу последних. Действительно, в методологических целях полезно и необходимо разделять факты веры и факты науки, но мир, тем не менее, един и неделим. К

тому же современная наука – это еще не абсолютная научная истина, в то время как Христос *сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13, 8).

Опубликовано: Журнал «Фома». – № 10 (78), октябрь 2009 г.

Времена и нравы

Дерзай, дочь! Девица! Встань, или О христианках и феминистках

Нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе (Гал. 3, 28). То есть мужчины и женщины равны по значимости, равночестны. Другое дело, что у них немного разные функции и как раз сохранение этих функций, когда мужчина есть мужчина, а женщина есть женщина, и обеспечивает по-хорошему равенство и гармонию полов. Знаете, как-то один добрый человек написал в статье, что женщина самой природой предназначена для деторождения. Я задумалась, а потом позвонила автору и спросила его: а для чего же тогда мужчина предназначен самой природой? Автор оказался умный, не стал искать выгодного для себя ответа, а просто вздохнул в знак согласия с тем, что сделанное им заключение неконструктивно.

Упомянутые слова Христа не имеют никакого отношения к гендерным работоргам и, в частности, к борьбе за женское священство. Его сторонникам, наиболее разумные доводы которых сводятся к «а почему бы и нет?», мне очень хочется сказать: простите, но мне виднее! Мыслить себя в таком вот облики я просто не в состоянии. Я могу себя представить, допустим, в какой-то другой ситуации, с другими данными певицей на сцене Большого театра, но священницей я себя представить не могу никак. И у меня есть некоторые подкрепления такой непредставимости. Почему? Потому что я однажды видела службу, которую проводила женщина. Это было в Праге, где таборитам⁹ отдали прекрасный костел в стиле раннего барокко. Скажу кстати, службы там проходили только раз в месяц, что уже говорит, по-моему, об их ограниченной потребности в отправлении религиозных надобностей. Так вот, в храме тогда находились одиннадцать «верных», дама-священница и тринадцать туристов, среди которых и я. Что же касается священницы, то от ее пения под орган создавалось полное впечатление какого-то мюзикла из жизни домохозяйки. Я не могла избавиться от ощущения, что она сама не очень уверена в том, что то, чем она занимается, – это правильно. После службы она сказала, что уходит в отпуск и ее обязанности временно будет исполнять сестра Берджишка. Представляете? Хотя и без этого было совершенно понятно, что там просто нет мужчин. Я вообще подозреваю, что женское священство начинается там, где в мужчинах обнаруживается сильное оскудение. Когда кончаются мужчины – в ход идут женщины. И феминизм, кстати, это дело горячо поддерживает: а чем, мол, мы хуже? ничем не хуже, просто другие!

При этом не стоит думать, что женщина в принципе не может выполнять духовные функции. Был такой замечательный священник – отец Илия Четверухин, он погиб в лагере. И когда его посадили, он своей матушке Евгении оставил приход на духовное окормление. Причащаться, исповедоваться они, естественно, продолжали у священников, в других храмах. Но вне таинственной жизни именно матушка руководила жизнью прихода. Так что это вполне возможно. Другое дело, что нередко дамы более или менее самостоятельно берут на себя функцию духовного руководства, что не есть хорошо. Тем более не есть хорошо, когда это сопровождается вечным «а я по благословию, по благословию!». Понятно, что если приход очень большой, то настоятель может кому-то перепоручить часть своих обязанно-

---

⁹ Табориты – радикальное крыло гуситов, чешского реформаторского религиозного движения. Движение таборитов пропитано политическими и социальными элементами. – *Ред.*

стей. Правда, в больших приходах и священников немало. Но получается нередко, что что-то перепоручается не совсем подходящим людям. Но это уже тема отдельная.

Про главное

Дерзай, дочь! – Христос сказал это женщине, которая, собственно говоря, уже проявила большую дерзость: будучи в состоянии, так сказать, ритуальной нечистоты, она прикоснулась к одеждам Спасителя. А потом к тому же еще и – по прямому Его приказанию – прилюдно рассказала, почему и зачем она это сделала. Однако заметьте, что Христос не сказал: «Я тебе прощаю твое дерзание», хотя она, можно сказать, надерздила преизрядно. Наверное, многие из окружающих ее уже с готовностью осудили. Но Он сказал: *дерзай!* Он благословил ее идти в жизни прямым путем. Без оглядки на то, кто и что говорит. Есть я, есть Бог, есть закон и есть Завет – и это главное. А то, что там говорит соседка, – это неважно, у соседки свой путь и свое его видение. При этом не стоит путать дерзновение с нахальством, с обязательным избавлением от кротости. *Дерзай* – значит ощути в себе голос Божий и действуй так, как тебе голос Божий подсказывает.

Дерзай – значит «*распрямись*» перед Богом. У нас, к сожалению, мало кто понимает слова «премудрость, прости», которые звучат в храме перед чтением Писания. А ведь они значат – стойте прямо. Потом, правда, звучит призыв «приидите, поклонимся». Так ведь кланяться-то нужно из позиции, которая такую возможность предполагает! То есть если ты прямо стоишь перед Богом и твое устремление к Богу прямое и честное, единственное, что ты, как честный человек, можешь сделать – это поклониться Ему. Но вот этого самого «стойте прямо» – в головах почти нет. А кланяться – да сколько угодно! Но какой смысл в поклоне человека, который по большей части ползает на карачках? Никакого! Это не ценность ни для самого человека, ни для Бога.

И вот, когда апостол Павел говорит: *подражайте мне, как я Христу* (1 Кор. 4, 16), – это ведь тоже призыв к дерзновению, к устремлению на высоты духа!

Девушка! встань! А это еще интереснее. Ведь слова Христа обращены к мертвой отроковице, к девочке, которой всего 12 лет. Это такой мощный символ, что просто дух захватывает: через эту девочку Христос обращается на самом деле ко всему человечеству! Через нее Он говорит, что пришел восстановить падшее человечество, освободить его от власти смерти. И очень ценно, что сказал Он это именно девочке. Понимаете, не какому-нибудь там избранному, мудрому и благочестивому мужу, а девочке, тростиночке, можно сказать. Потому что мы перед Богом – слабые дети.

Вспомните, ведь Христос открыл, кто был лучший из людей – Иоанн Креститель. Он был даже лучше древних великих пророков. А чем Иоанн отличается? Опять-таки именно своим дерзанием, своей устремленностью, пламенностью. Недаром же его изображают на иконах с крыльями, как Ангела пустыни. И ни перед кем он не склонялся, кроме как перед Богом. И для меня очень важно то, что эта самая девочка в глазах Христа лишь немногим хуже Иоанна Крестителя. Господь ее поднимает со смертного одра, чтобы она тоже прямо стояла. И не только она – чтобы все человечество прямо стояло перед Богом. Поэтому и *Дерзай, дочь!* и *Девушка! встань* – на самом деле об одном и том же. И как же важно, что слова Христа – именно окрыляющие. И насколько далеки, к сожалению, от них привычные нам сегодня расхожие штампы, ограничивающие духовную жизнь рамками типа «постись, молись, смиряйся».

Удивительная вещь – смена парадигм. Лет 30 назад я выслушивала аргументы своих друзей, которые не осмеливались поверить в Бога: «Мы люди маленькие, нам бы прожить тихонько, нам не до полетов, не до свершений, не до дерзаний»... Правда, очень похоже на благостные шепотки некоторых наших современников? А мне почему-то кажется, что

эти смиренные атеисты более правильно рассматривали соответствующие различия между верой как дерзанием и неверием как робостью...

Про равенство

На мой взгляд, и о равенстве (равночестности, точнее), и о гендерных особенностях очень выразительно повествуют различия в текстах церковных песнопений. Мы их постоянно слышим в храме, да вот только по дурной привычке не вслушиваемся.

Вот тропарь мученику:

«Мученик Твой, Господи, во страдании своем венец прият нетленный от Тебе, Бога нашего: имеяй бо крепость Твою, мучителей низложи, сокруши и демонов немощные дерзости. Того молитвами спаси души наша».

А вот тропарь мученице:

«Агница Твоя, Иисусе, зовет велиим гласом: Тебе, Женише мой, люблю, и Тебе ищущи, страдальчеству, и сраспинаюся, и спогребаюся Крещению Твоему, и стражду Тебе ради, яко да царствую в Тебе и умираю за Тя, да и живу с Тобою; но яко жертву непорочную приимая, с любовью пожержуюся Тебе. Тоя молитвами, яко Милостив, спаси души наша».

Как замечательно подчеркивается, что мученики получают от Господа силу низвергать и сокрушать силы тьмы! Как трепетно рисуется бесконечная преданность мучениц Христу и их беспредельная любовь! Вот в этом смысле мученики и мученицы не только остаются мужчинами и женщинами, но их мужество и женственность приобретают высшую форму и завершенность. И величают мученика «святым страстотерпцем», а мученицу – «страстотерпицей Христовой».

...А вот песнопения преподобному и преподобной отличаются только обозначениями мужского и женского рода... недаром про иночество говорится – «ангельский чин».

Есть в Новом Завете рассказ о женщине, которую ныне мы почитаем как **равноапостольную** святую. Это Мария Магдалина. Мне кажется очень важным одно сказанное ею слово. Когда Мария встретила воскресшего Христа, то сначала не узнала Его, приняла за садовника. Тогда Христос окликнул ее по имени и Мария увидела Его. Что же она закричала? – *Раввуни!* («Учитель!») Но простите, женщины тогда в принципе не получали духовного образования, а в ортодоксальном иудаизме не получают его и сейчас. А Магдалина называет Христа Учителем, и тем самым позиционирует себя как ученицу – это неслыханно по тем временам! Я уж не говорю о том, что апостолы были учениками, и поэтому в этом восклицании Мария уже словно бы провидит, что она будет равноапостольной. Но это же совершенно спонтанно! Да ведь она себя так ощущает! И заметьте, Христос не воспрещает ей так называть Себя. Этот эпизод, по-моему, очень хорошо свидетельствует о том духовном равенстве мужчины и женщины, которое открыл нам Новый Завет. Но важно, что это равенство осуществляется с сохранением всех половых различий, – оно совершенно не нуждается в защите феминисток.

В самом деле, женщина-христианка ни в каком случае ничего не теряет благодаря полноте своей веры. Господь позаботится о ее *благой части*: либо в браке, либо в безбрачии, либо в труде, либо у домашнего очага. Ее доверие Богу всегда наполняет ее жизнь светом. Братья по вере относятся к ней с теплом и уважением... Ах, вы хотите сказать, что это далеко не так? Да, конечно, но только в той мере, в какой мы не входим в полноту Нового Завета. Сказано ведь: *и по тому узнают, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35). Эх...

А как хорошо было бы «прицельно» повспоминать, как Христос судил прелюбодейку (см. Ин. 8, 3–11): непредвзято, исходя из смысла закона, но без всякого ожесточения, сочетая милость и истину; как мягко Он ее отпустил, наказав впредь не грешить. Как беском-

промиссно, но без озлобления и высокомерия Он испытал веру сиропфиникиянки и даровал ей искомое счастье – исцеление бесноватой дочери (см. Мк. 7, 25–30). Как разговаривал с самарянкой, которая была не только иной веры, но и поведения непохвального, – а Он ее так мягко обличил (ровно настолько, чтобы она почувствовала к Нему доверие), а затем так прекрасно рассказывал про *реки воды живой* (см. Ин. 4, 7–29) и нашел в ней внимательную и понятливую слушательницу, в то время как ученики крайне удивлялись, с чего это Он разговаривает с женщиной, и думаю, что в этом к ним присоединилось бы немалое количество наших современников и единоверцев.

Но венец свидетельств об отношении Христа к женщинам – это Его забота о Матери, проявленная в момент последней предсмертной муки, когда Он поручил Богородицу заботам апостола Иоанна торжественной формулой: *Жено! се, сын Твой. – Се, Матерь Твоя!* Об этом следует думать ежедневно, и тогда, может быть, перестанут просторы родимой страны оглашаться непередаваемо гнусной бранью, которую позволяют себе в том числе и те, кто позиционирует себя как защитники Православия, и даже благочестивые дамы, защищающие нравственность...

Исцеление женщины от одежд Христа

(см. Лк. 8, 41–48)

Иаир был начальником синагоги, и его двенадцатилетняя дочь («одна дочь» – может быть, у нее были брат или братья, а может быть, и нет) умирала. Несчастный отец умолял Христа о помощи, и Тот откликнулся и пошел. А народ собрался вокруг Него густой толпой. В этой толпе к Иисусу протиснулась больная женщина, 12 лет страдавшая кровотечением и потратившая на лечение все, что у нее было.

Женщина подошла к Нему сзади и только прикоснулась к одежде: велика была ее вера, но велика и робость. Исцеление было мгновенным. Но тут Христос спросил: *Кто прикоснулся ко Мне?* Все отнекивались, а Петр и другие ученики начали «объяснять» Ему, что Он никак не мог ничего почувствовать в тесноте. На что последовал ответ: *Прикоснулся ко Мне некто, ибо я чувствовал силу, исшедшую из Меня.*

Мы не будем вдаваться в подробности касательно природы этой силы, а удовлетворимся сказанным. Но женщина-то какова! Преодолела свою робость и не побоялась вызвать нареkania, а подошла, пала ниц и рассказала, что это сделала она по причине болезни и что этим прикосновением исцелилась. И как прекрасны слова Христа: *Дерзай, дочь! вера твоя спасла тебя; иди с миром.* Наверное, можно предположить, что именно верою эта женщина рассказала прилюдно о своей болезни – потому что верила, что Господь ей дурного не сделает и защитит от зла. Более того, Христос даже поощрил ее дерзновение, поскольку оно было продиктовано верой не только в то, что Он способен ее исцелить, но и в то, что Он благ.

Воскрешение дочери Иаира

(см. Лк. 8, 49–56)

...Тем временем к Иаиру подошел один из его домашних с известием, что дочь его умерла и Учителя можно уже не утруждать. Эти жестокие слова услышал Иисус и сказал несчастному отцу: *Не бойся, только веруй, и спасена будет.*

В дом Иаира Христос не позволил войти никому из громадной толпы, кроме родителей девочки, Петра, Иоанна и Иакова (замечательно, что они же стали свидетелями Преображения на горе Фавор; это подчеркивает глубинную смысловую значимость воскрешения дочери Иаира).

А сопровождавшие Христа, оставшиеся вне дома, начали привычный ритуал оплакивания покойника. Плачут-разливаются. А Спаситель и говорит: *Не плачьте; она не умерла, но спит*. Казалось бы, по законам литературы плачущие должны бы обрадоваться и повеселиться. Ан нет, они начинают... смеяться над Христом, потому что они же все лучше знают – и знают, что умерла. Ведь встретили громадной толпой, вроде бы ловили каждое слово, сопровождали, были свидетелями исцеления женщины (а про сколько исцелений слышали!) – и сразу перешли к издевательствам, поскольку Иисус, почитаемый как Пророк, Учитель, Целитель, сказал то, что расходится с общепринятыми представлениями!

Но как бы то ни было, а Христос просто не уделяет внимания этому проявлению косности и неблагодарности. Желая остаться наедине с той силой, которую Ему нужно преодолеть, Иисус предлагает удалиться из дома всем присутствующим. Затем Он берет дочь Иаира за руку и говорит: *Девушка! встань*. И она встает.

По-арамейски это звучит: «Талифа куми», и эти слова с тех давних пор множество раз встречались уже в литературе. В них – бесконечная любовь и доброта Бога, в них – обещание того, что Он, если захочет, может сделать невероятное. В этих словах мы можем услышать и ободрение: Господь в силах поднимать из любой пропасти, лишь бы мы откликнулись на Его призыв.

Опубликовано: Журнал «Фома». – № 3 (119), март 2013 г.

Бессмыслица, или гражданский брак

Гражданский брак ныне довольно часто упоминается разными людьми; иные говорят, что это солнечное проявление свободы, более осторожные – что молодым людям нужно-де проверить свои чувства; несогласные печально констатируют, что как-то это нехорошо (о более эмоциональных выражениях несогласия и недовольства умолчим). Правда, ни те, ни другие не задумываются особенно, о чем же идет речь: сторонники имеют в виду нечто прекрасное, противники – гадость вообще. И еще менее задумываются люди о том, почему они это таким образом называют.

Попробуем хоть немного уяснить себе, что же здесь называется браком и что – «гражданственностью».

Немного истории

В Российской империи существовал единственный способ зафиксировать брак: религиозный обряд, имевший тот или иной характер в зависимости от религии брачующихся. Гражданской регистрации попросту не существовало. Но, как всегда и везде, были люди, не желавшие по тем или иным (как правило, неуважительным) причинам связывать себя брачными узами или при всем желании не имеющие такой возможности, – а кроме различия вероисповеданий, при нежелании этим хоть в какой-то мере поступиться, есть еще и церковные правила, запрещающие, в частности, родственные браки (считается и духовное родство) и возбраняющие брак после развода его виновникам. Почему эти люди называли свое сожительство гражданским браком – уже тогда было не очень понятно; что-то тут такое просвечивает вроде того, что гражданам следует быть вне религии, а отсюда можно плавно перейти к тому, что верующие – плохие граждане и, следовательно, гражданских прав иметь не должны. В дальнейшем это понимание закрепилось в акте лишения гражданских прав духовенства, в запрете голосовать на выборах, в невероятном налоге. Бессмыслица «новой жизни» здесь, кстати, проявилась и в том, что уничтожаемое духовенство называли лицами свободной (!) профессии.

...Вообще-то у монархии бывают подданные, и вплоть до недавнего времени принадлежность человека к населению той или иной страны (в том числе и республик) называлась подданством. Оно, конечно, если это понятие представляется унижительным, то можно и гражданином называться; беда в том, что это название, употребляемое всерьез, обязывает.

И в самом деле, что связывается со словом «гражданский»? Изначально и по существу – ответственная позиция человека в обществе. Некрасов, например, писал:

Будь гражданин! служа искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей любви.

Вполне очевидно, что всеобнимающей любовью поэт называет вовсе не сожительство вопреки законам и обычаям, а служение ближнему и любовь, произрастающую из той, которой Христос победил смерть и спас человечество. И кто будет возражать против такой гражданственности? Однако параллельно развивалось понимание (пути такого развития проследить возможно, но утомительно), что гражданский – это против властей и законов; оно и утвердилось в словосочетании гражданский брак. А между тем никак не зафиксированное сожительство именно потому не имеет права называться гражданским, что характеризуется

прежде всего полной безответственностью, бесправием сторон в результате выхода из сферы закона. Опять-таки восстать против несправедливых законов интересно, но можно вспомнить слова Томаса Мора, канцлера Англии при взбалмошном Генрихе VIII и страдальца за Церковь, прозвучавшие в хорошей пьесе: «У нас в Англии слишком много законов, и большинство из них несправедливы, но жить без них нельзя, потому что они ограждают нас от дьявола». Пылкий молодой собеседник восклицает: «А я, чтобы изгнать дьявола, готов сокрушить все законы и гнаться за ним без усталости». И слышит ответ: «А если он обернется и начнет преследовать вас, где вы укроетесь?»

Злодейства старого мира

Не будем говорить о том, что сожителство, именуемое «гражданским браком», позволяет тому, кто передумал, бросить на произвол судьбы того, кто доверился, – и причем, как правило, в тяжелое время; здесь всегда найдутся желающие позлорадствовать. Подумаем о детях: ведь незаконнорожденные в Российской империи были лишены прав; более того, в свое время дети крепостных женщин от любого знатного отца записывались в крепостные. Конечно, иные «благородные отцы» отпускали мать на волю, давали детям фамилию (не свою!), снабжали деньгами... Почитайте «Подросток» Достоевского – очень ли это утешало? А когда «просто» принадлежность к разным конфессиям не позволила повенчаться, дворянин Яковлев дал своему сыну от лютеранки фамилию Герцен, что примерно значит «сын сердца». Тот был даже состоятельным человеком, но вот счастливым не был. Разумеется, можно долго и звучно проклинать законы и общество, но ведь детям-то жить в этом обществе и под этими законами... Кстати сказать, кроме действительно тяжело звучащего слова «незаконнорожденный» для детей «свободных» родителей существует определение внебрачный, что показывает, что при «гражданском браке» о собственно браке речь не идет и что сочетание этих слов применительно к данному явлению вполне бессмысленно. Только не нужно думать, что простой народ был нравственен, а «не простой» – не слишком. Увы, грехи людские одинаковы при любом социальном положении. Скорее у людей немудреных и отношение к «гражданскому браку» было попроще: грех, бес попутал, стыдобушка... И когда Лесков упоминает о том, что некоторые из «новых людей» со временем венчались, чтоб кухарка уважала, он вовсе не утверждает, что кухарочье сословие отличалось блеском добродетелей и являло собой образ праведности – кухарки не хуже и не лучше других, – но живое понятие о стыде, о том, чего следует стыдиться, а не выставлять напоказ, у них, как правило, присутствовало. И выражения «законный брак», «законные супруги», вполне простонародные по области употребления, свидетельствуют и о том, что в этих кругах бытовали и были известны другие формы сожителства, и о том, что брак был признаком порядочности, повышал социальное положение. Так, может быть, все-таки умудренно кивнем и скажем, что образованное общество безнравственнее необразованного? Да ничего подобного; ведь и образованные люди вступали в законный брак и в мире и любви проживали в нем всю жизнь, и среди необразованных были такие бесстыдники, что только заохаеть. Дело, скорее, в том, что как образованное, так и необразованное молчаливое большинство придерживалось нормальных традиционных взглядов на брак, а шумное меньшинство громогласно эти взгляды отрицало. А среди «простого» народа шуму поначалу было поменьше. Касательно шума, поднимаемого передовыми гражданами, Достоевский в «Бесах» в гениальной пародии на агитационный стишок пишет, что прогресс призван-де уничтожить «церкви, браки и семейства – мира старого злодейства». Здесь даже и не ужаснешься: смешно и глупо. Однако каков набор! А «общее мнение» сходилось на том, что жить «просто так» вообще нехорошо, но так уж всегда получается, что с наибольшей свирепостью оно обрушивалось не на мужчин, которым как-никак в большинстве случаев принадлежала инициатива (пре-

словутую Елену из «Накануне» оставим на совести Тургенева), а на более слабых женщин и на совершенно незащищенных и ни в чем не повинных детей. Я не даю этому оценки, не берусь рассуждать, насколько это нравственно (в другой системе понятий – «убого»), а просто констатирую реальное положение вещей, которое мало меняется в разные века и на разных континентах: хотите бросать вызов обществу – дело ваше, но оно ведь может этот вызов и принять... И в таком случае христианское делание состоит в умягчении нравов, но апеллирует оно не к вседозволенности, а к милости и прощению заблудших.

Акты гражданского состояния

С появлением внецерковной фиксации брака отпали (для неверующих) церковные запреты; появились бюро записи актов гражданского состояния (а кто теперь помнит, что именно таково значение слова «загс»!). К гражданским состояниям были отнесены рождения, смерти и браки; примечательно здесь даже не то, что государство приняло на себя выражение функции Бога, Который только и волен в рождениях и кончинах, и снизило их до уровня «гражданского состояния», а признание такого статуса брака, который законодательно включает его в бытийную канву человеческой жизни. Казалось бы, вот он, наконец, вождельный гражданский брак, тем более что и «записаться» легко, и развестись еще легче. Так что будьте добры, граждане и гражданки, проявляйте свою сознательность. Ан нет, нашлись такие сторонники свободы, которым и загсовская бумажка казалась тягостными узами. Другие же бумажкой не стеснялись и женились / разводились сколько душе угодно. Алиментов научились избегать разными позорными способами, от клеветы перед судом на любимую женщину и отречения от родного дитяти до нахождения мизернейшей официальной зарплаты, чтоб ничего не доставалось бывшему и постылому семейству. Однако великий и могучий русский язык не дремал, и зарегистрированный брак стал именоваться в свою очередь законным, хотя и был по большей части невенчанным. Это словоупотребление трогательно свидетельствует о стремлении людей в любых условиях упорядочить жизнь. Я не склонна считать, что при советской власти был порядок и процветала нравственность; я выросла в трущобном районе московского центра, в очень благоприличной семье, но чего только не было у нас в школе и в семьях моих соучеников! Дерзну, однако, сказать, что каждый человек изначально и в глубине души склонен к миру и порядку. Но сильны искушения падшего мира, и некоторые люди по причинам, о которых сейчас рассуждать не время, становятся активными проводниками зла. А молчаливое большинство или эти течения игнорирует, или робко вторит и даже научается.

О чем ниже.

Между тем, как уже было сказано, именно при советской власти обрело смысл словосочетание «гражданский брак», и ничего другого, то есть церковного освящения брачного союза, власть не признавала. Верующие люди, тем не менее, венчались, и нередко тайно, поскольку священники были обязаны оповещать власти о венчаниях, а это в большинстве случаев было, мягко говоря, неуместно. Насколько я знаю, венчающимся и в голову не приходило, что можно венчаться, но не регистрировать брак. Таким образом в очень узком кругу брак фиксировался по общепринятой в христианской Европе модели: венчание и регистрация. Собственно, такой брак может называться браком перед Богом и людьми в полном смысле.

Эпидемия продолжается

Наконец, настали новые времена и Церковь обрела присущие ей права. Правда, в отношении фиксации брака имущественно-юридические права требуют официальной регистра-

ции; как уже было сказано, это нормальная европейская модель. Казалось бы, все встало на свои места: веруешь – венчайся и регистрируйся, нет – твое дело, зарегистрируй брак светским образом...

Но не тут-то было.

Известно, что стакан с водой можно видеть и полупустым, и полуполным. Несколько лет назад образованная дама в культурном журнале сетовала на то, что плохо у нас приживается психоанализ, и употребила таковые слова: «Тысячелетие Православия не прошло даром. Русские девушки целомудренны и не желают публично выворачивать темные стороны души». Сочувствовать этим дамским скорбям мы не будем, а скажем в свою очередь, что и безбожное семидесятилетие не прошло даром, отразившись пагубным образом на самом понятии семьи. Возможно, нам далеко до предельной (или беспредельной? слишком уж выразительным стал язык) распущенности, но нечто на пути к ней достигнуто (подробности опускаются). Если не говорить о церковном народе, то непонятно, заключаются ли сейчас браки, зафиксированные на юридическом уровне (то есть на самом деле гражданские) без предшествующего «свободного» сожителства, по невинным причинам и называемого гражданским браком. Самое печальное, что эти слова употребляются по данному поводу и священниками, причем естественно, что употребляются в осудительном смысле, но при этом получается, что батюшки осуждают гражданскую регистрацию (без которой сами же и не венчают). Действительно, бессмыслица, далеко зашедший абсурд! Свою долю в эту бессмыслицу вносят молодые и «продвинутые» православные, среди которых развивается мода венчаться (у знакомых батюшек, разумеется), но не регистрировать брак. Что это им дает, кроме бесславной участи одной из сторон в случае, если чувство поостынет, да сомнительного юридического статуса детей, непонятно. Вряд ли они являются убежденными последователями сектантов, чуждающихся всякой документации, – образование не то. Хочется свободы и оригинальности – любой ценой... Не менее печально, что эпидемии псевдогражданского лжебрака подпадают и люди вполне в годах и даже близко к пятидесяти. Им-то что проверять? Самое оригинальное оправдание такого незаконного состояния, которое я слышала, было: «Он инославный, с ним венчаться нельзя». Спрашиваю: «А что, регистрироваться тоже нельзя?» Дальше по Шекспиру: тишина. Но еще гораздо печальнее то, что вполне порядочные люди старшего поколения оправдывают своих разудалых потомков, смиренно приговаривая, что-де, мол, нынче по-другому нельзя и что все так делают.

Впрочем, почему бы им этого и не делать? Один современный журналист употребляет в подобных случаях старое присловье: отчего не воровать, когда некому унять? И ведь действительно, и родители боятся слово поперек молвить, и даже священники употребляют стыдливую и неточную замену огненного слова «блуд»...

Выше я уже говорила, что не верю в то, что порча нравов имеет сиюминутный характер и занесена с гнилого Запада. В конце концов, грехопадение не на Западе произошло. Страшно сказать, но борьба человека с силами тьмы (и в том числе с блудным бесом) стала немодной (в том числе и в России) уже более века назад. Происходит просто какой-то шантаж: молодые боятся быть немодными, которые постарше – тем более, а то как бы кто не догадался, что они люди на возрасте, родители взрослых детей пуще всего страшатся оказаться носителями пережитков и тем самым утратить надежду на взаимопонимание. А светские СМИ тоже соучаствуют: сообщения о «великосветских» свадьбах почти всегда включают информацию о том, на каком месяце беременности пребывает нежная невеста (вариант: какое количество детей счастливой «звездной» пары сопровождает церемонию). А что же общественное мнение? – А оно совершенно задавлено обстоятельствами и никак себя не проявляет; экстремистские гневные всплески не считаются, поскольку нравов отнюдь не исправляют. Среди в какой-то мере совестливых людей быстро вышло из употребления словечко «бойфренд»; стали уклончиво говорить «жених». И снова бессмыслица: говорит чело-

век, что его дочь отселилась и живет с женихом. На замечание, что с женихом не живут, а венчаются, печально отвечает, что-де, мол, он уговаривал, а «жених» и «невеста» – ни в какую. На попытку уточнить, что тогда не с женихом, а с любовником, ужасается: «Зачем же так грубо?» Все это в терминах римского права можно назвать конкубинатом (сожительством), а в терминах этнографии – промискуитетом (неупорядоченное половое общение, которое этнографы когда-то приписывали архаичным обычаям и которого у соответствующих племен на самом деле нет, хотя не всегда бывает и строгое единобрачие); выше упоминалось, как это называется на языке Церкви. Конечно, сторонники сразу же начнут энергично возражать: при чем тут промискуитет, а может, у них великая любовь, не терпящая бюрократического вмешательства? Может быть, и великая, может быть, и всепобеждающая страсть, но надолго ли? В самом слове «проверка» есть что-то от эксперимента, а эксперимент считается доказательным только в том случае, если он при множественном повторении дает тот же результат. А вообще-то, международным пактом эксперименты на людях запрещены. И без них понятно, что свободной любви навсегда не бывает. Ромео и Джульетта сначала обвенчались, а потом соединились в жизни и в смерти. А самое печальное, что вся эта чехарда великих любвей происходит на глазах у детей, для которых мама и папа – величины не постоянные, символизирующие опору в жизни, а переменные. И находятся взрослые, которые с умудренным видом говорят, что дети, мол, такие пошли, что им это нипочем, а если они шарахаются, то даже полезно ввести их «в курс дела», чтобы не выделялись в продвинутом обществе. И все это ложь. Допустим, дети проявляют цинизм, – они ли в этом виноваты? А что, если они иного в жизни просто не видели? Это не они родились растленными (каждое человеческое существо есть образ и подобие Божие), это их растлили с младенчества. Мало найдется грехов тяжелее и горше этого.

* * *

Что же нам, православным христианам, делать? Прежде всего, не доверять лживым словесам и ни на чем не основанным обобщениям и умозаключениям. Никак не оформленное сожительство мужчины и женщины – грех, распущенность, безответственность, а вовсе не «гражданский брак». Очень важно в этом случае, как и во многих других, не бояться называть вещи своими именами (избегая сквернословия). Никаких причин для отмены единобрачия нет и не будет, равно как нет и не будет оснований для того, чтобы объявлять христианскую мораль устаревшей. Метастазам порока нужно противостоять в своей семье, в своем окружении, а для этого потребны теплая вера, ясные христианские убеждения и взывание к помощи Божией, дабы идти тем путем, который предназначил для нас Он, желая приблизить нас к Себе.

Устраивать митинги необязательно. Декларировать свою добродетель – тоже, ибо добродетель – вещь целомудренная и не терпит болтовни. Но как Христос непрестанно стучится в наши двери и сердца (ср. Откр. 3, 20), так и нам следует собственной жизнью свидетельствовать правоту Благой Вести о сущности и предназначении человека.

Опубликовано: Журнал «Фома». – № 2 (58), февраль 2008 г.

Уж замуж невтерпех, или А зачем жениться-то?

Грамматика – наука строгая, чтобы не сказать занудная (сама лингвист, имею право). Однако школьный курс русского языка был обречен на проболек юмора; это когда проходили единственные три наречия, кончающиеся на «ж» и вынесенные в заголовок. Конечно, в учебнике они пишутся через запятую, и, конечно же, никто кроме неисправимых отличников не читал их иначе как цельную фразу, что и вызывало вспышку несанкционированного веселья к раздражению учительницы (особенно если сама незамужняя) и к смущению отвечающей урок ученицы.

Думаю, однако, что сейчас положение в корне меняется.

«Выдь замуж, голубушка!»

Факт налицо: девушки не хотят выходить замуж. Происходит некоторое, если можно так выразиться, дежавю с обратным знаком. Некогда просторы Европы и Азии оглашал (на разных языках) девичий вопль: «Женись, голубчик!» Из-за игнорирования этого вопля утопилась карамзинская бедная Лиза, судьбу которой тысячи людей оплакивали десятки лет. Пушкинская Русалка тоже утопилась, но судя по тексту неоконченной поэмы, коварный изменник получил-таки в конце свое суровое воздаяние. А сейчас я знаю не один случай, когда несчастный молодой человек умоляет: «Ну, выдь за меня замуж!» – и слышит хладнокровное: «Так – пожалуйста, а регистрироваться не хочу». Прямо не девушки, а какие-то черные гусары. Почему это так – об этом можно говорить долго и проникновенно, однако ограничимся тем, что наряду с универсальной причиной – утратой христианских основ жизни – укажем еще только одну, безусловно, с ней связанную, но гораздо реже упоминающуюся: влияние матерей, жертв победившего, развивающегося, совсем-совсем развитого, зрелого и, в конечном итоге, перезревшего социализма, искалечивших свою жизнь и другой возможности просто не желающих видеть. Мне в свое время пришлось чуть ли не зубами отрывать высокоинтеллигентную и верующую женщину от зятя, которого она стремилась стереть с лица земли, утверждая, что дочери он уже не нужен: замужем побывала, штамп в паспорте есть, ребенок есть, так зачем еще такая обуза, как муж (кстати, очень порядочный, очень образованный и хорошо зарабатывающий)? Замечу кстати, хотя это к данной теме вроде бы отношения не имеет, что в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» значит, что если муж принуждает жену к аборту, то она имеет право с ним развестись. Про мамаш там ничего не сказано, а их подзуживание встречается гораздо чаще.

Но значительно интереснее попытаться ответить на вопрос: а зачем, в самом деле, замуж-то выходить?

Контраргументы и их разоблачение (по Булгакову)

Широко распространено мнение, что муж – это бремя, рабство, множество дополнительной работы. Первое место в примерах занимают варка супа и стирка носков. Однако суп – чрезвычайно полезная и недорогая еда, так что варить его всегда не вредно, а стирка в стиральной машине хоть чего – не проблема. Так что это, как говорил один из булгаковских персонажей, случай так называемого вранья. На самом деле дело не в этом, а просто **лень любить**. Ибо для любящей не только супы и носки, но и гораздо более сложные «испытания» превращаются в ничто и даже некоторым образом в дополнительное развлечение, в одну из маленьких радостей семейной жизни. А леньность начинает действовать уже на дальних подступах к браку, и девушка, не умеющая любить и от лениности вовсе не желающая

этому учиться, либо вовсе не в состоянии найти свою родную половину, либо по лености соглашается на совершенно негожий вариант. При наличии ума и прилежания его, правда, тоже можно было бы сделать сносным, да лень...

Главный порок классического романа состоит в том, что он, как правило, кончается свадьбой. Между тем именно после свадьбы и начинается самое интересное – нормальная человеческая жизнь, которая строится отнюдь не по рекламным клипам. Да, семью нужно создавать, и это великий труд, но труд благодатный, и плод его – развитие личности. Именно так, а байки про то, что семья-де мешает личному развитию, – это опять-таки вранье. Семья «мешает» лености, безответственности, капризам, бессмысленному сиюминутному существованию.

А личность женщины в семье расцветает, что для семейной жизни является первейшим из необходимых условий.

Жена как феномен

Поскольку я все-таки лингвист, приведу небезынтересную аналогию. В грамматике считается, что глава предложения – подлежащее, по нему все строится, но квинтэссенция смысла – в сказуемом. Так вот, глава семьи – безусловно, муж, без него семьи нет (термин «неполная семья» создан не от хорошей жизни и чем-то напоминает всадника без головы и иные столь же жизнеспособные конструкции). Но сердце семьи – жена. В осетинском фольклоре есть такая сказка. Молодежь пустилась в дискуссию о том, кто важнее в семье, и до того разгорячилась, что решено было поставить эксперимент: самая умная девушка в селе вышла замуж за самого глупого парня, а самый умный из молодых людей женился на самой глупой девице. Умная жена при всем своем уважении к мужу потихоньку-полегоньку, «по-умному», помогала ему принимать умные решения, и со временем он стал уважаемым членом общества. А глупая жена так разрушающе влияла на мужа, что он стремительно поглупел и превратился в полное ничтожество. И когда молодые жены отчаянно жалуются на то, что муж негодящий попался, я, во-первых, думаю, куда она раньше-то смотрела, а во-вторых – вспоминаю эту сказку.

Сказка – вещь мудрая, но все же она не более чем сказка. А вот один архиерей (очевидно, не менее мудрый) говорил, что когда к нему приходит кандидат на рукоположение со своей женой, то он больше смотрит на будущую матушку: «Если она – на пятерку, а муж – на тройку, то я рукополагаю, а если он – на пятерку, а она – на тройку или еще хуже, то нет». А что значит – «на пятерку»? В воспоминаниях одного почтенного батюшки говорится, что когда он собирался искать себе жену, его духовник сказал: «Нужно, чтоб или христианка была как кремль, или чтоб семья из нее так и перла». Заметим, что твердость в вере здесь на первом месте: имеется в виду, что настоящая христианка по вере своей сумеет стать хорошей женой. Троекратное «увы» церковным активисткам, которые якобы по благочестию пренебрегают семьей.

Дальнейшие контраргументы

Почему-то распространено мнение о том, что если женщина – не летчик, не капитан дальнего плавания, не банкир или на худой конец не инженер-строитель, то жизнь ее прожита впустую. Короче говоря, если женщина – не мужчина, то она вроде бы и не человек. Смешно то, что эту идею горячо поддерживают феминистки, которым вроде бы больше к лицу утверждать самостоятельную ценность женщины как таковой. Ан нет, не получается, и очевидно, что из-за того, что основная идея выбрана не из лучших.

Еще у сторонниц безбрачия в моде наука (все равно какая) и творчество, ради которых стоит якобы отказаться от семьи. И здесь вранье; существует множество женщин-ученых, художниц, писательниц, живущих полноценной семейной жизнью. И сотни тысяч вечных лаборанток, мелких чиновниц, служащих и т. д., ненавидящих свою работу и лишенных утешения в виде домашнего уюта и семейного тепла. А что получится из юной противницы брака, кассирша или топ-менеджер, еще неизвестно, но известно, что статистически преобладают кассирши. Между тем женщина есть женщина, со всеми своими свойствами и качествами. Нужно только понять, что свойства эти – не только физиологические, но и душевные и даже (страшно сказать!) духовные. Именно они и должны развиваться и достигать своего максимума, и происходит это в семье.

Не будем сейчас говорить о, так сказать, высоком безбрачии, о монашестве, потому что это – дар особый. Недаром была высказана святоотеческая мысль о том, что постриг – для тех, кто имеет любовь совершенную, а для тех, кто не имеет, существует семья как школа любви. Однако в основном девушки, отказывающиеся от брака, о монашестве и не помышляют, а желают жить по своей воле, по своему произволу, ни с кем не считаясь. И это – главная причина формирования класса амазонок.

Дары в супружестве

А ведь женщины наделены свыше прекрасными дарами. Женщина способна быть хорошей женой, любящей и любимой, невзирая на возраст и изменения внешности. Противно смотреть на цветущих рекламных супругов, вместе обожающих дрянной маргарин, сомнительный молокопродукт или моющее средство, но нет более дивного зрелища, чем супруги, вместе прожившие долгую жизнь и вместе состарившиеся. На их лицах – покой души, основанный на внутреннем мире и глубочайшем, выверенном десятилетиями взаимопонимании. Им хорошо, им очень хорошо. Их жизнь полна любви, и их миновало тяжкое проклятие старости – одиночество. Конечно, можно возразить, что никто не мешает свободной женщине свободно родить ребенка, а то и не одного. Но уже можно наблюдать старость таких матерей, и она незавидна, потому что дети **не прощают** неполноты своего детства – если она произошла по воле матери; при этом если женщина овдовела или муж ее недостойно бросил, дети это понимают. А кроме того, понимают – и видят, и ощущают, как гордая своей самостоятельностью мать с годами не смягчается, а черствеет, не мудреет, а становится агрессивной, ограниченной женщиной, на глазах обрекающей себя на одиночество. Да и сами эти дети, лишенные полагающейся ребенку доли семейного тепла, растут нельзя сказать чтобы очень душевными людьми.

Так почему бы свободной и деятельной женщине не заработать кучу денег (чаще всего мешает отсутствие необходимых способностей, но кто ж об этом думает) и на эти деньги обеспечить себе комфорт в старости? Но вот вам пример: Коко Шанель, красавица, умница, талант, величайшая из великих кутюрье, перевернувшая моду и создавшая стиль на десятилетия. Живет в сверхроскошных апартаментах сверхроскошного отеля. Умирает в одиночестве, как бродяжка в чистом поле: не любила, чтобы ее беспокоили, вот никто и не заглядывал. А что было на душе у этой одинокой старухи, отвернувшейся от всех людей и от всего человеческого, – можно только догадываться. Страшно.

Да разве только в старости дело? Юные о ней и не думают вовсе. Но «состоявшееся» супружество и в более молодые годы обладает удивительными свойствами, которые так просто не опишешь.

...Много лет назад Москве повезло: приехали на несколько дней две легенды – величайший режиссер Федерико Феллини и его жена, удивительная актриса Джульетта Мазина. Был на скорую руку устроен прием, на который набилось человек двести: режиссеры,

актеры, композиторы... И каждому хотелось что-то сказать и что-то услышать. И вот, в одном конце большого зала буквально рвут на части Феллини, в другом – Мазину. Для собравшихся это было великим счастьем, уникальным, неповторимым событием. А для «гостей» – величайшим напряжением. И замечено было, что они совершенно синхронно оборачиваются, обмениваются быстрым взглядом – и снова отдают себя на растерзание. Это и есть брак: они в одну и ту же секунду чувствовали необходимость поддержки – и получали ее, лишь взглянув друг на друга.

Я очень люблю наблюдать, как идут супруги. Ведь вот и не в обнимку, и не под ручку, и подчас даже не рядом – а видно, что они едины. Удивительные слова Писания *про единую плоть* (см. Быт. 2, 24; Мф. 19, 5–6; Мк. 10, 7–8, 1 Кор. 6, 16; Еф. 5, 31), как следует из контекстов, относятся отнюдь не только к физическому соединению супругов, но к образованию некоего таинственного единства, способного совершенно преобразить отношения между личностью и миром, сделать их как бы цветными и многомерными; точнее, это жизнь одиноких представляется черно-белой и плоской при сравнении. Никакая дружба, пусть самая крепкая и верная, и тем более никакой «роман», сколь угодно головокружительный, не дают того душевного взаимопонимания и взаимопроникновения, которое вырастает в браке и длится десятилетиями – и движется «по возрастающей».

Тайна христианского брака

На это на все могут сказать: ну, допустим, брак создает уникальные отношения, но ведь люди смертны, и далеко не всем удастся «умереть в один день», как живописал супружеское счастье романтический Александр Грин. И что тогда – темный ужас одиночества, еще более страшного, поскольку произошла утрата? – Да в том-то и дело, что вовсе нет. Для христианского брака нет вечной разлуки, а есть вечная жизнь, хотя и в таких формах, о которых мы знать не можем. Но когда я в «Альфе и Омеге» печатала воспоминания двух супругов (кстати, идеально дополняющие друг друга), один из которых к тому времени скончался, я в послесловии написала, что язык не поворачивается назвать ту, которая еще в земной жизни, вдовой. И она позвонила мне, поблагодарила и сказала, что это чистая правда, что она себя вдовой и не чувствует.

Вот это все и есть то, ради чего очень даже стоит вступить в брак. А то, что обычно называют семейными радостями, – это лишь внешнее выражение удивительной тайны супружества, но и оно полно красоты и величия и дивно в очах Божиих и человеческих.

Опубликовано: Журнал «Фома». – № 7 (63), июль 2008 г.

Дефект критики

Дефект критики – так психологи называют состояние человека, который не умеет трезво и разумно посмотреть на себя со стороны, а склонен не только завышать свою самооценку, но и переводить ее в область несбыточного. Не нужно понимать дефект критики как определение того, что некто плохо критикует; это он недостаточно критично, то есть недостаточно трезво относится к себе самому. Отсюда – великое множество недовольных, непризнанных гениев буквально во всех областях человеческой жизни, от семьи и школы до искусства, науки и политики. А уж в богословии, да и просто в Церкви...

Сейчас дефект критики проявляется у многих молодых в форме, которая, пожалуй, начинает становиться угрожающей для жизни общества. Молодые люди, ища свое место в жизни, прежде всего ставят своей задачей получать много денег, – настолько много, чтобы хватало не просто на жизнь, а на роскошную жизнь (при этом представления о роскоши довольно убоги и распространяются скорее на величину затрат, нежели на высокие качества эстетических параметров бытия, не говоря уже об этических). Что они за эти деньги могут предложить работодателям, их не волнует; по большей части ничего или близко к тому. Поэтому некому мыть машины, некому ухаживать за детьми и за больными в семьях среднего достатка, некому заниматься уборкой... Принято ворчать на тему «понаехали тут...» – а кто убирает Москву? Мы бы потонули в грязи, мы бы вымерли от эпидемий, если бы не приезжие, потому что москвичи такой работой принципиально заниматься не хотят. Они выше этого. Дефект критики... Внутренний механизм дефекта критики более-менее представим; заметим, как этот механизм, опираясь изначально на само по себе не вредное стремление к совершенству, соскальзывает в сторону греховности и, вслух говоря, безумия. И общая причина этого проста: не в Бога богатеет (см. Лк. 12, 21).

Хочется быть хорошим, и это так понятно и в общем правильно. Но встать на путь, ведущий к Богу, Подателю всего доброго, как-то боязно, – а вдруг чего потребует (и ведь потребует – тебя!); хочется попроще и по-своему, и даже не очень замечаешь, что цель при этом подменена: стать не столько хорошим, сколько знаменитым. И задуматься некогда о том, что здесь – начало отпадения, даже не от Церкви отпадения – от человечества: в том, что хочется быть не как все, проявляются ростки гордыни и человеконенавистничества. Хочется быть лучше других – и тот, кто предается самоусовершенствованию на этом пути, уже отмеряет дистанцию между собой и человечеством. Покаяние становится проблемой, потому что оно возможно, только если всерьез и от души можешь признать себя первым из грешников, а думая о людях, увидишь, что ты хуже всех.

В этом смысле дефект критики было бы лучше называть дефектом самопознания, тем более что в смысловом пространстве русской письменности слово критика приобрело значение тотального отрицания, – благодаря бронебойным свойствам нашей литературной критики. Вот и от библейской критики принято шарахаться, хотя на самом деле это всего-навсего исследование корпуса библейских текстов.

Впрочем, самопознанию тоже не особенно повезло; считается, что это что-то бердяевское и тем самым подозрительное. А самопознание есть необходимый компонент труда христианина, направленного на его спасение, и без него невозможно покаяние. Впрочем, как это ни назови, а суть остается, и состоит она в том, что при дефекте критики хочется с блеском себя проявить... в какой области – неважно, есть ли к тому способности – несущественно; главное, чтобы все ахнули. А вот думать о том, кто же я на самом деле – не хочется. Знала я человека, который в 14 лет писал свою нобелевскую речь, а на вопрос о том, в какой области он намерен получить премию, отвечал, что это не так существенно, главное – произвести впечатление.

В связи с этим к вышесказанному нужно добавить одну существенную деталь: если вдруг начинаешь подозревать, что не получается быть (о, конечно, исключительно по вине злых людей), то все старания направляются на то, чтобы хотя бы слыть... Так вырастает тщеславие. Тщеславие велит своей жертве оторваться от реальности; тщеславие мутит голову сценами предполагаемого триумфа. В результате – крушение и катастрофа.

А в основе тщеславия – страх, многослойный, чудовищный страх. Страшно, что не оценят твои неслыханные достоинства, что обидят, что даже просто скажут неприятное, – но ведь и обижают в конце концов, и именно благодаря тщеславному поведению. Страшно попытаться понять, что же такое ты собой представляешь. Страшно представить, что в жизни может и не быть всеобщих похвал, триумфов, награждений, фейерверков – того успеха, о котором настойчиво трубят СМИ, провозглашая его единственной целью бытия, – это так страшно, что подчас приводит к мысли быть хуже всех, раз уж не получается лучше, – лишь бы заметили. Наконец, как известно, *страшно впасть в руки Бога живаго* (Евр. 10, 31). Что же делать бедному человеку, задавленному всеми этими страхами, страдающему от непризнанности?

Напрашивается кристально простой совет: пойти в храм. Но не все так просто. Можно было бы, строго говоря, и проконсультироваться у психолога; тоже неплохо. И опять-таки не все так просто. Профессиональный психолог, в отличие от шарлатана, не будет бегать за людьми с криком: «Вам нужна помощь, и я в состоянии ее оказать». Человек должен прийти к нему сам – со своей самостоятельно осознанной проблемой. Беда же в том, что страдающие дефектом критики (да и многими другими душевными болезнями и отклонениями) вовсе не знают, что они больны, – и знать не хотят; их позиция сродни тому случаю, когда рыдающая от злости женщина отталкивает валерьянку, крича, что это ей не нужно. Получается порочный круг: человек, страдающий дефектом критики, именно в силу этого не может дать себе здравую оценку и не обращается за помощью.

Но ведь и опытный священник не будет тыкать пальцем в человека, восклицая: «Вижу, вижу твой грех!» – хотя, увы, слишком многие верующие именно этого жаждут, именно за этим ездят к «прозорливым» старцам. При таком подходе к окормлению труд окормляемого сводится к преодолению расстояний и очередей, а не к духовной работе. Однако пастырский духовный долг в том и состоит, чтобы терпеливо объяснять, что для начала свой грех нужно осознать, что это необходимое условие для того, чтобы отделить его от себя и, прося у Господа избавления от этого греха, в то же время самому решительно от него отречься – опять-таки с Божией помощью.

Что же получается? Для того чтобы прибегнуть ради избавления от дефекта критики к врачу, нужно ясно осознать, что это – болезненное, недолжное состояние, и работать над собой в контакте и даже в сотрудничестве со специалистом.

Но и для того, чтобы получить духовное исцеление, нужно столь же ясно осознать, что ложное, да и просто непродуманное мнение о себе – это грех, и захотеть от этого греха избавиться. И еще – понять, что это возможно, только если пойти путем синергии, соработничества с Богом. Что греха таить, про синергию слышали многие, но понимается она подчас как что-то вроде «делового партнерства» в каких-то смутных, но грандиозных делах глобального масштаба. А тут вот дело вроде небольшое, вроде бы только тебя касающееся... Но оно может оказаться решающим в жизни и в деле спасения.

Только не надо делать поспешных выводов на мотив «значит, ходить в храм вовсе не обязательно». В том-то и дело, что может быть и не обязательно (в духовной жизни с обязательствами вообще не очень понятно, коль скоро есть обязанности и обеты), но чрезвычайно желательно, и вот почему.

Се, стою у двери и стучу, – говорит Господь (Откр. 3, 20). Он обращается к нам всегда и везде, терпеливо ожидая встречного обращения. А мы то ли не слышим, то ли нам некогда,

то ли вообще не до того. Так вот, в храме у нас просто-напросто больше шансов услышать и откликнуться, – потому что меньше внешних раздражителей. Да, разумеется, взгляд бесцельно бродит, мысли отвлекаются... а все же нет здесь ни пива, ни рэпа, ни телевизора. А если еще и не заикливаться на «байронических» мыслях о том, что-де, мол, все здесь мне чуждо, а просто побыть, – глядишь, и уловишь нечто, к тебе относящееся, потому что чем проще такое бытие в храме для новонаначального, тем ближе оно к бытию с Богом.

Но не нужно ожидать ослепительного наития. Все проще, тише и как-то подлиннее... А уж если возникла склонность к покаянию, то дальше открывается путь трудный, чреватый осложнениями и падениями, но, тем не менее, изобилующий дарами. И только на этом пути возникает возможность поверить в то, что *совершенная любовь изгоняет страх* (1 Ин. 4,18). Это требует усилий, потому что страх окружает нас в этой жизни со всех сторон, – да и где найти ту самую совершенную любовь? Вот ее-то и нужно просить у Бога, а не всеобщего признания, процветания и наказания врагов, – да даже и не их «вразумления», потому что это – дело Божье.

А освободившись от страха (ну, если не совсем от страха, то, по крайней мере, от страха перед страхом, – уже неплохо), человек может смотреть на себя и делать выводы о том, кто же он такой на самом деле, чего ему от себя ожидать не следует, а о чем можно и постараться. А главное – что же просить у Бога. Недаром святой праведный Иоанн Кронштадтский говорил, что молитва должна быть конкретной. При этом не имеется в виду конкретная вещьность молитвы; конкретное прошение – это о даровании, например, терпения, безгневности, неосудительности, стойкости в испытаниях... да мало ли чего нам не хватает!

И не нужно пытаться изменить мир; это не в наших силах, да и если честно, то мы вовсе не знаем, что именно нужно менять. Меняться следует нам самим – для того, чтобы изменилось наше отношение к окружающему.

И вот, святой апостол Павел во Втором послании к Коринфянам (2 Кор. 6, 4 – 10) в подробностях живописует, что бывает, если человек, свободный от дефекта критики в силу того, что он целиком обращен к Богу, встает лицом к лицу с прискорбными тяготами земного бытия. *Мы... во всем являем себя как служители Божиим... в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах... в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией... в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают, нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем. Вот она, совершенная любовь и как следствие – свобода от страха. И свобода от греха. То есть, конечно, как же греху не быть, но одно дело нападение греха, осознаваемое и преодолеваемое обращением к Богу, а другое – рабство греху. Об этом Павел писал неоднократно, но, пожалуй, яснее всего в Послании к Римлянам (Рим. 6, 17–22): раб Божий свободен от рабства греху, и напротив, противящийся тому, чтобы быть рабом Божиим, становится рабом греха. Но главное здесь для нашей темы – это свобода от тщеславия, свобода от суетных и ложных людских мнений. Эта свобода ничего общего не имеет с высокомерным игнорированием окружающих, хотя выглядит сходным образом. Так, в Патерике содержится рассказ о молодом монахе, с полным бесстрастием реагировавшем на окружающие его нестроения и на разнообразные конфликты среди братии; на вопрос о том, как ему удалось достичь такого высокого состояния духа, он ответил: «А они мне как псы». Конечно, никакой свободой здесь не пахнет, а имеет место проявление совершенно безумной, губительной гордыни. В силу достижения свободы в Боге человек освобождается и от дефекта критики, – если вдуматься, от тягостного недуга. Распространено и в общем справедливо представление о грешнике как о том, кто пьет, курит, ругается, дерется, ворует, развратничает... А страдающий дефектом критики вроде бы*

ничего такого не делает. Он может быть очень даже тихим человеком. Он «всего-навсего» калечит свою душу, тратит попусту данную ему жизнь и чем дальше, тем глубже погружается в тоску и недовольство, – в состояние поистине адское.

А нам это надо?

Опубликовано: Журнал «Фома». – № 4 (84), апрель 2010 г.

Как жить в Содоме?

К чему скрывать: мы боимся бедности, преступников, болезни, катастроф, конца света и вечной гибели. При этом масштабы наших страхов отнюдь не соответствуют масштабу того, чего мы боимся. И часто мы забываем, что *совершенная любовь изгоняет страх* (1 Ин. 4, 18). А если проще, то забываем, что Господь с нами; от души поем в храме: *С нами Бог!* или *Господь просвещение мое и Спаситель мой – кого убоюся?* – а в жизни (или, как принято нынче говорить, «по жизни») боимся всего вышеназванного. Честно говоря, бояться есть чего. Вечной гибели бояться даже полагается – и каяться, и молиться о милости Божией; но это «не тот» страх, это страх во спасение. С концом света уже сложнее – без страха здесь, конечно, не обойтись, но он смягчается размышлениями о славном Втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа, а не лихорадочными поисками сомнительных источников, якобы сообщающих о сроках и знаках. Катастрофы – что с ними поделаешь, они не в нашей власти, в том числе – увы! – и техногенные, и тем более вызываемые террористами, но с их возможностью полезнее просто примириться, чтобы не умирать десятки раз страшной смертью в воображении. И ничего хорошего нет в болезнях (говорить, что они-де духовно полезны, человек может только если речь идет о его болезнях, а указывать корчащемуся от боли ближнему на духовные преимущества этого состояния – как-то не очень по-доброму получается). Бедность тоже бывает относительная; так, миллиардеру горько и обидно пере-квалифицироваться в простые миллионеры. Вот и пословица сложена: у всякого свое горе, у кого щи жидки, у кого жемчуг мелок.

Пожалуй, хуже всего, иррациональнее всего вполне разумный страх перед преступниками. Дело не в том, что любого из нас могут оскорбить, лишиться имущества, искалечить и мучительнейшим образом убить... Да, это действительно страшно. Но еще страшнее то, что сфера преступности окутана смрадом нечестия, и мы не только боимся за себя и за близких, но и ужасаемся той глубочайшей бездне безнравственности, с которой рискуем соприкоснуться, о которой знаем, что она существует и распространяется в мире. И одно это нечестие, даже если оно не чревато криминальной угрозой для нас лично, повергает в ужас.

И возникает вопрос: как жить в Содоме? И вопрос этот становится страшным еще и потому, что Господь может казнить Содом. А мы здесь живем. На мой взгляд, обстоятельный, поучительный и утешительный ответ на этот вопрос содержится во Втором соборном послании святого апостола Петра. Хорошо бы усестись попрочнее и внимательно прочесть его от начала до конца. Святой апостол говорит и о предающихся пороку, и об отпадающих от веры, и о лжепророках, и о *Дне Господнем*, когда погибнет этот мир, и о том, что мы, верующие во Христа, Сына Божия, *ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда* (2 Пет. 3, 13). И нам нужно думать о том, чтобы явиться перед Богом неоскверненными и непорочными в мире (3, 14). А долготерпение Господа следует, по словам апостола Павла, почитать спасением (ср. Рим. 2, 4): Господь не желает, чтобы люди гибли, а ждет, когда они придут к покаянию. Поэтому наше дело в развратном мире – не вопиять иначе как в молитве (а разве редко приходится слышать и произносимое походя призывание кары на головы нечестивцев, и – что еще того хуже – порицания непосредственно в адрес Создателя: «Господи, как Ты это терпишь!»), а блюсти себя. И помнить, что праведник выполняет в мире очень важное дело: спасает народ от гибели. Но не пропагандой и агитацией, не громкими обличениями, а просто фактом своего существования. Обратившись к прискорбной истории Содома, точнее, к предыстории его гибели (см. Быт. 18, 20–33), увидим, что Господь склонен был оказать ему милость по предстательству Авраама. Эпизод «торга Авраама» – один из самых драматичных в Ветхом Завете: Авраам просит, чтобы не были погублены праведники с нечестивыми. И Господь соглашается пощадить город, если в нем найдется 50 праведников

(число предлагает Авраам). Затем Авраам просит пощады для Содома, даже если праведников будет всего 45... 30... 20... 10. И Господь всякий раз соглашается. Но ведь и десяти не нашлось! Вернувшись к заголовку, скажем, что жить в Содоме можно – но так, чтобы оставаться праведником. А для этого необходимо некоторое спокойствие духа, достичь которого очень непросто. Вот и апостол Петр, говоря о единственном милостивом исключении при гибели Содома, указывает, что Господь *праведного Лота, утомленного обращением между людьми неистово развратными, избавил (ибо сей праведник, живя между ними, ежедневно мучился в праведной душе, видя и слыша дела беззаконные) – 2 Пет. 2, 7–8), потому что знает Господь, как избавлять благочестивых от искушения. Какое неожиданное и хорошее слово – «утомленный»!* Не возмущенным, не озлобленным, даже не взволнованным был Лот в Содоме, а утомленным, – конечно, от постоянного напряжения, вызванного необходимостью именно не возмущаться, не озлобляться, не волноваться, короче – не ввергаться в пучину страстей.

А ведь если подумать, Богу с нами тоже непросто...

Опубликовано: Журнал «Фома». – № 9 (77), сентябрь 2009 г.;
Православие и мир [Электронный ресурс]. – <http://www.pravmir.ru/kak-zhit-v-sodome/>. 22 сентября 2009 г.

Мы – заложники

...«Отмашка» на слова святого князя Владимира «веселие Руси есть пити» уже не работает. Равноапостольный князь говорит о веселии. А какое уж тут веселие... Наверное, все слышали под окнами дикие пьяные вопли, к которым в последнее время все чаще присоединяются нежные девичьи голоса. Децибелов много, сквернословия даже с избытком, а вот веселия что-то не слышно. А раньше за праздничным столом пели прекрасные песни... По данным Минздрава на 2004 г. (более поздней статистики, кажется, нет), в стране около двух миллионов больных алкогольными психозами. И это только те, кто зафиксирован, то есть в реальности их значительно больше. И это не привычное пьянство, а зеленые чертики, «шмыгающие собаки» и прочие несимпатичные явления, это голоса, повелевающие творить ужасное, так что попадется под руку что-нибудь тяжелое – и готово, а нет – так и в окно можно сигануть или дом поджечь. Не радует и статистика бытовых убийств; их много, и число их увеличивается, – а ведь они почти исключительно совершаются по пьяному делу. Когда в одной деревне местный алкоголик на Троицын день возжелал убить двоих людей на церковном дворе (не удалось по милости Божией: один из них нечувственно ощутил приближение опасности и уклонился от занесенного сзади топора), прибежавшая сожительница преступника стала его активно защищать: «Он когда не пьяный, добрый». Существует в разговорном языке множество синонимов пьянства и состояния опьянения. Перечислять их нет нужды. Но, кажется, выпало из обихода степенное и укоризненное «глаза-то залил». Интересно, почему? Неужели состояние помрачения считается уже чем-то нормальным? Давайте посмотрим правде в глаза: среди людей, просто пьющих или пьющих с экстраординарными последствиями, очень много потомственных, наследственных алкоголиков. А им много не нужно: один глоток – и человек над собой не властен. Только кто у нас одним-то глотком обходится? Случаи наследственного алкоголизма умножаются от поколения к поколению, и лавинообразно умножаются, когда пьют женщины. А они пьют.

Нелишне будет вспомнить и о том, что в районах контактного проживания православных и мусульман православные девушки все чаще выходят замуж за мусульман, принимая при этом ислам: мусульмане не пьют, а на пьяниц-мужей эти девушки нагляделись. Легче всего их осудить, да и повод серьезный: как-никак отступничество от Православия. Но может быть, уместно вспомнить слова Христа про ответственность, падающую на тех, кто способствует соблазнению малых сих (см. Мф. 18, 6; Мк. 9, 42)? И спрашивается, кто должен стать объектом миссии: эти отступники или окружающие их отцы, братья, ровесники и друзья, сумевшие внушить им непреодолимый ужас?

Поздно нам говорить о культуре винопития; потомственного алкоголика никакая культура не спасет. Нечего кивать на пример других народов: на то они и другие. Чем воспевать красоту грузинского застолья (действительно вещь великолепная, с чередой тостов, в которых явственно проглядывают древние молитвы), давайте уж лучше вспомним о наших северных народах, которых водка буквально выкосила. В свое время советская печать гневно обличала угнетателей-капиталистов, запрещавших продажу алкоголя, например, кафрам в Южной Африке, но именно благодаря этому угнетению кафры и выжили. Обидно, конечно. Но уж коль скоро мы говорим о народном здоровье, о проблемах демографии, то давайте говорить серьезно. И давайте вспомним, что многие из новомучеников до революции основывали общества трезвости, считая это делом Церкви, и причем делом первостепенной важности. А сейчас проповедь о вреде пьянства стала редкой гостьей на наших амвонах. Получается, что гораздо сподручнее обличать дамские брюки, так как они к собственному батюшкиному житию-бытию никакого отношения не имеют...

«Так что же получается? – слышатся голоса. – Мы что, протестанты какие, чтоб не пить?» Да нет, не протестанты. И нет в Православии запрета на вино, но только тогда, когда *оно веселит сердце человека* (Пс. 103, 15) или в малом количестве укрепляет здоровье (см. 1 Тим. 5, 23). Однако же Писание предостерегает: *вино – глумливо* (Притч. 20, 1); *не будь между упивающимися вином* (Притч. 23, 20), не следует засиживаться за вином (см. Притч. 23, 30) и даже *не смотри на вино* (Притч. 23, 31), хотя в Притч. 31, 6 говорится: *дайте вина огорченному душой* – это, наверное, кому как полезно. Пророк Исаия уподобляет вино сильному и коварному врагу, побеждающему людей. В книге пророка Даниила вино – главный атрибут нечестивых языческих пиршеств. Итог этой теме подводит апостол Павел: *не упивайтесь вином, от которого бывает распутство, но исполняйтесь Духом* (Еф. 5, 18). В церковнославянском тексте здесь стоит слово «блуд», а это в языке Писания – символ богоотступничества.

И прошу отметить – это все говорится о вине; никакие более крепкие напитки в Писании просто не упоминаются. Этот далеко не полный обзор позволяет увидеть, что Священное Писание вызывает к нашей рассудительности, которую православные и должны проявить. Однако пресловутое «нужно знать свою меру» здесь ни при чем; знала я среди погибших от пьянства (у каждого из нас, увы, есть список таких погибших, и если не на бумаге, то в душе) и тех, кто сверзался в могилу, неукоснительно эту меру соблюдая, и «теоретиков», рассуждавших о разных сортах зелья, о разных закусках и т. д. (очень похоже на изобретателей систем выигрыша в рулетку).

О причинах пьянства говорилось много, подробно и убедительно. Не повторяя множество умных построений, хочу привести один-единственный текст: молитву о пьянице святого праведного Иоанна Кронштадтского: «Господи, призри милостивно на раба Твоего, прельщенного лестию чрева и плотскаго веселия, даруй ему познать сладость воздержания и поста и приистекающих от него плодов Духа».

Нелишне вспомнить, что церковнославянская «лесть» означает «ложь», и тем самым кронштадтский пастырь очень точно указывает механизм пьянства: ложное животное стремление к утешению, к «поднятию настроения». А ложь – она известно от кого. А Утешитель наш – Дух Святой. Поэтому, в самом общем виде, можно сказать, что пьют те, кто не может или не умеет искать духовного утешения. Совсем уж стирать их в порошок презрением не годится: «ты меня уважаешь?» – это вопль истерзанной, заблудившейся, замученной души, которая плачет о своем утраченном христианском достоинстве. Тем не менее врачуются пагубная страсть именно Духом Святым.

Но для поддавшихся пороку пьянства выбраться на путь духовного исправления чрезвычайно непросто; недаром народная мудрость гласит: пьяного молитва до Бога не доходит. И недаром Церковь предлагает нам не столько молитвы пьющих, сколько молитвы за пьющих. Так, может быть, будем молиться о них (очень удобно также возлагать этот нелегкий труд на священников), о тех, которые совсем уж пропащие, и жить себе потихоньку, поскольку мы-то в порядке? По-моему, сейчас человек, потребляющий алкоголь только по праздникам, уже твердо считается непьющим. Правда, праздников у нас сильно много; известный журналист подсчитал, что средний россиянин работает 100 дней в году. Но в любом случае давайте подумаем: такой ли уж непроницаемой стеной отделены мы, хорошие, порядочные и «даже» верующие, от тех, кто стоит на пути гибели? В том-то все и дело, что совсем даже не отделены, так что впору вводить термин «пассивный алкоголизм», как существует понятие пассивного курения. Но здесь дело не в том, что мы дышим перегаром, а в том, что мы живем по бытовым правилам, определяемым алкоголиками. Мысль о том, что отдыхать можно без пьянства, уже мало кому приходит в голову. Выпивкой сопровождаются деловые встречи, командировки, отдых на природе, свидания влюбленных и спортивные занятия – а все это, казалось бы, вещи, просто несовместимые с алкогольной стимуляцией. А

«модное» купание в проруби на Крещение сопровождается таким массовым потреблением крепких спиртных напитков, что страшно становится. Наверное, пора сказать, что это увлечение с Православием мало связано (конечно, повод – христианский праздник, а как Церковь боролась с разгулом языческих оргий на Ивана Купалу – забыто?). Нынешнее бытование человечества бок о бок с террористами выявило одну слабость, расцветающую в падшем мире, когда он становится толерантным. Речь идет о пресловутом синдроме заложника, когда захваченные начинают вживаться в ход мысли тех, кто их захватил, понимать, восхвалять, и даже вполне искренне любить и сугубо искренне требовать от мировой общественности, чтобы требования злодеев были удовлетворены. В этом смысле мы практически все – заложники алкоголизма; мы готовы осуждать всех и все, но только не пьяниц, потому что это страшно, ибо мировая закулиса до нас не доберется, а безумец с топором – в любую минуту. И дело ведь не в том, чтобы обличать в лицо невменяемого человека, ибо это бессмысленно и действительно опасно, тем более что своего рода чуткость у пьяных обострена, неприязнь они ощущают – и реагируют на нее сугубо агрессивно, а в том, чтобы запретить себе оправдание пьянства, заместив его молитвенным состраданием к жертвам зеленого змия. Давно пора, потому что непьющим стало жить затруднительно. Пойти в гости и не пить – мука мученическая: застыдят, засмеют, обвинят в том, что праздник-де испортил, а в обществе менее культурном могут и побить. Вот и получается, что мы вынуждены либо отказаться от общения (что, в конце концов, обидно), либо «отдыхать» по правилам, навязанным нам пьяницами. Посещение мест мирного отдыха (парков и т. д.) также чревато тем, что можно на уединенной аллее нарваться на такую компанию, что и не уцелеешь; это не говоря о том, что вопящие, шатающиеся, ко всем пристающие или уже лежащие фигуры обильно декорируют садовую перспективу, архитектура которой такого украшения отнюдь не предусматривает. А как с работой? Уже понятно, что из интенсивной рабочей жизни выпадают дни перед праздниками и дни после праздников. Понятно также, что «деловые переговоры», проводимые за бутылкой, сильно проигрывают именно в своем деловом компоненте. Но пагубнее всего, наверное, то, что у алкоголиков своя иерархия ценностей и стратегий поведения (если я чего решил – выпью обязательно, по Высоцкому), и мы бьемся в сетях этой стратегии. Для пьющего человека деловая договоренность – ничто, если она препятствует выпивке. Обещания, даваемые коллегам и семье, – звук пустой, если на жизненном горизонте маячит бутылка. Вот и получается, что всех нас втягивают в эту липкую паутину необязательности, неопределенности сроков сдачи работы и нарушений тех сроков, которые вроде бы даже определены. О качестве работы можно умолчать вопреки абсолютно лживой – и отцом лжи внушенной – поговорке «мастерство не пропьешь»: именно мастерство пропивается совершенно нечувствительным для бывшего мастера образом, так что он искренне обижается на то, что результаты его трудов встречаются непониманием – и ищет утешения в бутылке.

И тут вновь проявляется синдром заложника: мы не только невольно втягиваемся в систему нарушений обязательств, но и сами по себе потихоньку привыкаем пренебрегать обязанностями, уговаривая себя, что-де на общем фоне этого все равно никто не заметит. Еще как заметят – и наша повреждаемая душа, и сотворивший нас Господь. Да и люди кругом не такие уж глупые. И вот идет молва: а че православные? такие же, как и все мы прочие, ничуть не более обязательные и так же плюют на свои обещания. Такой вот апостолат мирян. Только не надо принимать резолюции, публиковать обращения и устраивать собрания. Молитва – дело тихое. И покаяние тоже. К сожалению, не могу промолчать о том, что необходимо несчастным алкоголикам, кроме нашего понимания (понимания не стремлений опохмелиться, а пагубности ситуации), кроме наших молитв. Все методы лечения алкоголизма (в особенности женского) оказываются недейственными, если не соблюдается одно жесткое условие: полная пожизненная абстиненция не только для больного, но и для окружающих. Вот оно, место для христианского подвига! В доме, где живет алкоголик, пусть

даже отрекшийся от этой пагубы и прошедший курс лечения, просто не должно быть винной посуды. Так что лучше давайте расстанемся с распрекрасными фужерами. Пить при «завязавшем» – хоть дома, хоть в гостях – это просто садизм. Все разговоры о «постепенном» и «частичном» бросании пить – такой же абсурд, как, скажем, идея, что искренне покаявшаяся блудница, укрывшаяся в монастыре, может время от времени посещать злачные места. Такая позиция требует не только выдержки и воли, но и совершенно творческого подхода к бытовым вещам: как принимать гостей, чтобы все не завяли от тоски, коль скоро нам для хорошего настроения обязательно нужна алкогольная стимуляция? А вот так: придумать и воплотить в жизнь иные формы досуга, нежели пьяное застолье. А для этого нужно и мозгами пошевелить, и как-то расширить мир своих знаний и представлений. Я вот думаю: в состоянии ли мы играть в «салонные игры», которыми развлекались и образованные люди, и даже предмет общей насмешки – провинциальные барышни и мелкие чиновники? Просто так – вряд ли; значит, хорошо бы подучиться. И елку для детей когда-то устраивали родители и их друзья (принято было собирать на нее детей всех родных и близких), и в голову никому не могло прийти, что просвещенные потомки будут нанимать пьяного актера в гриме Деда Мороза, ожидать его опять-таки за бутылкой, выпивать с ним и ограничивать праздник для томящегося ребенка нелепым экзаменом, который устраивает ему этот сомнительный персонаж, и вручением предметов, праздничность которых определяется их стоимостью. Так что при достаточном – и трезвом – понимании ситуации скучать не приходится. А если подумать, что цена такой «аскезы» – нормальная жизнь семьи и спасение души, то цена эта представляется не слишком высокой. Во всяком случае, посильной. Бог не дает крест не по силам.

Опубликовано: Журнал «Фома». – № 3 (59), март 2008 г.

Голос Божий и общественный транспорт

Можно ли расслышать голос Божий в переполненном автобусе? Размышляют Марина Журинская и профессор Московского архитектурного института Александр Коротич.

Александр Коротич: Место действия – Свердловск, мучительно становящийся Екатеринбургом. Синий зимний вечер, подкрашивающий наст золотом из окон проходящих трамваев. Трамвай № 13 открыл двери, но вопреки призывам водителя быстрой высадки-посадки не произошло. А все из-за того, что в дверях застрял подвыпивший человек в очках с портфелем под мышкой. Он вовсе не был похож на заправского алкаша, напротив – вероятнее всего, это был непьющий «ботаник», нечаянно перебравший на служебной вечеринке.

Ситуация намечалась скорее комичная, чем драматическая. Но в этот момент от толпы ожидающих трамвая отделился невысокий человек с решительным лицом. Он схватил подвыпившего за пригальстучную область и резким движением выдернул его из дверей, открывая путь пассажирообмену. Совершив запланированную высадку-посадку, трамвай № 13 ушел, оставляя на остановке сцену, достойную МХАТа. В середине ее стоял герой-освободитель, а у его ног поверженный «ботаник» пытался собрать очки и портфель, утраченные во время падения.

Вокруг них словно по волшебству возникло пять метров пустоты, а дальше плотно сбившиеся горожане отвернулись в ожидании трамвая. Самым показательным в этой сцене было недоуменное и разочарованное лицо героя, который взял на себя ответственность за благо людей, устранив помеху в виде нежелательного человека, а они, люди, в ответ предали его. Наверное, он в тот момент ощущал себя как Данко, сердце которого было бездумно растоптано неблагодарной толпой, и не в силах был осознать, что не бывает добра, совершенного при помощи зла.

Марина Журинская: Вторая часть произошла в Москве в те времена, когда Чертаново потихоньку уже застраивалось, но метро заканчивалось «Варшавской». Далее – автобусы. А мне нужно было на улицу Красного Маяка, которая в той вроде-бы-пока-еще-уютной Москве воспринималась как конец света. Там жила старушка, принявшая в годы гонений тайный постриг, и мы с ней раз в неделю вместе молились.

И вот как-то так в этот раз случилось, что на «Варшавской» было ужас что. Автобусы подходили довольно шустро, но ревущая толпа штурмовала их так ревностно, что я просто подойти боялась. Вот и стою. О такси можно забыть. Телефон-автомат тоже богато декорирован очередью. Матушка ждет и вот-вот начнет недоумевать. И тут я про себя пискнула: что же это такое, и вообще, мне же серьезно нужно туда попасть.

Вряд ли этот писк тянул на молитву, но результат не замедлил сказаться. При подходе следующего автобуса к дверям подошел очень высокий человек и внушительно сказал: «Так нельзя. Давайте пропустим женщин». Он вскочил на ступеньку и уперся руками в створки дверей, и под его руками, как под арками, счастливые женщины – и я в том числе – прошмыгнули в автобус. Потом поднялся по ступенькам и он. А потом оставшийся сильный пол, здорово оробев, тоже стал заходить тихо-мирно.

Такая вот хрустальная идиллия. Не правда ли, она прекрасно оттеняет тяжелый случай в Свердловске? И не просто оттеняет, а ликвидирует саму возможность оправдания жестокости расхожими доводами, что-де, мол, а как же иначе, а с ними по-другому нельзя, а что же вы хотите, а он сам виноват...

Можно по-другому. Называется по-Божески.

Опубликовано: Православие и мир [Электронный ресурс]. – <http://www.pravmir.ru/golos-bozhij-i-obshhestvennyj-transport-1/>. 1 апреля 2013 г.

О хамско-холуйском синдроме

Вместо эпиграфа

Когда я сказала одному другу, что, посидев и подумав, буду об этом писать, он спросил:

– А разве Вы об этом не писали?

И я ответила:

– А разве что-нибудь изменилось?

И он сказал:

– А Вы думаете, что на этот раз что-то изменится?

И я ответила:

– Нет, не думаю. Но пока оно не изменится, я буду об этом писать.

И что интересно: не я одна об этом думаю, и не только сейчас. Уж больше 20 лет назад мы печально обсуждали эту тему с С.С. Аверинцевым.

О непаритетности, мягко говоря, отношений между социальными стратами. И пришли к выводу, что при этом работает явление, которое мягче чем хамско-холуйским синдромом назвать затруднительно.

На практике этот синдром проявляется в том, что всякий человек, строя карьеру (идя к успеху, как это называется), считает необходимой самую подлую лесть по отношению к вышестоящим и отводит душу в неприкрытом хамстве по отношению к нижестоящим. Такое ощущение, что, поднимаясь в пресловутом социальном лифте, он черпает инерцию движения, отпихивая ногами всех, кто хочет войти. И уже из чистого удовольствия грязной души оскорбляет тех, кто, по его мнению, ниже.

Казалось бы, простая осторожность должна бы заставлять сначала выяснять, кто перед тобой, а потом уже хамить. Но нет; не такова бесовщина, чтобы допускать хоть какие-то проявления разума. И тут еще такая вещь. Хамят люди ограниченные, но с большим само-мнением, уверенные в том, что все, что нужно знать, они знают, а больше ничего и не надо. В частности, они знают, как должен выглядеть успешный человек и его «баба». Вот и делают свои ложные умозаключения. Кстати, провал не помогает им одуматься.

В студенческие годы большая компания моих друзей съезжалась на каникулы в Палангу. Жили кто где устроился, ели кто где хотел, на море ходили более-менее дружно. И еще общим делом было кино. На вечерние сеансы билеты продавались днем и с очередью, поэтому на это пропащее занятие выделялся один дежурный. Однажды это удовольствие выпало мне.

Чтоб не терять времени, я в очереди вязала (о, эта литовская деревенская шерсть!). И вот подкатывается ко мне тетка и говорит: «Уж эти мне литовки, такие прилежные! А ну-ка, ну-ка, что это ты вяжешь?» Я вежливо спрашиваю: «А почему это вы говорите мне «ты»? А она просто не слышит и тем более не понимает, и уже начинает потихонечку тянуть вязание у меня из рук, приговаривая: «Ну, что ты так смотришь, я же тебя не укушу!»

Я еще пару раз повторила свою волшебную фразу, отстояла свое имущество, купила билеты и ушла себе с миром. Видимо, до тетки что-то дошло, потому что она довольно долго семенила за мной по улице, приговаривая: «Ой, простите, я думала, что вы литовка!» Это, кстати, и к вопросу о неблагодарной за все наши благодеяния Прибалтике.

А дальше замечательно: хам – он хам и есть, чего с него взять. Не давать ему ходу – и все дела. Но он еще и холуй, и в этом качестве вполне себе успешно продвигается вверх. И чем выше продвигается, тем больше людей становятся жертвами его хамства. И тем горше

им жить. И тем чаще в них растет и крепнет желание подольститься к вышестоящему хаму, чтобы приподняться и в свою очередь получить возможность хамить тем, кто остался внизу.

Классический пример – дедовщина: из первогодков всеми силами делают холуев, чтобы затем они отыгрались уже в роли вышестоящих хамов.

Не так фатально, но тревожно всеобщее тыканье. В моей же школе было правило: с седьмого класса всем ученикам говорили «вы», даже совершеннейшей шпане. Нельзя сказать, что шпана просветлялась и осознавала, но какие-то рамки это создавало.

Затем началось: уже после моего выпуска школьное тыканье распространилось, как эпидемия. Затем стали тыкать студентам. Потом – аспирантам. Потом – докторантам, хотя и не во всех областях науки. Вроде бы пока Президиум РАН воздерживается от тыканья простым академиком, но лиха беда начало.

Это в науке. Что тогда говорить о министерствах и ведомствах...

А в церкви... Я как-то посетовала одному замечательному епископу на тыканье священников. Он разумно ответил, что есть люди, которые на «вы» не понимают. Так-то оно так, но приучить можно. А вот меня на «ты» переучить трудно, этого уже я не понимаю.

И к вопросу о паритетности: ежели я какому иерею, пусть в три раза моложе меня, «ты» скажу – что будет? А ничего хорошего – для меня. То-то и оно-то. А в таком случае это уже не братская сердечность, а нечто иное.

Так все и идет: батюшки тыкают, активистки руки распускают. И не надо мне говорить о белых платочках, спасших Церковь, потому что наряду с платочками ее спасали и береттики, и шапочки... и даже шляпки!

А нынешние платочки – это комсомолки и чиновницы эпохи застоя, которым объяснили, что в церкви нужны сотрудники, но не объяснили, чем именно люди Церкви должны отличаться от других. Они никогда не слышали и не читали: *По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35). А их мы узнаем по сатиновым халатам, неприветливым лицам и ворчанию...

И вот, право же, очень хочется воззвать на тему: Церковь призвана целить благодатным воздействием язвы общества. А вот как-то не взывается...

И кто там может сказать, чего это наследие? Советской власти? Крепостного права? Все может быть, но, наверное, все-таки первородного греха.

Обидно только, что общество, позиционируемое православным, живет по убогим языческим принципам: «падающего толкни», «горе побежденному», выливающимся в совсем уж криминальное «умри ты сегодня, а я завтра», и нет такой мерзости, на которую бы не пошли холуйствующие ради своего продвижения, и такой унижающей грубости, на которую не были бы способны хамствующие.

Опубликовано: Православие и мир [Электронный ресурс]. – <http://www.pravmir.ru/vot-sizhu-ya-i-dumayu-ob-otnosheniyax/>. 1 октября 2012 г.

Как же нам нужны бабушки!

Все началось, как это в жизни и бывает, с того, что Зощенко называл «мелкий случай из личной жизни». Ко мне в гости пришла очень приятная молодая женщина с восьмилетним сыном, тоже очаровательным. Посидели, поговорили, чаю попили (выяснилось, что молодой гость является пламенным патриотом пирожных с творогом, которые у меня как раз были), и мама с сыном отбыли.

А потом она позвонила и сказала, что он сразу же спросил: «Мама, а можно М. А. тоже будет моей бабушкой?» Обе бабушки в других городах. Я согласилась, и с тех пор так и живем: ходит в гости и ест пирожные. Хочет – сидит с нами, хочет – бродит по квартире и играет. Между прочим, мама много и напряженно работает, но есть хорошая, добрая няня – и тем не менее: требуется бабушка.

Эту ситуацию я обсудила с матерью довольно большого семейства: любящий муж, он же – внимательный и заботливый отец, добрая самоотверженная мама, две сестры и младший братик. Так у этого младшего тоже бабушка в отдалении (а другая рано скончалась), так что он избрал в бабушки соседку, ходит в гости, пьет чай и с интересом беседует.

А когда я рассказала про это одной знакомой, которой за 50, то она в ответ сказала о том, что муж ее недавно со вздохом признался, что не прочь бы иметь бабушку. И тогда я вспомнила, что как-то уже довольно давно выступала по телевизору в белом кружевном воротничке и в камее, и позвонило мне одно весьма известное духовное лицо с криком: «Всегда мечтал иметь такую бабушку!»

Так что выходит, что бабушки нужны и даже востребованы. Так за чем же дело стало?

А за многим. И если это многое проанализировать, то оно более-менее сводится к отвратительному советскому воспитанию бабушек, отягощенному их дальнейшим опытом, и к еще более отвратительному постсоветскому воспитанию мам, отягощенному отсутствием нормального образования, которое худо-бедно дает представление о традициях человечества и о начатках морали, – о том, что Флобер называл «воспитанием чувств».

Существует тому масса печальных примеров, но приведу лишь несколько, чтобы не омрачать читателя, а только дать понять, о чем это я.

В одном уличном опросе (мода начала перестройки) задавался пожилым женщинам вопрос: «Вы хотите, чтобы ваши дети были счастливей вас?» В основном те как-то очень ожесточенно отвечали: «Нет! мы мучились, а они чем лучше?!» И звучит донныне агрессивный напев: «Мне никто не помогал – и я не буду!»

А одна дама выгнала из дома сына с невесткой и с младенцем, сказав при этом: «Не понимаю, почему я тебя-то в свое время из окна не выбросила, так зачем мне еще и ЭТО!»

Квартирный вопрос, который, по меткому замечанию Воланда, испортил советских людей, препятствуя чувству милосердия, продолжает «рулить», и необходимость прописать зятя/невестку вызывает реакцию, скорее, паранойяльную. И не надо мне говорить, что прописку отменили. Может быть, это и так, но работникам социальной сферы об этом как-то позабыли сообщить... А уж владелицы жилья никаких препятствий своему ндраву иметь не желают.

Помню одну замечательную, честную, порядочную женщину. Сын ее, капитан первого ранга, служил, естественно, в Калининграде, но маме с папой помогал деньгами, прилежно переписывался и обязательно приезжал в отпуск хоть на неделю. Короче, прекрасно воспитанный идеальный сын. И вдруг я слышу от его милой мамы таковы слова: «Когда я уже не смогу себя обслуживать, я уйду в дом престарелых. Я никому не хочу быть обязанной».

Я спросила, не считает ли она это оскорбительным для сына. Она очень удивилась, потому что никогда об этом не думала. Оказывается, отношение ее было не человеческим, а функциональным.

Приходит на ум рассуждение Честертона, которое мне очень нравится, несмотря на то что он считал винопитие прекрасным древним обычаем, а я полагаю, что здесь и сейчас оно ничего, кроме вреда, принести не может.

Так вот, рассуждал он об упадке нравов довольно неожиданным для нас образом, говоря, что насколько же застолье старых времен, когда люди, обнявшись, сидели на лавках вокруг стола и пели: «Пей же, пей, мой друг, пей же, пей, мой брат», приятней, теплей и человечней баров, где субъект, подойдя к стойке, противным голосом изъясняет, что он пьет на свои и никого угощать не намерен.

И как же прав наш замечательный Гилберт Кийт! Не в питье счастье, а в том, что вместо сердечных чувств воцаряется оголтелый страх перед тем, что если ты кого-то о чем-то попросишь, то ведь и тебя могут попросить! Поэтому у людей язык не поворачивается просто и радостно поблагодарить за подарок, за услугу...

Реакция зачастую бывает, откровенно говоря, волчья – взгляд исподлобья, поджатые губы и: «Ой, ну зачем! Нет, не надо, вот еще! Я и сама... я обойдусь... да мне и не нужно вовсе...» Стыдобушка.

И такое вот безобразие утвердилось и в семьях, вот в чем беда. Есть такое сообщество в ЖЖ, «свекруха. ру», где молодые женщины изливают свои неурядицы со свекровями. Казалось бы, поплачься (хотя мне не очень понятен принцип всенародного обсуждения семейных дел) и получи сочувствие и моральную поддержку, а то и добрый совет. Какое там!

Да, не очень симпатичны жалующиеся, хотя им трудно и их можно понять. Но на них же выливаются ушаты злобы: «а ты что думала?», «а ты чего хотела?», «а она тебе ничем не обязана». Дамы, дамы, вы же матери! Чему детей учить будете? Вас самих в свою очередь из дома и из сердца вышвыривать?

А еще принято жаловаться на то, что дети какие-то не такие. Скрытничают, безобразничают и вот еще взяли моду с собой кончать. В то время как такие у них добрые мамы и бабушки. Не говоря уже о папах.

И вот здесь видится сфера народной жизни, в которой могла бы приносить благодатную помощь Церковь. Вроде бы само собой разумеется, а на практике – поди попробуй.

Казалось бы – за чем дело стало? Церкви полны бабушек, благочестивых таких. Вот сейчас скажет батюшка: «А давай-ка ты, раба Божия, невестке помогай, чем сына на нее натравливать», – и скорее всего, он эту благочестивицу больше не увидит. Да и не всякий батюшка готов вместо привычного «постись, молись, смирайся, слушай радио Радонеж» такое сказать: еще чего доброго бабуля дискутировать начнет, а ему время дорого.

Вообще-то, говорят, капля камень точит. И я думаю, что если бы батюшки постепенно прониклись важностью этого дела для сохранения ни больше, ни меньше, чем благополучия нации, дело бы сдвинулось...

Есть обширные списки грехов, подчас довольно абсурдные. Но вот чего нет, так это списка добродетелей. Между тем людям сначала были даны заповеди от Бога, а потом уже они стали рассуждать, как эти заповеди нарушаются и что за это нужно с нарушителями делать. А представляете, как было бы здорово, если бы вместо «мероприятий» народ оповещался о том, что хорошо бы:

- любить своих молодых и совсем мелких родных любовью во Христе;
- желать им добра не по своему разумению, а думать, чего бы им было приятно, полезно и душеспасительно. (Например, пойдет ли им на пользу постоянное выпячивание вашей «праведности» наряду с вашей же черствостью и неуступчивостью?);
- больше заботиться о них, чем о своих привычках, потому что им жить.

Страшная постановка вопроса: может быть, раз в месяц пойти в церковь не в воскресенье, а в будни и дать выспаться работающей невестке?

Подумать: не съехаться ли ради того, чтобы внуки были поближе, чтобы им было теплее жить?

А молодым мамашам, которые день и ночь устно и мысленно обличают свекровей, может быть, полезно было бы услышать, что и свою жизнь они этим не украшают, и детей портят, и, в конце концов, сами свекрухами будут, и тут-то им воздастся. Потому что кто не желает жить по Новому Завету в любви и согласии, тот подпадает под нехитрое правило «око за око, зуб за зуб».

Напоследок: отступление в тему. Когда-то в нашем институте была в аспирантуре прекрасная женщина-мулатка из Анголы (до этого она, между прочим, в Сорбонне училась). Пришла пора защищать диссертацию, а для этого нужен «внешний отзыв», то есть из другого научного учреждения. Вот она там и побывала. А потом спросила: «А почему у вас старики такие злые? У нас старики мудрые, они понимают, что для того, чтобы их уважали, они должны быть полезными».

По-моему, умная дама все сказала. Потом она была в Анголе министром образования.

Опубликовано: Православие и мир [Электронный ресурс]. – <http://www.pravmir.ru/kak-nam-nuzhny-babushki/>. 31 мая 2012 г.

Я не терплю...

Да, это Высоцкий. И не нужно говорить, что православные должны терпеть все. Именно православные-то не имеют права терпеть глумления над образом и подобием Божиим, поругания его – в себе и в других. А также обязаны постоянно помнить, что не прощается хула на Духа. И что нехорошо, чтобы из-за кого-то имя Божие хулилось у язычников. И что тому, из-за кого приходит в мир соблазн, лучше бы вовсе не родиться.

Так что идея тотального претерпевания не выдерживает света Евангельской истины и к тому же вступает в противоречие с Декалогом. Это требует специального рассмотрения, для которого здесь просто нет места, но можно ведь и в свободную минуту посмотреть-подумать, а также припомнить, что христианство несводимо ни к буддизму, ни к толстовству, ни к идеологии политкорректности.

Так вот, я не терплю сквернословия. И не нужно мне рассказывать сказки о его художественности, исконности-посконности и просто культурной необходимости, потому что это все далеко от истины.

Вот как-то в 70-х годах я отправилась в Святые горы (тогда Пушкинские) и в гостинице при монастыре (он не действовал) встретила женщину, которая статью, говором, светловолосостью и синеглазостью сильно отличалась от окружающих. Так и есть: из Вологды, откуда и няня моя была. Нужно ли доказывать, что северная Россия была меньше затронута миграциями и прочими пертурбациями, нежели средняя и т. д. (кстати, няня, заработав себе на приданое, вернулась на родину)? Думаю, это излишне. Эта северянка оказалась на Псковщине, выйдя замуж, а овдовев, там и осталась. Но сказала, что не очень-то ей здесь нравится: народ плохой. На вопрос, чем же это ей местный народ не приглянулся, шепотом ответила: «Женщины черным словом ругаются».

К сведению: «черное слово» – это то, которое начинается с буквы «ч». Вот таков исконный уровень чистоты языка.

На уровне же, довольно далеко отстоящем от изначального, тем не менее тоже какие-то нормы соблюдаются. Так, для пережившего гражданскую войну М.А. Булгакова признак конца света – это матерная ругань в темноте женскими голосами. Оказывается, конец света – процедура достаточно длительная.

Когда-то в Институте языкознания, устроив маленький перерыв в трудах, мы поставили вопрос о функциях скверных слов. Обсуждение заняло немного времени (да, я знаю, что нынче об этом книги пишут, но что же делать, кормиться надо...). Установлены были три функции скверно-матерной лексики:

1. Функция прямого, непосредственного называния, – вполне можно обойтись анатомическими терминами, если уж пришла охота поговорить;
2. Синтаксическая функция устной речи; некоторые индивиды с неразвитой речью вставляют в нее слова-паразиты «вот», «значит» и подобные, а другие, для той же иллюзорной гладкости и связности, – бранные слова;
3. Экспрессивная функция, когда от бедности словарного запаса и скудости представления о выразительности бранные слова используются как украшение.

И это все. Можно добавить, что в процессе обсуждения ни одного из данных слов произнесено не было – просто по причине владения речью, а если проще – умения говорить.

Правда, бывает такая нервная болезнь, вроде заикания, когда из человека бранные слова выскакивают практически помимо воли. Такая словесная рвота. Но это нужно лечить, а не оправдывать и тем более уж не воспевать.

Так что никаких резонов для употребления бранных слов я усмотреть не могу.

Есть еще такое воззрение (именовать его теорией что-то не хочется), что сквернословие снижает уровень агрессии. Воззрение это хочется определить как чистый марксизм, потому что с виду все сходится, а на практике не действует.

Если обратиться к достаточно древней литературе вроде былин и других разновидностей рыцарского эпоса, то налицо именно что перебранка перед поединком, включающая угрозы, возвеличивание себя и унижение противника, что и является по сути основным содержанием сквернословия. Но что-то после этого витязи отнюдь не расходятся мирно, а начинают бой. А если кто из современников никогда не видел, как ругань переходит в драку, то ему сильно повезло.

Да, и совершенно прекрасно выглядят те мастера слова, которые утверждают, что без скверноматерной ругани они вроде как бессильны, связаны по рукам и ногам. То есть расписываются в собственном неумении и даже вроде бы об этом не подозревают. Или это борьба за расширение читательской аудитории? Ну-ну, боритесь, но отдавайте себе отчет в том, что работаете по многократно осмеянному (вами же, вами!) принципу «пипл хавет». Думаете, он вам благодарен будет? Так вот нетушки, благодарность как-никак относится к числу добродетелей, а здесь ими и не пахнет...

Грязные слова – грязные мысли – неспособность к благородству мыслей и чувств, – вот результат разгула сквернословия.

Что мы, собственно говоря, и имеем. И оттого, что эта гнусность не всегда пишется и говорится, а может быть заменена довольно прозрачными заменителями, легче не становится: все тот же разгул скверны в мыслях. При этом если человек в публичном споре говорит оппоненту: «А пошел ты...», то он уже считается оратором, воздержанным на язык, а если оппонент обиделся, то это факт его буйства и несдержанности.

Вот у нас сейчас очень оживилась общественная жизнь (политической я ее назвать не в состоянии, потому что не похоже). Скажем так, в этой жизни проявляются охранители и жаждущие перемен. Так вот, охранители, как правило (в Интернете, а где ж еще?), выражаются настолько грязно, что и читать их невозможно, благо и аргументации нет, а сквернословие одно, и задумаешься: а интересно, какие такие основы общества они столь элегантно и трепетно охраняют? Все бы ничего, но и жаждущие перемен от них в этом плане не отстают. В том числе и очень гламурные дамы. Так что у нас в очередной раз формируется молчаливое, хотелось бы думать, что большинство, но уже с трудом верится: это те, кто не в состоянии участвовать в общественной жизни по причине отсутствия навыка сквернословия.

И еще – злоба, злоба и злоба. Даже выражаемая в рамках цензурной лексики, она от этого краше не становится; здесь опять-таки завязался такой узел, что не докопаешься, что первично, а что вторично. Наверное, по апостолу и евангелисту Иоанну, это все потому, что во многих охладела любовь.

Ну вот, маленький пример. «Правмир» сообщает трагическую весть: в Сирии убит православный священник, оказывавший помощь раненому. Фотография похорон. Первый комментарий (аватар – портрет в стихаре): «А что же на следующий день хоронят, как мусульмане, что ли?» Это что, единственное, что взволновало? затронуло?

И никакого сострадания убиенному? И вообще ноль эмоций?

Следующий пример меня, если честно, встревожил еще больше: весьма уважаемый мною писатель Акунин помещает в журнале свое сильное послемитинговое впечатление: его юная родственница лет четырех с сияющим личиком звонко кричит «незабудемнепростим!» А по-моему, жуть. Ведь эдак она завтра маме заявит, если ей не дать третью порцию мороженого.

И еще нечто заставило меня вспомнить старое время. В.Н. Ярцева была директором Института языкознания и при этом беспартийной, что было-таки странно. Дама из хорошей семьи, с манерами. Как-то отправилась в элитный санаторий, где с ней познакомился глав-

ный редактор «Правды» и в ходе культурной беседы с интеллигентной женщиной спросил: «А как вам нравится наша газета?» – «А я ее не читаю», – отвечала В. Н., что по тем временам было близко к государственной измене. И объяснила: «Я начинаю читать передовицу и сразу вижу грубую брань. Я этого читать не могу».

И я такое читать не могу.

Неужели действительно ничему нельзя научиться? Даже под угрозой латинского мудрого изречения о немилости богов?

И как бы мне хотелось услышать христианские слова:

– об абсолютной недопустимости сквернословия как оскорбляющего честь и достоинство образа и подобия Божия,

– о необходимости быть медленным на гнев и сдержанным в словах,

– о любви к врагам,

– об умножении любви и искоренении всяческой злобы...

В конце-то концов, если тщетны попытки вразумить невразумляющегося, так что «да будет он тебе как язычник и мытарь», это еще не означает, что его можно поносить и оскорблять.

Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей.

Опубликовано: Православие и мир [Электронный ресурс]. – <http://www.pravmir.ru/ya-ne-terplyu/>. 31 января 2012 г.

Ведение – вежество – вежливость

Беседа протоиерея Алексия Гостева и Марины Журинской в редакции журнала «Альфа и Омега».

Марина Журинская: Иногда мне кажется, что мы зря пренебрегаем тем, что называется **мещанской мудростью**; подчас это называют и здравым смыслом, хотя это разные вещи, но я сейчас говорю именно о мещанской мудрости.

В рамках мещанской мудрости есть такое изречение: «Ничто не обходится нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость». Что вы можете сказать по поводу этого изречения?

О. Алексей: Мне в связи с этим вспоминаются слова валаамского старца схиигумена Иоанна из маленькой книжечки его писем, которая начала ходить среди нас еще в самиздатском виде, а сейчас продается повсеместно. Там старец, размышляя и о современности, и о жизни Валаамского монастыря, замечательно говорит о том, что в наше время люди заменили любовь вежливостью, а в монастыре подчас и вежливости не хватает.

Это наблюдение кажется мне очень интересным и глубоким: с одной стороны, хорошо ли, что вежливостью заменили любовь, а с другой – совсем печально, что иногда и вежливости нет, причем не только на старом Валааме, но и вообще в нашей жизни, и в том числе и в Церкви.

М. Ж.: Скажем, среди церковного народа.

О. А.: Да, именно среди церковного народа, начиная, между прочим, с нас, со священнослужителей, которые очень любят «тыкать» и иногда даже вроде бы как бравируют известной грубостью по отношению и друг к другу, и к прихожанам; многие на исповеди имеют возможность с этим столкнуться. Да и когда мы заходим в храм, обращаемся «за ящик», то тоже можем услышать чрезвычайно грубые слова, а потом, когда пытаемся поставить свечку перед иконой, на нас нападают «бабушки»...

М. Ж.: Однако к вопросу о «тыкании»: однажды мне удалось услышать очень тонкое разъяснение по этому поводу, которое безусловно заслуживает рассмотрения. Многие просто не понимают, если к ним обратиться «на вы», что это к ним обращаются, и это нужно принимать во внимание.

Но с другой стороны, я не понимаю, когда ко мне обращаются «на ты», потому что кроме моих родственников есть один человек, с которым мы «на ты», но знакомы мы больше 30 лет. А вот с другим моим знакомым очень давних лет, можно сказать, студенческих, когда мы все более-менее были «на ты», мы долгие годы почти не общались – и встретились, когда он принял сан. И не сговариваясь оба одновременно перешли «на вы»; при этом определенную роль играл, конечно, возраст, но и сан тоже.

Этим я хочу сказать, что хотя священство – вообще вещь трудная, очень хочется возложить на батюшек еще одно бремя: различать, кто воспримет как родное обращение «на ты», а кто – «на вы».

О. А.: В принципе я с этим согласен, но получается, что мы идем навстречу людям с низким культурным уровнем. А если человек кроме мата ничего не понимает, тогда что?

М. Ж.: Прошу прощения, но это языковая натяжка. Обращение «на ты» и «на вы» в русском языке равно нормативно, а сквернословие так и называется – ненормативная лексика, и поэтому его применимость в церковной среде просто не рассматривается.

В обращении «на ты» в определенных условиях нет ни греха, ни грубости, – в конце концов, мы к Богу обращаемся «на Ты», в отличие от французов, а произнесение скверных слов – это безусловно всегда грех и всегда грубость, и это нужно различать. Но как бы то ни было, речь у нас сейчас об одной маленькой детали, а видите, как интенсивно она нами

переживается – и при этом боюсь, что с недостаточным единомыслием. И еще позвольте заметить, что Церковь – она для людей самого разного культурного уровня, а уж если мы очень культурные, то должны уметь с каждым человеком общаться на доступном ему языке; в конце концов, в этом и состоит культура.

Но давайте пойдем дальше: может ли человек абсолютно не иметь любви, но быть вежливым?

О. А.: *Я думаю, что это возможно, но вряд ли стоит так уж жестко выстраивать эту оппозицию. Давайте все-таки вернемся к «ты» и «вы». Наверное, на самом высоком уровне общения «ты» – это единственно возможная, единственно правильно звучащая форма обращения, и «на ты» мы не только с женой, но и с Богом. Но ведь до этого самого высокого уровня нужно еще дозреть, дойти, а в промежутках вполне уместным будет и обращение «на вы», и какие-то другие проявления нашей чисто земной человеческой этики, то есть вежливости.*

Конечно, любовь – это высоты духа (была замечательная брошюрка Большакова «На высотах духа»), и на эти высоты мы все стараемся восходить.

И собственно говоря, в храме мы пытаемся научить людей подступаться к этим высотам. А на подступах совершенно нормально и совершенно логично и обращаться «на вы», и быть вежливыми друг с другом.

Может быть, сама по себе вежливость – это скорлупа, но плод может и должен вызревать в скорлупе. Сразу из болота нам на эти высоты не вспрыгнуть, и когда мы начинаем мерить нашу немощную духовную жизнь мерилom отцов-пустынников и на этом основании отвергать и душевное, и элементы – может быть, чисто условные – человеческого общения, которые на самом-то деле могут быть питательной средой для взращивания элементов духовной жизни, мы скорее теряем, чем приобретаем.

М. Ж.: Следующий вопрос цепляется за предыдущий. Поскольку действительно можно не иметь любви и быть вежливым, на чем тогда основывается эта вежливость? Очевидно, на каких-то правилах, на знании правил общения, простите за нехорошее слово, на этикете. Вопрос в том, откуда взялся европейский этикет?

О. А.: *Думаю, что у него есть сакральные корни, хотя в традиции переплетаются и придворный этикет, и религиозный; и в том и в другом в свою очередь прослеживаются элементы языческого. В становлении и бытовании этикета наблюдается несколько позиций, и первая – не навредить, как минимум не потревожить. Это еще не любовь.*

Вторая – это какое-то представление о красоте, о соразмерности всего, то есть здесь оказывается привнесенным еще и элемент эстетики. Да, конечно, это очень далеко от всепоглощающей любви и от переживания красоты Царствия Божия, но это можно рассматривать как отблеск того и другого.

М. Ж.: Если я правильно поняла, в этих ваших словах содержатся две важные вещи: во-первых, мы можем с известной степенью достоверности утверждать, что этикет, то есть бытование вежливости в определенных формах, имеет религиозные корни; более того, смею сказать – христианские, поскольку мы говорим о Европе, культура которой вообще коренится в христианстве.

Во-вторых, этикетная вежливость не абсолютно формальна, это не то, что в народе называется «китайскими церемониями» (что не вполне справедливо, потому что китайский этикет тоже не на пустом месте, он имеет под собой и философскую, и религиозную основу).

Вежливость – проявление душевной жизни, потому что именно в ней кроется внимание к ближнему, – еще не любовь, но уже внимание. Человек задумывается о том, что было бы приятно, а что – неприятно тому, с кем он общается, то есть в конечном итоге руководствуется принципом «поступай с другим так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой».

О. А.: *Это ветхозаветное правило Гиллея, которое потом, уже в евангельской письменности, называется золотым правилом.*

М. Ж.: Да, то есть это какой-то путь. Вежливость – в такой же мере путь, в какой душевная жизнь может быть путем к жизни духовной. Путь имеет такое свойство: на нем нельзя останавливаться, нельзя на всю жизнь загнать себя в рамки вежливости, точно так же, как нельзя всю жизнь предаваться эмоциям и только эмоциям. На практике, конечно, так бывает, но ничего хорошего не дает.

О. А.: *Вежливость – это начало пути, самое начало.*

М. Ж.: Но без начала пути просто нет. Очень удручает, когда молодые люди говорят, что нам велено убивать в себе душевное. Во-первых, это просто не так: апостол Павел говорит о том, что в Царствии Божием душевное восстает как духовное (см. 1 Кор. 15, 44). Но допустим, пусть так, пусть убивают; в конце концов, им лучше знать, что у них там такое душевное. Но чтобы убить, нужно это сначала иметь!

О. А.: *Если уж так хотят убить душевное, пусть телесное сначала убивают. Если принять трихотомическую формулу христианской антропологии, согласно которой человек состоит из духа, души и тела, и если мы убиваем душевное, то телесное, я думаю, еще ниже... А ведь христианский, евангельский подход предполагает гармонию этих сфер – духовной, душевной, физической, их постепенное преображение, причем не только тела, но сначала души.*

М. Ж.: Вы, отец Алексей, безусловно и абсолютно правы, но мне тем временем пришла в голову – что, может быть, не очень вежливо по отношению к вам, – отчасти посторонняя мысль. Вы говорите, что таким людям, чтобы быть последовательными, нужно истреблять и телесное. А им не хочется!

Ведь не случайно совершенно светский писатель в совершенно светской газете подметил, что борьба с Интернетом осуществляется исключительно путем рассылки воззваний по электронной почте, а агитация за борьбу с мобильными телефонами очень часто ведется по мобильному телефону, и предложил: выбросьте свой мобильник, отключите Интернет, а потом поговорим. И никто не вызвался.

Из этого можно сделать мрачный вывод о том, что об истреблении душевного говорят те, кому оно не больно-то и нужно. Они прекрасно обходятся и без внимания к людям, и без красоты мира, и вообще без эстетики: это все совершенно лишнее, они выше. На самом деле человек при этом неизбежно скатывается ниже душевного, но это уже тяжкий разговор.

О. А.: *Хочется к слову заметить, что многие святые отцы, подвижники, пустыnnики, были из очень простых семей и практически не получали ни образования, ни воспитания, но, будучи на высотах духа, являли себя как очень деликатные люди. Многие из них были чрезвычайно чуткими к красоте природы, любовались ею во время прогулок, слушали, как птички поют и Бога славят... Его, может быть, никто и не учил вежливости или эстетическому восприятию природы, но он обрел это знание именно на высотах духа. Следовательно, душевное там совсем не перегорает, а одно дело умерщвление и совсем другое – преображение.*

Таким был старец Иоанн, о котором я говорил вначале, таким был старец Силуан: можно сказать, из мужиков, а сколько деликатности в его назиданиях! Не условной этикетной вежливости, а обходительности, тонкости. Здесь душевная сфера не перечеркнута, но пронизана духом. Отец Софроний сообщает нам, что преподобный Силуан, обращаясь к миссионеру, у которого дело не заладилось, спрашивает: «А ты как разговариваешь? Говоришь, что и то-де у вас неправильно, и это? А ты не с этого начинай, ты говори: хорошо, что в Бога веруете, это правильно». Нужно, как апостол Павел писал, со всеми быть как все, чтобы спасти хотя бы некоторых (см. 1 Кор. 9, 22).

М. Ж.: И еще: *Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны* (Деян. 17, 22)...

О. А.: Да, и это.

М. Ж.: Это открывает нам тему, о которой лучше бы потом, а для начала давайте, по русской языковой традиции называя иностранным словом вещи нехорошие, разделим этикет как некое пустое, формальное соблюдение внешних правил (хотя это и не совсем точно, потому что в основе этикета заложены вещи весьма содержательные) и вежливость как вещь, которая питается душой и питает душу. Необразованные люди этикета могут и не знать, а вот насчет вежливости есть свои взгляды, есть правила общения, и они соблюдаются довольно строго. Я не говорю о современной русской деревне, которая неизвестно что собой представляет...

О. А.: Да, это уже какая-то степень распада или полураспада...

М. Ж.: ...говорю я о совершенно нормальной деревенской жизни, – хоть в России, хоть в Грузии, где я это наблюдала, хоть в Дагестане, о котором много слышала. Там везде очень строгое соблюдение правил вежливости.

О. А.: Отношение к старшим в первую очередь, даже и к старшему брату.

М. Ж.: Но еще и вежливое, даже почтительное, я бы сказала, отношение к мужчине. Мой отец рассказывал мне, что с его пятнадцатилетнего возраста его мама относилась к нему как к взрослому мужчине, называла батюшкой и выполняла его просьбы, даже если не очень понимала, что к чему.

Правда, он был мальчик разумный и работающий, старший из сыновей и уже работал как взрослый. А помню, когда мы переезжали на новую квартиру, коллега моего мужа, живущий в Махачкале, поручил сыну, московскому аспиранту, мне помочь. Аспирант, загруженный по уши, выбрался помочь перевозить растения, которых чрезвычайно много. Я немножко знаю правила, о которых идет речь, и поэтому через несколько минут после начала работы сказала молодому человеку: «Я знаю, что не в обычаях вашего народа, чтобы взрослый мужчина выполнял указания женщины. То, что вы это делаете, я особенно ценю». И у него внутри как будто пружина отпустила.

О. А.: Замечательный случай встречи двух культур; ведь вежливость – это часть культуры, причем органическая ее часть. И тут можно вспомнить об однокоренных словах: невежливый – невежественный, невежда, это значит и отсутствие вежливости, и отсутствие знания (ведения), и одновременно еще отсутствие благообразия, то есть знание, вежливость и благообразие оказываются некоторым образом связанными друг с другом. Тем самым вежество – это благообразное устройство жизни и человеческих отношений. Это слово ушло из нашего языка, а было очень красивым и очень глубоким. Зато осталось в корнях других слов.

М. Ж.: Когда слова уходят из языка и тем самым из жизни, это может происходить либо с одним знаком, либо с другим. Я общалась с православной француженкой, которая очень хорошо знала русский язык.

Как-то я употребила слово «амикошонство», и выяснилось, что она этого слова не знает и совершенно не понимает. Она только тоскливо встрепенулась, потому что звучание-то прилизительно знакомо ее французской душе. Я объяснила, что это от французского *ami-cochon* «друг-свинья» и что амикошонством называется нарочито небрежное обращение с людьми (**О. Алексей Гостев:** дружеское свинство). Выяснилось, что она этого не слышала никогда в жизни, то есть слово ушло из русского языка...

О. А.: Получается, что из французского тоже ушло...

М. Ж.: Да, а хорошо ли это? Скорее, дурно, потому что явление-то никуда не девалось, а стало просто нормой общения.

О. А.: *Люди воспринимают как норму то, что раньше считалось недопустимым стилем общения.*

М. Ж.: И все погрузились в это дружеское свинство.

О. А.: *Это, конечно, послереволюционное «товарищество», но ситуация продолжается и разве что усугубляется.*

М. Ж.: И хотя считается, что слово уходит вместе с тем явлением, которое обозначает, но на деле это не всегда так. Но скажите, батюшка, правильно ли я вас поняла, что вежливость, будучи элементом душевной сферы, может при своем развитии давать духовные плоды? А ведь может быть и так, что человек не ставит своей целью прежде всего быть вежливым, а хочет в основном жить духовной жизнью, как он это себе представляет. Обязательно ли человек, дух в котором живет ярко и интенсивно, станет совершенствоваться в навыках вежливости?

О. А.: *Если духовная жизнь подлинна, то это, так или иначе, не сможет не отразиться на том, что мы в связи с предыдущим рассуждением можем назвать вежественностью, как в случае с преподобным Силуаном или со старцем Иоанном с Валаама. Это даже неизбежно, потому что это отблески света, обретающегося в духовной жизни. Иными словами, если духовной жизни как таковой нет, то и вежливость никаких плодов не принесет, не откроет нам высоты духа. Но на обычном человеческом пути, закономерном, естественном, «нормальном», при сообразном внимании к душевному мы простираем свой путь и к духовному. При этом мы идем по ступенечкам, не прыгаем, потому что иначе можно споткнуться и упасть.*

М. Ж.: Теперь, обратившись к частностям и конкретностям, хотелось бы предоставить слово в основном вам, потому что я рискую удариться в ворчливость, которая может сильно затянуться. вы – священник, настоятель, вы видите приход, разговариваете с людьми, и они с вами разговаривают. Вы видите, как они стоят в храме рядом друг с другом и при этом происходит какое-то общение, вольное или невольное. Пожалуйста, скажите, что вы считаете проявлением невежливости в нашей реальной богослужебной жизни?

О. А.: *Именно в храме вежливость смыкается с вещами более духовными, например со смирением. Многие люди, и неоязычники, и люди, укорененные в бытовой церковной традиции, любят делать замечания. Иногда это происходит «про себя», но чаще проговаривается: кто-то не так стоит, кто-то не то надел... перечислять можно до бесконечности. Либо это прокручивается в мозгу, либо мы дерзаем делать замечания вслух, – и это вместо того, чтобы внимать себе, чтобы принимать ближнего, покрывать его, как говорят святые отцы. А кто поставил нас отслеживать и исправлять других? Вот это, несомненно, вопрос вежливости, но с другой стороны – вещь более серьезная.*

Что касается одежды, в которой мы приходим в храм, то для людей, условно говоря, церковных, это подчас оказывается просто альфой и омегой духовной жизни. Вопрос тонкий, потому что это проблема и этикета, и взаимной вежливости. Мне нередко рассказывают, что целые проповеди бывают посвящены тому, в чем приходиться в храм, – одна из любимых тем. Но как часто это становится поводом для нелюбви друг к другу, и прежде всего к неоязычникам: пришел человек – и его тут же выставили за порог, а он, может быть, больше и не придет. Но с другой стороны – ты приходишь в дом Божий. Если мы идем, скажем, в мэрию, в милицию или в приемную комиссию вуза, то стараемся одеться сообразно: скромно, достойно, так или иначе в соответствии с моментом, не говоря уже о встрече, от которой в нашей жизни многое зависит. А тут мы приходим к Господу Богу, и это не может не проявляться в том, как мы выглядим. Но очень важно подвести людей к такому пониманию деликатно.

М. Ж.: Это чрезвычайно важно и открывает целый пласт рассуждений. Кстати сказать, абсолютно нет и не было деликатности в этикете дворцовых приемов; здесь в приглашении

довольно жестко предписываются детали костюма: размер декольте, количество драгоценностей, даже тон платья, а для мужчин – такие же ограничения: цвет, фасон (фрак, смокинг или придворный мундир), предусматривалось даже, надеть ли ордена «по полному параду», на ленте через плечо, или удовольствоваться орденским знаком в петлице. Конечно, можно считать это ущемлением прав вольнолюбивых придворных.

А в церковных делах здесь нужна деликатность, хотя Бог и выше царя (и, наверное, именно потому): сначала следует объяснить людям, Кто такой Бог и что такое дом Божий, а уже потом, наверное, проблема одеяний будет решаться и проще, и более самостоятельно. Ну а если уж какая-нибудь несчастная женщина в трагическую минуту своей жизни влетит в храм без платка, абсолютно зареванная и с пламенным желанием припасть к источнику милости Божией – не надо ей делать замечания: она чувствует гибель над собой и спасается у Бога, а не у тех женщин во вполне корректных платках, которые при этом присутствуют.

О. А.: *Внешнее является выражением внутреннего, поэтому действительно если объяснить про Бога и про дом Божий, то дальше понимание пойдет уже изнутри.*

М. Ж.: Замечательно четкая формулировка касательно соотношения внешнего и внутреннего, но ведь это внутреннее должно быть. А если не будет не только что полного (это невозможно, как известно), но хотя бы вменяемого представления о Боге, то все правила поведения в храме останутся внешностью, в некотором смысле ложью, а это негоже.

О. А.: *Истинное представление о Боге можно получить только в Царствии Небесном, встретив Его там. Но необходимо, чтобы развивалось правильное о Нем представление, равно как и о духовной жизни, о соразмерности всех проявлений человека, в том числе и внешности. Мы опять приходим к уместности и полезности понятия благообразия (недаром это слово любил Достоевский).*

Идеал – это гармоническое сочетание духовного роста, душевной культуры и благообразного нашего обращения среди людей и с людьми, что включает и вежливость, и одежду.

М. Ж.: Как мне кажется, из нашей беседы следует, что не нужно учреждать кружков и семинаров по вежливости. Инструкций выпускать тоже не надо, а надо благовествовать людям Христа Спасителя.

О. А.: *И призывать к тому, чтобы светом Божией любви просвещалась и интеллектуальная сфера нашей жизни, и душевная, и чтобы даже в быту это сказывалось. Этому не противоречит душевное и материальное; перечеркнув их, мы никуда не вознесемся.*

М. Ж.: Но ведь бывает, что нарочитая грубость считается признаком нарочитой святости, прозорливости и т. д. Как вы к этому относитесь?

О. А.: *Это такая ферапонтовщина, по «Братьям Карамазовым». Очень гармонирует с представлением о священниках, создававшимся в советскую эпоху. Но нужно различать этот гротеск и традицию юродства.*

М. Ж.: Однако был прецедент и до революции: расстрига Илиодор Труфанов, который культивировал нарочитую грубость вплоть до брани. Кончил, однако, плохо¹⁰.

О. А.: *Немножко попахивает гностицизмом: необходимо грешить, чтобы каяться, или здесь желание показать, что мы выше этого; скорее второе. Но вот что касается традиции юродства, то ведь юродивый ведет себя не как все, даже нарушает какие-то нормы. Но он тем самым пытается разбудить нашу мещанскую успокоенность, чисто внешнюю прилаженность. Это очень актуально в традиционном христианском обществе, в традиционном христианском быту, который, однако, у нас был разрушен «до основания».*

Я думаю, что нам, может быть, не стоит идти по пути восстановления чисто внешней бытовой религиозности, но и приоритеты наши – не в том, чтобы взорвать бытовую

---

¹⁰ Об этом см. Протоиерей Максим Хижий. История одного расстриги: иеромонах Илиодор (Труфанов) // Альфа и Омега. – № 2 (46), 2006 г. – Сост.

успокоенность, разрушить ее, чтобы достучаться выше, а в том, чтобы достигать гармонии, сообразовывая духовное, душевное и материальное.

М. Ж.: Если уж речь зашла о внешнем, то можно вспомнить, что в соловьевских «Трех разговорах» антихрист предлагает православным, искушая их, полный набор внешнего благолепия: сарафаны, поддевки, иконы старого письма, старопечатные книги. А они отказываются, и старец Иоанн говорит: «Нам от тебя ничего не нужно. Прославь Христа». И тут антихрист в гневе и ужасе показывает свою сущность.

О. А.: Да, «Три разговора» – замечательный философский трактат, и действительно, главный критерий – это Христос, все свои действия и поступки, все свои взгляды следует соотносить с Ним. Во Христе мы увидим и красоту, и благообразие, и найдем в Писании ветхозаветные слова, подтвержденные Новым Заветом: «Не делай другим того, чего не хотел бы для себя». Это одновременно и минимум, и максимум.

М. Ж.: А для меня драгоценные места в Евангелии – это когда Спаситель разговаривает с женщинами. Он при этом говорит с какой-то особенной теплотой, хотя может и немножко «подколоть», как в разговоре с сиропиникиянкой (см. Мк. 7, 25–30), которую Он в общем-то сравнил с собакой, но ведь знал, с кем говорит, и знал, что иногда с женщинами нужно попроще, а иногда, напротив, более торжественно (*дерзай, дочь* – Мф. 9, 22). Но ведь всегда обращал внимание на то, с кем говорит, и с каждой говорил так, как ей это было надо. Это и есть высшая вежливость, когда дело не в том, «на ты» или «на вы», а в том, чтобы каждый получил то, что ему нужно.

О. А.: Вежливость, конечно, не самоцель, но это некое пространство, которое позволяет нам обратиться к ближнему, увидеть ближнего, почувствовать его, а в конечном итоге – учиться любви.

Может быть, это не единственная дверь, но главная, если можно так сказать, по крайней мере, одна из главных. Еще раз скажу, что это не самоцель, но возможность дальнейшего совершенствования.

М. Ж.: Теперь давайте мы с вами рассмотрим ту мещанскую мудрость, с которой начали. В ней чувствуется какая-то правда, но наряду с ней наличествует еще непонятно что. Ведь если подумать, то действительно ли вежливость обходится нам очень дешево?

О. А.: Она обходится нам не очень дешево по разным причинам. С одной стороны, не имея традиции вежливости, то есть в ситуации прерванности культурной традиции, не так-то легко усваивать и применять то, что когда-то было для людей естественным. И еще одна трудность – найти царский путь, потому что грубость, хамство – вещь, мало-совместимая с принципами христианской жизни, но это, так сказать, Сцилла, а есть еще и Харибда¹¹, и это политкорректность. Хамство для нас не внове, а что касается политкорректности, которая в конечном итоге сводится к нежеланию встретиться лицом к лицу с истиной, то это опасность немалая. С истинной вежливостью – вежеством – она не сродни, и их различие в конечном итоге сводится к различию духов.

М. Ж.: Тем самым получается, что цена вежливости – это возрастание личности, развитие души и восхождение к духовному. В деньгах этого не выразить.

О. А.: Мещанская мудрость на то и мещанская, что все измеряет в деньгах, поэтому с этой точки зрения оно, может быть, и дешево, но это никоим образом не легко.

М. Ж.: А вот насчет того, что ценится дорого – это, наверное, скорее справедливо. Люди действительно очень ценят, если с ними обращаются вежливо, в этом есть что-то отрадное для измученных человеческих душ.

---

¹¹ Сцилла и Харибда – в античной мифологии олицетворение опасностей в море; Сцилла – скала с пещерой, в которой обитает шестиглавое чудовище, Харибда – водоворот. Они расположены по обе стороны узкого пролива, и над ними не властен даже бог моря Посейдон. Сциллы и Харибды удалось избежать аргонавтам и Одиссею (дважды). Находиться между Сциллой и Харибдой – значит подвергаться опасностям с двух сторон. – Ред.

О. А.: *Это так, и я думаю, что вежливость отрадна тогда, когда она искренна, то есть пребывает в русле того возрастания, о котором вы говорили. Что касается политкорректности, то в ней как раз искренность отсутствует; политкорректность – это когда мы говорим не то, что думаем, боимся реальности – реальности ближнего, реальности его инаковости, его непохожести на нас. Может быть, это не совсем укладывается в нашу тему, но когда мы за вежливостью ощущаем искренность, то это всегда дорого и отрадно, а когда это еще открывает нам возможность для общения, для события, позволяет нам учиться любви, то это как раз то, ради чего все.*

М. Ж.: Политкорректность здесь действительно ни при чем в том смысле, что ничего общего с вежливостью, даже этикетной, она не имеет по следующей причине. Может ли вежливость кого-то обидеть? В принципе нет; ежели кому-то обидно, что при нем с людьми обращаются вежливо, если вежливое обращение к нему самому вызывает озлобление и даже агрессивность, это все-таки ненормально. А вот я читала разборы случаев применения политкорректности и усмотрела, что она всегда осуществляется за чей-то счет.

О. А.: *Прежде всего, за счет истины.*

М. Ж.: Да, но я имею в виду, что и за счет человека. Вот читаю я о международных курсах политкорректности. Завершение курса преподавательница решила отметить тем, что слушательницы будут читать стихи на своих родных языках. И одна немка начала было читать стихотворение Гете, но этому воспротивилась американка, закричавшая, что это язык фашистов, что она не намерена это слушать; вскочила, вылетела вон, хлопнув дверью. И преподавательница немедленно стала объяснять, что политкорректность состоит именно в том, чтобы никак не показать этой женщине, что она не права.

Получается, что оплевали и немку, и Гете заодно, истину тоже мимоходом поругали, потому что Гете к нацизму ровно никакого отношения не имеет – и все тихо-мирно, шито-крыто.

О. А.: *И сама американка так никогда и не узнает, как обстоит дело и с ней самой, и с немецким языком, и с Гете, и насколько глубоко и несправедливо она оскорбила бедную немку и испортила праздник всем остальным. Это – модель политкорректности, но при чем здесь вежливость? Та вежливость, о которой мы говорим, которая расчищает пространство для общения и для любви.*

М. Ж.: За политкорректностью кроется равнодушие, это на самом деле атомизация общества: никто друг друга не задает, каждый ходит по своим рельсам и никого не касается то, что происходит с другими.

О. А.: *И мало того, всякая попытка преодоления этого угашается, заглушается. Говорить искренне – неполиткорректно. А ведь высший смысл имеет только та вежливость, за которой стоит искренность.*

М. Ж.: Но ведь и истину говорить неполиткорректно! Тем самым пропадают два главных параметра человеческого общения: истинность и искренность. Остается пустая шелуха.

О. А.: *А ведь подлинная искренность и настоящая истинность просто не могут проявляться в грубой, невежливой форме.*

М. Ж.: А с другой стороны, именно вежливость дает возможность высказать истину в нетравмирующей форме.

О. А.: *То есть в адекватной, в соответствующей. А если истиной как топором махать, точнее – топором прорубать ей дорогу, то мы просто не сможем ее высказать, а дорога пойдет куда-то не туда.*

М. Ж.: Истина просто испугается топора и убежит.

О. А.: *Да, топор к ней прямого отношения не имеет. А вежливость – это, может быть, только форма, только оболочка, но содержание без этой оболочки не сохранить и не*

донести. Далеко не все равно, во что вместить некое содержание. И что нам с ним делать, коль скоро мы не имеем сосуда?

М. Ж.: Получается, что человек – чрезвычайно сложное явление, и при общении сложность наслаивается на сложность, так что никакими скудными правилами этого не описать. Все – как быть вежливым, зачем быть вежливым и т. д. – раскрывается только через любовь Христову. А ведь мы говорили о том, что вежливость может начинаться и без любви. Но любовь ее питает, и если вежливость не имеет своей целью вырасти в любовь, она вырождается.

О. А.: *Вырождается в политкорректность, в пустой этикет... В конечном итоге главное мерило у нас – Христос, и на этом в принципе можно закончить.*

М. Ж.: Да, и в этом случае, как и во всех без исключения случаях человеческой жизни Христос – наша главная тема.

О. А.: *Из Евангелия мы знаем, что Христос бывал резок (бывало, что и из педагогических соображений), но никогда не был груб, не позволял панибратства и ничего, что было бы противоположно вежливости и благообразию. Конечно, Его отношение к людям не исчерпывается вежливостью и благообразием, но и ничего противоположного им мы не отыщем, потому что вежливость – это путь вверх.*

М. Ж.: Замечательно, что и гнев Спасителя ничего общего не имеет с невежливостью.

О. А.: *Гнев Божий может быть грозным и даже попяляющим. Но невежливым он быть не может. Точно так же и любовь Его бесконечно превосходит вежливость. И наверное, этим все сказано.*

Опубликовано: Журнал «Альфа и Омега». – № 2 (49), 2007 г.

Повседневное христианство

Дни лукавы

Fugerit invida aetas...
Hor¹²

В конце декабря наступают дни, когда тема времени занимает в сознании большинства людей совершенно выдающееся место. Что принес уходящий год? Что было сделано за год? Что не удалось? Как получше встретить новый год? Что наметить? И это только самые крупные из множества проблем, вращающихся вокруг этой темы. Мысли о грядущем Рождестве – и те зачастую связываются с соображениями о том, как половчее устроить новогоднее меню, чтоб и постно, и вкусно. Можно подумать, что мы – сплошь времяпоклонники, приверженцы культа Кроноса. Он же в римском пантеоне Сатурн. Славился в основном тем, что пожирал своих детей. И еще тем, что в Карфагене (к тому времени он был уже частью римской провинции Африка) уничтоженный было римлянами культ Молоха (Ваала), которому приносили в жертву детей, возродился в форме тайной секты, поклонявшейся Сатурну и вновь приносящей в жертву детей. С этими приверженцами традиций пришлось иметь дело отцу Тертуллиана¹³, римскому чиновнику в Карфагене. Заметим, что Карфаген пал в 146 году до Р. Х. Тертуллиан родился около 160 года, что дает представление о времени жизни и деятельности его отца. Три века культивировалось втайне это зверство! Впрочем, не нам удивляться, поскольку сейчас детей приносят в жертву миллионами еще до их рождения. Именно в жертву – ради спокойной и удобной жизни, как карфагеняне – ради успехов в торговле и в политике. Из сказанного косвенным образом следует, что в античности к времени относились с опаской. И вполне возможно, что и в поздней античности слова апостола Павла, вынесенные в заголовок, могли быть встречены с пониманием. А о лукавых днях святой апостол говорит в Послании к Ефесянам (см. Еф. 5, 15–16). Перед этим у него в стихе 14 со ссылкой на пророка Исайю сказано: *встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос*. О свете Христовом много говорится также в начале Евангелия от Иоанна (см. Ин. 1, 4–11): *жизнь (в Господе) была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его... был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир... и мир Его не познал... и свои Его не приняли*. Тема света продолжается и в Ин. 3, 19–21: *...свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его... а поступающий по правде идет к свету*. Вернувшись к Посланию к Ефесянам, мы находим в интересующем нас месте (Еф. 5, 8, 11) сходную последовательность мыслей: *Вы были некогда тьма, а теперь – свет в Господе: поступайте, как чада света... не участвуйте в бесплодных делах тьмы...* Сопоставив тексты святых апостолов Иоанна и Павла, можно усмотреть сходство в описании духовного движения человека: сон во тьме, подобный смерти, – восстание ото сна, свет Христов, который есть жизнь. А далее – ситуация свободного выбора: к источнику света еще нужно идти, а при ненависти к нему

---

¹² Бежит необратимое время. Гораций. – М.Ж.

¹³ Тертуллиан – раннехристианский богослов, автор 40 трактатов, посвященных отношению христиан к язычеству, вопросам христианской морали и опровержению ересей. Первый выразил концепцию Троицы. Родился в семье проконсульского центуриона в Карфагене. Перешел в христианство и около 200 г. был рукоположен в пресвитеры, однако примерно через 10 лет ушел к сектантам-монтанистам. – Ред.

можно от этого и уклониться и опять погрузиться во тьму. И здесь нужно вновь обратиться к тем стихам Послания к Ефесеянам, которые были упомянуты в начале: *поступайте осторожно... как мудрые, дорожа временем, ибо дни лукавы*. Так возникает связь между описанием пути христианина (с недвусмысленным указанием, что тот, кто по этому пути не идет, пребывает во тьме) с характеристикой времени: дни лукавы.

Что же это значит? Может быть, это сказано из-за *необратимости* времени и из-за *непредсказуемости* событий во времени? Такую возможность следует рассмотреть. Физик скажет, что необратимость (линейность) времени – это константа. Спору нет, но это константа падшего мира. Нам трудно представить себе отсутствие времени, но, тем не менее, в вечности времени нет вовсе, и об этом свидетельствует святой апостол и евангелист Иоанн Богослов (Откр. 10, 6: *времени уже не будет*). Наверное, в связи с этим можно вспомнить доктора Фауста: Мефистофель соблазнил его обещанием создать для него такую распрекрасную жизнь, что Фауст поневоле захочет остановить мгновение, ибо оно достигнет совершенства. Но за долгую-долгую жизнь (большая часть которой описана во второй части пьесы, с оперой уже не связанной), преисполненную множеством вроде бы прекрасных вещей, такого мгновения не нашлось, и только напоследок лукавому удалось обмануть слепого старика, внушив ему, что вокруг все замечательно. Однако Высший Судия решил, что бес все равно проиграл. Заметим себе, что гордый ученый счел, что задача остановить время – хотя бы с помощью темных сил – заманчива и его достойна. Каков замысел – изменить богоданный порядок вещей здесь и сейчас, не дожидаясь сроков осуществления Божественного замысла о мире! Ведь это тоже своего рода отмена времени, но извращенная. Масштабный соблазн: достичь такого величия, чтобы сказать: *времени больше нет*. Ведь это и было заветной целью Фауста, а вовсе не Гретхен и не Елена Спартанская, не царское могущество и не неслыханные богатства. Но *Бог поругаем не бывает* (Гал. 6, 7), и пока мы не в вечности, время существует. Оно связывает нас, оно нам тяжело, и Мандельштам пишет о *бремени времени*. Это бремя можно понимать по-разному, хотя наиболее общее в человеческом восприятии времени – это то, что его поступательное движение у большинства вызывает сознательный или подсознательный психологический дискомфорт. Для кого-то непереносимо то, что оно необратимо, для кого-то – что движется медленно; кто-то в ужасе от того, что оно мчится так быстро. Легко догадаться, что дело тут не в физических характеристиках, а во внутреннем состоянии человека. И не надо осуждать (осуждать вообще нехорошо) тех, для кого время идет медленно, как говорится, тянется, тех, кто от этого страдает: ведь это могут быть и любящие, разлученные с любимыми, и праведники, взыскующие вечной жизни в Боге, и узники в одиночной камере, а не обязательно скучающие лентяи. Правда, отрицать наличие последних невозможно хотя бы потому, что это они породили слова о том, что нужно-де «как-то убить время».

Немало и тех, для кого время движется слишком быстро, и это снова совершенно разные случаи: замедлить время хотели бы и те, у кого срочная работа, а они боятся не успеть, и те, кто охвачен бурной страстью, и (скажем, забегая вперед) те, кто в сознании своего духовного несовершенства желает избавиться от грехов, но понимает, что это дело непростое и мгновенно не осуществляемое, – но и те, кто «вдруг» понял, что конец жизни неминуемо близок. К этому тоже относятся по-разному: кто-то считает, что уже все равно, машет на все рукой и, по глубокому замечанию Льюиса, еще при жизни погружается в ад. Кто-то осознает, что необходимо покаяться, достойно подготовиться к кончине. Успеть бы... А некоторые просто хотят «еще пожить». Окуджава в одной из поздних песен обращается к смерти: *погоди...* Может, и погодит, а может, и нет.

Давно замечено, что ложь врага рода человеческого отличается от беспардонного вранья, например, Хлестакова, который мало кого в состоянии обмануть, тем, что она (ложь) искусно переплетена с правдой. Слова Воланда о том, что дело не в том, что человек смер-

тен, а в том, что иногда он внезапно смертен, потому и звучат так убийственно, что это правда... И древняя христианская мудрость сохраняет всю свою повседневную (можно даже сказать, ежеминутную) значимость: жить нужно так, как будто завтра – конец света и Страшный суд, то есть постоянно быть в готовности предстать перед Господом, а работать – так, как будто впереди вечность, а следовательно, никаких оснований для спешки нет, то есть тщательно доделывать все до конца – и как можно лучше. Да, действительно получается, что необратимость и непредсказуемость времени могут сыграть с человеком страшноватую шутку, на которые вообще мастер тот, кого мы называем *лукавым*. Но это еще не вся правда о *лукавых днях*. В значительной степени дни лукавы оттого, что необратимость и конечность времени в падшем мире таят в себе почву для опасения: не успеешь, пропустишь, чего-то лишишься... И в этом – страшная ловушка: соблазн попытаться «ухватить свое» не там, где следует. Подробностей можно не приводить, их легко представит себе любой: погоня за славой, богатством, удовольствиями, столь распространенная ныне погоня за здоровьем, доводящая людей до полного умоисступления и потери сил. Эта спешка абсолютно безрадостна, потому что уж таков потребитель: он пытается дотянуться до всего, что может схватить, и затем скорбит о том, что до чего-то дотянуться не может. Но *дни лукавы*, и история человечества кишмя кишит страшными примерами того, к каким крушениям приводит эта погоня. Эти крушения часто напоминают аварии на автогонках, – и этим тоже ведает лукавый. Когда мы молимся об избавлении нас от него, зачастую имеются в виду какие-нибудь оккультные явления в стиле компьютерных кинотрюков. А ведь *лукавство дней* – оно, можно сказать, повседневно рядом и оттого еще более опасно. Ахматова писала о том, что ужасы войн (их можно избежать) и чумы (ее можно искоренить, как искоренили оспу) бледнеют перед ужасом *бега времени*, и утверждала, что от этого ужаса нас никто не избавит, в чем была не совсем права, но об этом ниже. И она же в дневниковых записях пишет о том, что человечество может погибнуть от скорости: все больше авиа- и автокатастроф (можно добавить, что все больше смертей от инфарктов и инсультов, часто вызываемых перенапряжением жизненной погони), но это почему-то никого не заставляет задуматься. Именно в этом роковом ускорении жизни она усматривала ростки гибели человечества. Я знала человека, всецело захваченного своими жизненными планами и всегда бешено спешившего. Гнал машину, врезался в другую. Погибла жена, сам тяжело пострадал. Подлечился – и снова врезался, на этот раз насмерть. А ведь неглупый был человек и пост занимал немалый. Уже давно было проведено исследование, показавшее, что в больших городах на первом месте среди причин инфаркта – погоня за вот-вот уйдушим автобусом... Простая, наглядная, бытовая, а потому особенно страшная символика.

Все это так, – могут мне возразить, – но мы-то другие, мы христиане, а не то что иные прочие! Однако святой апостол и пишет о *днях лукавых* не для тех, кто целиком захвачен суетой, а для тех, кому просиял свет Христов и кто, говоря современным языком, сделал свой выбор. И это предупреждение адресовано именно им. То есть нам. Это нам следует рассмотреть возможности преодоления лукавства дней, убедиться, что на путях мира сего их нет, и обратиться к миру духовному.

Когда мы говорим, что мы-де не такие, как остальные, то всегда имеем в виду, что мы лучше. Так чем же мы лучше? В чем наши «привилегии»?

Ведь не сектанты же мы, считающие себя уже спасенными. На самом деле у нас есть всего одна привилегия – но величайшая, решающая, ослепительно прекрасная, и она состоит в том, что нам дарована возможность каяться и вместе с этим – благодатная помощь Божия в борьбе с грехом. И со временем тоже, хотя нас не освобождали здесь и сейчас от его необратимого бега в параметрах мира вещественного, как и от смертности телесной. Все совсем по-другому. Можно даже ясно увидеть ту, условно говоря, точку, от которой отсчитывается дар преодоления если не времени вообще, то *лукавства дней*. И эта точка – опять-таки во

времени: это Рождество, располагающееся в нашем календаре неподалеку от Нового года, но носящее принципиально иной временной характер. Рождество – это приход в мир воплотившегося Бога, что знаменует начало преодоления скорбей падшего человечества: победу над смертью и открытые врата Царства Небесного, куда может последовать любой из тех, кто верит в Сына Божия и верен Ему. А там, как нам уже известно, времени не будет. Примем во внимание, что Рождество, как и всякий церковный праздник, – это не точка во времени, обозначающая наложение двух календарей, церковного и гражданского, а место пересечения двух систем отсчета времени. И не в том дело, что здесь наблюдается различие «стилей», а в том, что церковный год в некотором смысле не линейен, потому что недаром называется *богослужебным кругом*. И если я по какой-то досадной причине не смог быть в храме на любимый праздник – Бог даст, в следующем году смогу. Таким образом отчасти снимается необратимость времени. Год за годом мы не просто отмечаем, а переживаем вехи истории спасения, год за годом увеличивается, углубляется, обретает перспективы наш духовный опыт. Год за годом церковный корабль движется к вечности – и мы с ним. Если мы с ним.

Преподобный Зосима Верховский, опытейший подвижник и старец-душепопечитель, сказал слова, смысл которых так просто не постигнешь, к ним нужно привыкать, в них нужно долго вдумываться: «Душа и время – одно». Да, милость Божия такова, что преображает *лукавые дни*, делает их условием возрастания души. Поэтому люди благочестивые не могут терять времени даром: как можно уставиться в телевизор, где бесконечно тянутся бессодержательные диалоги сериала (его бедноватый сюжет вполне можно было бы уложить минут в двадцать экранного времени, остальное – уловка, *лукавство*), когда при этом буквально чувствуешь, как из души вытекает ее благое наполнение? Как можно годами ходить в гости, заранее зная, кто будет (а будут те, кого год не видел и легко мог бы не видеть еще год), что будет на столе, кто о чем будет говорить?.. С точки зрения времени эти нудные гостевания – просто какой-то дурной сон, из которого никак не вырваться, а уж с точки зрения вечности... и говорить не о чем. Конечно, это не относится к посещению тех, кого мы искренне любим, с кем ведем задушевные разговоры, – но много ли таких случаев? А Господь по великой Своей милости может даже изгладить последствия наших греховных поступков, то есть сделать их как бы не бывшими. Но такая великая милость Божия будет соразмерна не нашим заслугам (увы нам! какие уж там заслуги!), а искренности и силе нашего покаяния. Да и то, думается, речь здесь должна идти не о физике времени, а о духовных процессах. И даже при самом искреннем и глубоком покаянии без *соработничества* человека с Богом дело не обходится, и когда Господь ограждает нас от нашего греховного прошлого – это отнюдь не механический процесс. Покаявшись и приняв Святые Дары, мы соединяемся с Господом – но кто может сказать, на сколько часов? минут? секунд, наконец? Ведь время идет, и *дни лукавы*, то есть время исполнено соблазна. Поэтому-то апостол призывает к осмотрительности и мудрости. Поэтому-то и не следует ничего предпринимать без молитвы и рассуждения. Все мы знаем, насколько это на самом деле трудно – и как легко непроизвольно сорваться с избранного пути осмотрительности, – и тем не менее возможность пребывать с Господом нам дана. И можно утверждать, что по милости Божией преодоление *лукавства дней* – в руках человеческих. И лишние слова (а слова злобы и осуждения – лишние по определению) тоже, по сути, относятся к соблазну времени, их тоже не вернуть. А легко ли всегда руководствоваться неисчерпаемой мудростью святого апостола Иакова: *всякий человек да будет скор на слышание, медлен на слова, медлен на гнев* (Иак. 1, 19)? Вопрос риторический, но давайте еще раз убедимся (и удивимся), насколько мудро апостолы – на этот раз брат Господень – учат нас управлять временем, точнее – темпом своей жизни! Это еще один пример того, что бремя времени следует принимать со смирением, поскольку тяжесть его облегчается благодатью. Правильно ли мы принимаем этот бесценный дар – благодатную способность использовать бег времени себе во спасение? Да не очень. В свое время митрополит Сурожский Антоний

говорил, что мы живем, как черновик пишем, в надежде «когда-нибудь в удобное время» переписать его начисто¹⁴. Но удобного времени не будет. Сделанное сделано, и только Бог в силах отпустить нам грехи – если мы просим так, как подобает. Но если бы просили так, то не было бы бесчисленных пособий к исповеди, в разной степени удачных, не мыкались бы в толпе ожидающих исповеди несчастные фигуры, бормочущие: «А что говорить-то?»

Но это еще не все горе в нашем небрежном отношении к времени; представляется, что хуже того – глубокая убежденность в том, что я-де что-то сделал не так, я же и исправлю. А ведь и древние греки понимали природу времени (и опасались ее) настолько, что не только сделали бога времени пожирателем собственных детей, но и говорили: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку», потому что вода течет, и река, строго говоря, будет уже другой. И если уж такое простое действие практически неповторимо, то что же сказать о более сложных!

Со временем происходит то же, что и с другими вещами в падшем мире: Господь по благодати дает нам силу и власть выводить время из сферы действия лукавого. И тогда каждое мгновение драгоценно, потому что таит в себе возможность приближения ко Христу. Один священник на отпевании сказал: «Мы были свидетелями возрастания души до последней секунды». Вот это возрастание души и есть то, что дарит нам благодатно преображенное время.

И если подумать, то понятно, почему апостол призывает *дорожить временем*: это явление падшего мира – но и мира спасенного; спасительный подвиг Господа нашего позволяет нам видеть ростки спасения буквально повсюду. В мире падшем время – это одно из его проклятий, в мире спасенном – один из драгоценных даров Божиих, данных нам *нашего ради спасения*.

Опубликовано: Журнал «Фома». – № 1 (81), январь 2010 г.

---

¹⁴ Удивительно, но то же самое писал Сергей Довлатов, многократно называвший себя неверующим. – М.Ж.

О подготовке к посту и битве на поварешках

Идет Сырная седмица. Она же Масленица. Неисправимые оптимисты воспринимают запрет на мясную пищу как сугубое поощрение к пище немясной. Это-то ладно.

Но тут такое дело: должен ли быть какой-то переходный период между масленичными гуляньями и молитвой преподобного Ефрема Сирина? Мы же все-таки не коты, чтоб нам объявили: «Вот тут тебе Масленица, а тут Великий пост».

Как-то считается, что от жирной и сдобной пищи люди добреют. Хорошо бы, потому что именно этого нам так не хватает. Так что будем надеяться, что духовный смысл Масленицы в этом и состоит.

А тут, очевидно, мысленно готовясь к такому повороту, я стала замечать, что в доступном мне фрагменте фб (фейсбука. – *Ред.*) хорошие, умные люди даже похвалить человека не могут, не поругав кого-то другого. Царствует модель: «Да, Икс – хороший человек, правильно действует и добивается результатов. Не то что Игрек...».

В дальнейшем выясняется, что Игрек-то сам по себе вроде и тоже неплох, и действия его, в общем-то, находятся в границах допустимого, и результаты кое-какие у него наблюдаются... но что-то во всем этом не то – с точки зрения автора. Ну не нравится ему Игрек, а Икс нравится.

И вместо того чтобы констатировать: вот я, автор, такой человек, что мне Икс ближе Игрека, рисуется широкое полотно. А материалу-то всего-навсего для того, чтобы, смачно закусив блином, подумать: кто же я такой, и почему я такой, и, – о, Господь Всемогуший, скажи, что с этим вот таким мной делать-то?

Вот самопознание – дело святое, прочное основание для того, чтобы приступить к великопостному покаянию. Но тут есть нюанс: на этом пути преградой выступает хорошо развившаяся в последнее время модель «сам дурак», выражаемая со всей силой паточного красноречия: «ах, братия, до чего мы любим осуждать других...». Да, любим, и данный оратор в этом смысле от прочих ораторов мало чем отличается: тоже ведь осуждает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.